

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2015

№3 (143)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2015

№ 3 (143)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Голови́н**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любу́тин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, профессор (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслев,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

В. В. Макерова,
канд. филос. наук, доц.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ	
Поэзия Звиревича.....	5
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Лобовиков В. О.</i> Дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта учения Канта о необходимой противоречивости мышления о непознаваемом бытии вещей в себе	9
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Томильцева Д. А.</i> Феномен исторической ответственности: аспекты проблематизации	23
<i>Меренков А. В., Мустаева Ф. А., Полякова В. В.</i> Самоопределение семьи как социокультурное явление.....	35
<i>Грунт Е. В., Елисеева Е. С.</i> Имидж профессии и образ молодых преподавателей вузов: особенности взаимодействия	43
<i>Ильдарханова Ч. И.</i> Жизненное пространство села Республики Татарстан: актуальные социальные проблемы.....	51
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Чесноков А. С.</i> Парадоксы демократизации в политической теории и практике	59
<i>Мухаметов Р. С.</i> Политическая конкуренция на выборах мэра Екатеринбурга.....	68
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Кузьмин В. А.</i> Политическая реакция японских правящих кругов на открытие второго фронта в Европе	75
<i>Погосян Р. А.</i> Переосмысление «арабской весны»: западные аналитики о политике ЕС в Южном Средиземноморье	78
ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Закс Л. А.</i> Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма	88
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Пургин С. П.</i> Душа в платонизме и христианстве, или О чем говорит одно трудное место у Платона («Федр», 246b6-c7).....	102
<i>Сухарева В. А.</i> К вопросу об основаниях структурного единообразия языка, реальности и сознания после лингвистического поворота.....	109
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
<i>Герасимова О. Ю.</i> Сетевая социальная морфология гражданского общества .	117
<i>Антонова Н. Л., Щербакова М. В.</i> Брачный выбор молодежи: социологическое измерение.....	122
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Любин В. П.</i> История нацистского рейха и его краха. Восприятие нацистского режима современными немцами. <i>Историографический обзор</i>	128
<i>Кондрашов П. Н.</i> Новая книга о философе-марксисте Луи Альтюссере.....	138
КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ	
<i>Атанесян А. В., Камынин В. Д., Лямзин А. В.</i> Уроки истории XX в.: 100-летие геноцида армян в Османской империи.....	144
<i>Лисовец И. М.</i> «Город как сцена. Прошлое. Повседневность. Будущее» — интернациональный научно-исследовательский альманах и семинар. <i>Обзор участника</i>	148
Авторы номера	153
Summary	155

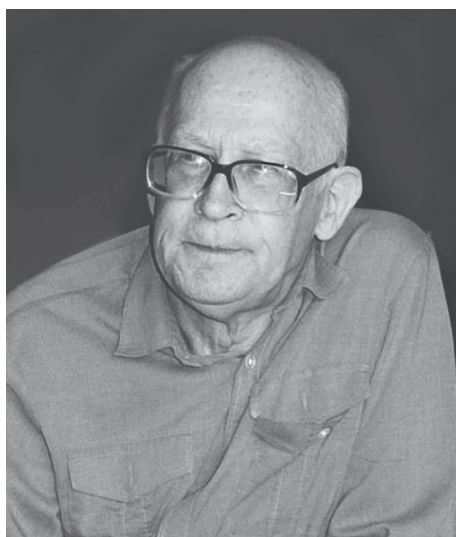
ЮБИЛЕИ

В августе исполнилось 80 лет со дня рождения профессора кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук нашего университета Витольда Титовича Звиревича, доктора философских наук, известного своими глубокими исследованиями по античной и средневековой философии. Редакция от всей души поздравляет Витольда Титовича с юбилеем, шлет самые добрые пожелания и рассчитывает на публикацию его новых статей и переводов. В заметке, которую мы печатаем ниже, своими мыслями о Витольде Титовиче, университетском профессоре в самом высоком смысле этого слова, делится один из его учеников и коллег Сергей Петрович Пургин.

ПОЭЗИЯ ЗВИРЕВИЧА

Первые слова, которые непроизвольно всплыли в голове, когда я стал обдумывать эти заметки, были известные слова Шпенглера из его «Заката Европы»: «Природу надо трактовать научно, об истории — писать стихи»... Отношение этих слов к Витольду Титовичу Звиревичу может показаться вполне случайным, но эти слова преследовали меня неотступно, и я подумал, что в них, для меня по крайней мере, выражается нечто существенное в связи с тем поводом, который невозможно считать просто календарно-юбилейным.

Писать о В. Т. Звиревиче «юбилейную статью» с обычным перечислением трудов и достижений юбиляра немислимо.

Не только потому, что у меня, как и у многих других людей, глубоко личное отношение к нему как к ученому и как к человеку, которое, конечно, не выразить в жанре «юбилейной статьи». В первую очередь, причина — сам Витольд Титович, который не терпит «парада», и «юбилейный официоз» (как и любой другой) ему неприятен. С другой стороны, Витольд Титович вообще не любит никаких излишних чувств, никакой аффектации, поэтому автор статьи о нем заведомо находится в трудном положении.

«Писать стихи об истории»... Читая заметки В. Т. Звиревича о его учителях, короткие записи о студенческих годах (моя благодарность Витольду Титовичу за возможность познакомиться с ними!), я думаю, что такая жизнь в науке, такое *начало* этой жизни и на самом деле сродни поэзии! В записях Витольда Титовича, несмотря на их краткость, ясность, — вкус к точности, привитый его учителями, выдающимися историками, работавшими на историческом факультете, — угадывается вдохновение, упоение знанием! Среди учителей В. Т. Звиревича — Нина Николаевна Белова, у которой он писал дипломную работу; Александр Лаврович Вознесенский, который занимается с молодым студентом латынью и древнегреческим; Евгений Георгиевич Суров, с которым студент Звиревич тесно общается во время археологической экспедиции в Херсонесе; основатель уральской византийской школы Михаил Яковлевич Сюзюмов. Сюзюмов руководит одной из курсовых работ Витольда Титовича, собственноручно редактирует ее, относит в машинописное бюро и представляет на конкурс студенческих работ. В дальнейшем Сюзюмов рецензирует диплом Звиревича, помогает начинающему ученому советами, книгами из личной библиотеки... «В прежние времена мы послали бы вас для совершенствования за границу», — вспоминает Витольд Титович слова учителя, сказанные ему накануне окончания университета...

В. Т. Звиревич — историк философии, автор книг и статей по античной философии. Он же — переводчик латинских и греческих философских текстов. Долгие годы он читал курс лекций по древней философии на философском и историческом факультетах. Наконец, он много лет, с перерывами, но едва ли уже не с момента окончания исторического факультета, преподает классические языки, в течение последних десяти лет, по крайней мере, пользуясь своей собственной оригинальной методикой. Вся его деятельность, вся его жизнь связана с классической древностью. (Не только с классической, впрочем, ведь, к примеру, у него есть работы, посвященные историографии древнекитайской философии.) Общее место, очевидный трюизм — говорить о том, что предмет занятий настоящего ученого всегда как-то отражается на его личности, равно как и его личность по-своему — в зависимости от специфики той области знания, где работает ученый, — на результатах его исследований... Тем не менее я рискну поделиться здесь с читателями одной давно уже вынашиваемой мной мыслью-наблюдением.

Философской вершиной и итогом античности была концепция идеи-формы, выражаемой по-разному в платоновских и аристотелевской школах то терминами *εἶδος* или *ἰδέα*, то термином *μορφή*. Идея-форма активна, она воздействует на материю, упорядочивает, организует ее. Ей присуща особая сила и гибкость, возвышенная красота. Входя в материю, как бы распускаясь в ней, она вместе

с тем не погибает, не растворяется, но сохраняет свое единство и тождественность, всюду проявляя свою живую силу.

Время, в которое пришлось работать Витольду Титовичу Звиревичу, не было простым для ученого-гуманитария, который хотел бы быть последовательным и честным, верным тем принципам, в которых он был воспитан своими наставниками. Оно и сейчас, конечно, остается непростым. Книга В. Т. Звиревича о Цицероне «Цицерон — философ и историк философии» вышла в 1988 году. Его же «Античная антропология: от героя-полубога до “человечного человека”» — в 2011-м... Четверть века прошло, изменились вкусы, изменилась литературная и интеллектуальная мода. Кажется, что с течением времени все или почти все изменилось в нашем университетском окружении: кто писал «против», теперь пишет «за», и, наоборот, бывшие атеисты стали адептами религий, писавшие о «деревне» переквалифицировались в урбанистов и т. д. Лишь немногие продолжают идти своим путем, углубляя и расширяя свои выводы, продолжая делать свое дело, невзирая на изменяющиеся обстоятельства.

Пишут в наши дни много, а издают еще больше. Перечни научных трудов иногда не только маститых профессоров, но и вчерашних выпускников, молодых ученых поражают количеством публикаций. Но количеству статей или книг далеко не всегда соответствует их качество. Часто, слишком часто пропорция здесь оказывается прямо обратная. «Сейчас кто во что горазд, то и сочиняет или пишет», — вздохнула в одном из интервью Аза Алибековна Тахо-Годи, выдающийся филолог-классик нашего времени. Порой кажется, что почти что у тебя на глазах, да простит меня читатель за пафос, разлагается, гниет сама научная мысль... Я открываю книгу В. Т. Звиревича «Жанр утешений в античной философской литературе». Скромный подзаголовок: «Учебное пособие». Но эта книга Звиревича — едва ли не первая в отечественной литературе *научная* работа, где рассматривается важнейшая — не только для античности — тема *философии как утешения*. Прослежена история данного жанра как жанра философской литературы в античности. Пусть это первый шаг, шаг, имеющий характер исторического очерка. Но первый шаг часто оказывается и самым трудным. Кто-то должен его сделать. Ясный, последовательный, в лучших традициях науки о классической древности, шаг... Книга включает в себя большую «Хрестоматию утешений», в которой — переводы ранее никогда не переводившихся текстов Цицерона, Сенеки, Плутарха... В том же 2013 году, когда эта книга вышла в издательстве Уральского университета, в московском научном издательстве «Кругъ» вышел огромный том «Сатурналий» Макробия, одного из самых знаменитых памятников античной литературы, впервые полностью переведенного Витольдом Титовичем... Плод напряженной работы нескольких лет! Эта книга является также одним из важнейших источников для историка античной философии.

Особенность работ В. Т. Звиревича — простота и точность мысли и ее выражения. Монографии и учебники Витольда Титовича написаны ясным, живым языком. Там, где есть мысль, там есть и жизнь. Это вновь заставляет меня

вспомнить об античной концепции идеи-формы. Она, эта форма, всегда активна и свежа... Да простит мне Витольд Титович личное признание, но я именно так ощущаю его присутствие в нашей сегодняшней университетской среде. Что еще осталось от жизни среди потока невнятных публикаций, среди тех самых имитаций, подделок, о которых здесь и вспоминать бы не хотелось, да невозможно не вспомнить?.. В случае Витольда Титовича молодость встречается с молодостью. Он классический преподаватель, осуществляющий в своей работе со студентами традицию своих блестящих учителей. И в своих научных исследованиях Витольд Титович не делает перерывов, работает постоянно, в последнее время, по его словам, занимаясь историографией... Греческое слово «поэзия» в истоке означает «созидание», «творение». Поэзия не только в рифмованных или нерифмованных строках. Поэтическая атмосфера окружает неприметную — кабинетную — каждодневную работу ученого, проявляясь в точно найденной формулировке, меткой характеристике... Такова «поэзия Звиревича», которая оказывается для нас сейчас насущной, необходимой.

С. П. Пургин

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 1(091) + 16 + 17 + 51-7

В. О. Лобовиков

ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА УЧЕНИЯ КАНТА О НЕОБХОДИМОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ МЫШЛЕНИЯ О НЕПОЗНАВАЕМОМ БЫТИИ ВЕЩЕЙ В СЕБЕ

Предлагается формально-аксиологическая интерпретация учения Канта о вещах в себе. Показывается, что в этой необычной интерпретации все относящиеся к теме утверждения Канта истинны, следовательно, существует модель обсуждаемого учения и, вопреки широко распространенному мнению, оно логически непротиворечиво. Для построения адекватной дискретной математической модели учения Канта о непознаваемости бытия вещи-в-себе в алгебру формальной аксиологии вводится и точно в ней определяется ценностная функция «бытие s в w ». В алгебре метафизики как формальной аксиологии понятие «метафизический закон» точно определяется с помощью понятия «тождественно хорошая ценностная функция». В этом значении термина метафизический закон необходимости противоречия в мышлении о непознаваемом бытии вещей в себе обосновывается аккуратным «вычислением» соответствующих ценностных таблиц.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бытие вещи в себе, формально-аксиологический закон, антиномия, формально-аксиологическое противоречие, алгебра метафизики как формальной аксиологии.

«Вещь в себе» была очень неудобным элементом в философии Канта, и она была отвергнута его непосредственными преемниками, которые соответственно впали в нечто, очень напоминающее солипсизм. Противоречия в философии Канта с неизбежностью вели к тому, что философы, которые находились под его влиянием, должны были быстро развиваться или в эмпиристском, или в абсолютистском направлении.

Б. Рассел. История западной философии [17, 841]

Историко-философское введение

Противоречивость учения Канта о вещах в себе отмечалась многими. Даже «...у непосредственных последователей Канта... имелись попытки перетолковать

вещь в себе таким образом, чтобы устранить связанные с ней действительные или мнимые противоречия (Я. С. Бек, С. Маймон и др.)...» [5, 113–114; 6, 41]. В отечественной литературе противоречивость учения Канта о непознаваемости вещей в себе отмечается, например, в работах В. Ф. Асмуса [1, 46–49, 105–108], Т. И. Ойзермана [15, 22, 79] и И. С. Нарского [14, 197, 198; 15, 22, 79]. На первый взгляд, нерешенной *проблемы* противоречивости философии Канта уже нет: она уже решена; единогласно принято считать, что его агностицизм в отношении вещей в себе логически противоречив.

Но тогда почему в настоящей статье тезис о противоречивости учения о непознаваемости бытия вещей в себе выносится на обсуждение снова и рассматривается как *актуальная проблема*? Для ответа на этот вопрос целесообразно обратить внимание на то, что все вышеупомянутые исследования наследия Канта были ограничены возможностями естественного языка и принципа историзма. Сегодня эти возможности почти исчерпаны, но появились качественно новые, а именно необходимо связанные с современной тенденцией к всесторонней компьютеризации, конструированию математических моделей и искусственных языков для представления гуманитарных, в частности философских, знаний в человеко-машинных интеллектуальных системах.

В качественно новой обстановке целесообразно провести ревизию (внешнюю аудиторскую проверку) того, что, согласно доминирующему убеждению, имеется (а чего нет) в философском наследии Канта. Актуальность проблематизации уверенности подавляющего большинства философов в логической противоречивости агностицизма Канта обусловлена тем, что нередко уверенность основывается на психологически естественно возникающей логико-лингвистической *иллюзии* наличия логического противоречия там, где его нет. Например, психологически естественно воспринимать парадокс Дж. Мура как явное противоречие (абсурд), но тщательные логико-лингвистические исследования свидетельствуют, что собственно логического противоречия в «парадоксе» Мура нет [18]. Что, если и с логической противоречивостью агностицизма Канта дело обстоит аналогичным образом? Надо проверить. Причем для проверки целесообразно привлечь качественно новые методы анализа, в особенности современные логико-математические средства. Приложение новых методов к старым предметам исследования эвристически ценно, так как чревато неожиданностями.

Вплоть до настоящего времени кантианство — источник новых идей в разных областях человеческого знания. Обращаясь к работам Канта (даже к его редко упоминаемым ранним сочинениям), современные исследователи продолжают открывать в них такие аспекты и глубины, которые до этого просто не замечались, упускались из виду¹. Общеизвестно, что наряду с другими учебными дисциплинами кёнигсбергский мыслитель преподавал логику. Сегодня очевидно, что его

---

¹ На мой взгляд, примерами такого рода открытий могут служить статьи А. Г. Кислова [3, 4] и О. М. Мухудинова [13]. Как правило, смены парадигм в системе человеческого знания сопровождаются реинтерпретацией историко-философского наследия, и, как правило, это касается и оригинальной доктрины Канта. При этом некоторые ранее не замечавшиеся ее аспекты выходят на первый план и предстают в совершенно новом свете. Именно это в полной мере проявилось в указанных статьях.

скептическое отношение к применению математических методов для развития логики было ошибкой. Но вопреки ей некоторые логико-философские идеи Канта важны для исследования философских оснований математики и математической логики. Философско-методологическая доктрина Канта и в наше время интересует физиков, биологов, психологов, психиатров, конструкторов роботов, специалистов в области прикладной математики и информатики, разработчиков систем «искусственного интеллекта». В условиях прогрессивного развития современной цивилизации информационных систем и компьютерных технологий, систематически использующих дискретные математические модели, целесообразно взглянуть на доктрину Канта по-новому, а именно «через призму» дискретного математического моделирования ее основных положений. Но что именно в обсуждаемом учении можно и нужно подвергнуть такому моделированию? По моему мнению, в принципе, можно и даже нужно построить дискретную математическую модель метафизической системы Канта в целом, но начать следует с какого-то ее важного фрагмента, двигаясь в дальнейшем от частей к целому.

Для точного указания на все еще актуальную философскую проблему «кантоведения», выбранную в данной статье в качестве объекта исследования с помощью дискретной математики, здесь целесообразно привести цитату из уважаемой энциклопедической статьи, написанной компетентным специалистом по истории философии:

ВЕЩЬ В СЕБЕ (нем. Ding an sich, Ding an sich selbst, иногда Gegenstand an sich) — одно из центральных понятий критической философии И. Канта, известное, однако, в тех или иных вариантах и в предшествующей философской традиции...

Философски нагруженные выражения «в себе», «само по себе» (an sich, an sich selbst) уходят корнями в античную философию и имеют соответствия также в латинской терминологии (per se, in se). При этом «per se», «in se» означает то, что имеет место через само себя, т. е. сущностное, внутреннее, необусловленное; этому противопоставляется нечто обусловленное, внешнее. Немецкое «an sich (selbst)» следует латинской традиции и означает нечто внутреннее, возможное из внутренних оснований, объективное, априорное, неограниченное, взятое во всех отношениях, абсолютное, и противопоставляется тому, что существует для нас, в нас...

У Канта встречается как понятие «Ding an sich», так и «Ding an sich selbst», причем первый вариант явно доминирует; в исследовательской литературе господствует интерпретация, согласно которой оба термина являются синонимами. До сих пор дискуссионным является вопрос о переводе данных терминов на русский язык: «В. в с.» или «вещь сама по себе» для всех вариантов, «В. в с.» для первого, а «вещь сама по себе» — для второго и т. д.

Кантовское понятие «вещь в себе» не имеет однозначного смысла...

Хотя истоком кантовского учения о В. в с. нередко считают гносеологические основания, убедительнее выглядит интерпретация, согласно которой ядро данного учения находится в сфере моральной философии. То есть Кант пришел к учению о В. в с. и их непознаваемости, отталкиваясь от осознания невозможности познать даже собственную душу и ее мотивы; человек как интеллигибельное существо равным образом оказывался для Канта непознаваемой В. в с., к которой, следовательно, неприменимы условия времени. Именно это представлялось Канту «спасением свободы».

Наряду с теоретико-познавательными следствиями кантовского учения о В. в с., проявившимися в первую очередь в агностических тенденциях, из него вытекали не менее важные экзистенциальные следствия, выразившиеся в христианском тезисе о невозможности для людей истинно справедливо оценивать человеческие поступки.

В послекантовской философии понятие В. в с. было подвергнуто резкой критике по разным основаниям. Но если у непосредственных последователей Канта еще имелись попытки перетолковать В. в с. таким образом, чтобы устранить связанные с ней действительные или мнимые противоречия (Я. С. Бек, С. Маймон и др.), то в дальнейшей философии, особенно в течениях с теоретико-познавательным уклоном (неокантианство и др.), постепенно продолжался процесс элиминации понятия вещь в себе... [5, 112–114; 6, 38–41].

Замечание автора этой интересной энциклопедической статьи А. Н. Круглова о том, что «хотя истоком кантовского учения о вещи в себе нередко считают гносеологические основания, убедительнее выглядит интерпретация, согласно которой ядро данного учения находится в сфере *моральной* (курсив мой. — В. Л.) философии» [5, 113; 6, 41], представляется мне верным, глубоким, достойным тщательного изучения и развития, в том числе и не на историко-философском, а на абстрактно-теоретическом уровне метафизики. Именно этому, абстрактно-теоретическому изучению ранее не замечавшегося исследователями *морально-философского* (формально-*этического*) аспекта непознаваемости вещей в себе и необходимой противоречивости мышления о них посвящается данная статья. В приведенной выше цитате А. Н. Круглов вполне обоснованно утверждает, что «кантовское понятие “вещь в себе” не имеет однозначного смысла» [5, 112; 6, 39]. Словосочетание «вещь в себе» семантически многозначно. Из этого факта и вытекает существование разнообразных интерпретаций, многочисленных недоразумений и реинтерпретаций обсуждаемого понятия, а также связанного с ним «агностицизма» Канта.

Настоящая статья добавляет к существующим интерпретациям и реинтерпретациям еще одну, а именно *формально-аксиологическую*. Семантическая многозначность словосочетаний «вещь в себе», «вещь сама по себе» и других нейтрализуется в статье с помощью перевода формулировки проблемы (и ее решения) с «естественного» языка традиционной метафизики на искусственный язык двузначной алгебры метафизики [10, 11]. В этой алгебре словосочетание «бытие вещи в себе» И. Канта может быть рассмотрено как результат устранения переменной s из выражения «бытие (вещи s) в (вещи s)», которое, в свою очередь, представляет собой *частный случай функции (от двух переменных)* «бытие s в w » [10–12], являющейся центром внимания в данной работе.

Стремясь к экспликации вышеупомянутой идеи А. Н. Круглова о том, что метафизическим основанием учения Канта о необходимой противоречивости мышления о вещах в себе (и об их необходимой непознаваемости) является *философия морали*, автор настоящей статьи рассматривает метафизику как абстрактное учение о ценностях (в особенности моральных).

Более того, данная статья определяет сущность метафизики не просто как аксиологию, а как *формальную* аксиологию. При этом система метафизики

конструируется и анализируется как система *ценностных форм*, отвлеченных от их конкретного содержания. Двухзначная алгебра метафизики — простейшая дискретная математическая модель метафизики как системы — предстает в виде двухзначной алгебры *формальной* аксиологии, в частности двухзначной алгебры формальной этики.

Двухзначная алгебра формальной этики морального ригоризма

Эта алгебра строится на множестве любых поступков (или субъектов), являющихся либо хорошими (добром), либо плохими (злом) с точки зрения некоторого оценивающего субъекта Σ («оценщика»), играющего роль «системы отсчета» в *теории относительности* морально-правовых оценок. Иначе говоря, множество, на котором строится обсуждаемая алгебра, есть *объединение* множества (хороших или плохих) *поступков* и множества (хороших или плохих) *субъектов* (индивидуальных или коллективных — неважно). На упомянутом множестве (морально-правовых актов и агентов) определяется множество унарных и бинарных алгебраических операций, представляющих собой морально-правовые *ценностные функции*. (Слово «функция» используется здесь в строго математическом смысле.) Областью допустимых значений (ОДЗ) переменных этих функций является двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Элементы этого множества называются морально-правовыми ценностными значениями поступков.

Областью изменения значений этих ценностных функций является то же самое двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Строчные буквы (w, s, h, x, y) обозначают морально-правовые *ценностные формы* (поступков или субъектов), *отвлеченные от их конкретного содержания*. Простые ценностные формы — независимые ценностные переменные, а сложные ценностные формы — ценностные функции от этих переменных. В *теории относительности* морально-правовых оценок, являющейся алгеброй формальной этики и *естественного права*, *законом* является всякая такая и только такая ценностная функция, у которой *положительное* морально-правовое значение *инвариантно относительно любых преобразований* «системы отсчета», т. е. относительно любых изменений «оценщика».

Чтобы промоделировать кантовские метафизические конструкции «бытие вещи (вообще)», «бытие вещи самой по себе» и «бытие вещи в себе» в двухзначной алгебре метафизики как формальной аксиологии, нужно представить их в самом общем виде на уровне абстрактно-теоретической модели системы универсальных и неизменных ценностей. Для этого необходимо ввести в рассмотрение и точно определить относящиеся к делу ценностные функции.

Глоссарий для табл. 1. Пусть символ C_2ws обозначает ценностную функцию от двух ценностных переменных «*бытие*, наличие, присутствие (чего, кого) s в (чем, ком) w ». H_2ws — «*небытие*, отсутствие (чего, кого) s в (чем, ком) w ». U_2ws — «*бытие*, наличие, присутствие (чего, кого) s *вне* (чего, кого) w , т. е. v (чем, ком) *не- w* ». N_2ws — «*небытие*, отсутствие (чего, кого) s *вне* (чего, кого) w , т. е. v (чем, ком) *не- w* ». T_2ws — «(качественное) *тождество, отождествление* моральной

ценности s и w , т. е. установление их моральной эквивалентности (по качеству)». P_2ws — «(качественное) различие, различение моральной ценности s и w , т. е. установление их моральной неравноценности (по качеству)». Π_2ws — «(моральное) противоречие, взаимоисключающая противоположность (моральной) ценности s и w , т. е. установление их моральной оппозиции». A_2ws — «действие, воздействие (чем, чье) s на (что, кого) w ». Z_2ws — «противодействие, т. е. обратное, обращенное (отраженное) воздействие (чем, кем, чье) w на (что, кого) s ». R_2ws — «реакция, т. е. ответное действие (именуемое иногда “воздаянием”), представляющее собой совершение поступка s в ответ на совершение поступка w ». Эти функции определяются табл. 1. (В данной статье нижний числовой индекс 2, стоящий непосредственно справа от заглавной буквы, означает, что эта буква обозначает функцию от двух переменных.)

Таблица 1

Ценностные функции от двух ценностных переменных

w	s	C_2ws	H_2ws	U_2ws	N_2ws	T_2ws	P_2ws	Π_2ws	A_2ws	Z_2ws	R_2ws
х	х	х	п	х	п	х	п	п	п	х	х
х	п	п	х	х	п	п	х	х	п	х	п
п	х	х	п	х	п	п	х	х	х	п	х
п	п	х	п	п	х	х	п	п	п	х	х

Глоссарий для табл. 2. Пусть символ Bs обозначает ценностную функцию от одной ценностной переменной «бытие, существование (чего, кого) s ». Символ Hs — ценностную функцию «небытие, отсутствие (чего, кого) s ». Ws — «мир (чего, кого) s ». Πs — «внешний, внешнее (что, кто) s ». Os — «объективный, объективное (что, кто) s ». Ms — «материальный, материальное (что, кто) s », или «материя, материальность (чего, кого) s ». Rs — «реальность, т. е. вещественность, вещество (чего, кого) s ». Bs — «вещь (что, кто) s (вообще)». Ds — «вещь (что, кто) s сама по себе». $Чs$ — «чувственность, т. е. осязательность (чего, кого) s ». $\mathcal{E}s$ — «эмпирическая познаваемость (чего, кого) s ». Ts — «(рациональное) мышление (понятие, суждение, умозаключение) о (чем, ком) s ». Πs — «противоречие в (чем, ком) s ». Zs — «внутренняя противоречивость (чего, кого) s ». Ls — «(алетическая) необходимость (чего, кого) s » или «(алетически) необходимое (что, кто) s ». Ps — «(алетическая) возможность (чего, кого) s ». Is — «(алетическая) невозможность (чего, кого) s ». As — «антиномия в s ». $Яs$ — «явление (чего, кого) s ». Vs — «противоположность для (чего, кого) s ». Эти функции определяются табл. 2.

Таблица 2

Ценностные функции от одной ценностной переменной

s	Bs	Hs	Ws	Πs	Os	Ms	Rs	Bs	Ds	$Чs$	$\mathcal{E}s$	Ts	Πs	Zs	Ls	Ps	Is	As	$Яs$	Vs
х	х	п	х	п	п	п	х	х	х	п	п	п	п	п	х	х	п	п	п	п
п	п	х	п	х	х	х	п	п	п	х	х	х	х	х	п	п	х	х	х	х

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ ». В естественном языке отношение формально-аксиологического тождества ($\Omega=+=\Delta$) выражается разными средствами, например, словами «эквивалентно», «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире. Поскольку эти же слова-омонимы имеют вполне определенные значения в формальной логике, не совпадающие с их формально-аксиологическими значениями, постольку на стыке формальной аксиологии и логики надо употреблять указанные омонимы осторожно, чтобы исключить нечаянную «подмену понятий и тезисов».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом алгебры метафизики как формальной аксиологии является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон алгебры метафизики есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон метафизики, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в алгебре метафизики называется ценностная функция, принимающая значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=p$.

Используя данные выше определения, можно получить следующий ниже список уравнений алгебры метафизики, моделирующих учение И. Канта о «существовании вещей в себе». Справа от каждого уравнения (после двоеточия) помещен его перевод с искусственного языка на естественный (язык).

1) $C_2ss=+=x$: бытие s в (внутри) s , т. е. бытие s в себе, — закон алгебры метафизики.

2) $C_2BsBs=+=x$: бытие (вещи s) в (вещи s), т. е. бытие вещи s в себе, — закон алгебры метафизики.

3) $C_2MBsMBs=+=x$: бытие (материальной вещи s) в (материальной вещи s), т. е. бытие (материальной вещи s) в себе, — закон алгебры метафизики.

4) $H\acute{E}C_2VsBs=+=x$: эмпирическая *непознаваемость* бытия вещи s в себе, — закон алгебры метафизики.

5) $H\acute{E}C_2MBsMBs=+=x$: эмпирическая *непознаваемость* бытия материальной вещи s в себе, — закон алгебры метафизики.

В «чисто естественном» языке философов, воздерживающихся от обсуждения функций и переменных, выражение «бытие (вещи s) в (вещи s)» представлено в виде выражения «бытие вещи в себе», казавшегося (и сейчас продолжающего казаться) многим философско-лингвистическим монстром. Многие критики

традиционной метафизики (например, И. Г. Фихте, пошедший в этой критике дальше Канта) предлагали изъять словосочетание «вещь в себе» (Ding an sich) из языка философии как совершенно ненужное. Однако, согласно приведенным выше уравнениям, занявшись «обрезанием» метафизики Канта «Бритвой Оккама» и отвергнув «бытие вещей в себе», Фихте поступил опрометчиво. Конструкцию «бытие вещи в себе» исключать из языка философии нельзя, ибо она выражает собой нечто очень важное: *бытие вещей в себе (в частности, материальных вещей в себе) есть закон метафизики*. Но стремление прояснить значение обсуждаемого в каком-то смысле действительно странного словосочетания вполне уместно: это делает предложенную в настоящей работе дискретную математическую модель метафизики очень интересной, так как на уровне исследуемой модели значение выражения «бытие вещи в себе» точно определяется как *ценностная функция* «бытие (вещи s) в (вещи s)». В результате этого, согласно идеалу Г. В. Лейбница [8, 491–497], чтобы обосновать, что *бытие вещей в себе есть закон метафизики*, нужно не спорить и не уверять, а просто «посчитать». В данном случае нужно аккуратно «вычислить» ценностную функцию «бытие (вещи s) в (вещи s)», т. е. C_2BsBs , а затем сравнить результат с точной дефиницией понятия «закон метафизики» (см. DF-2).

Эвристическая значимость исследуемой дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта учения Канта о вещах в себе и вещах самих по себе заключается в простоте и убедительности демонстрации того, что, вопреки доминирующему мнению, словосочетания «вещь в себе» и «вещь сама по себе» не являются синонимами: их ценностно-функциональные значения не являются формально-аксиологически эквивалентными. «Вещь s в себе» есть положительная ценностная-функция-константа (формально-аксиологический закон), а «вещь s сама по себе» таковой не является. Верно, что $Bs=+=Ds$ и $BBs=+=BDs$, но неверно, что $C_2BsBs=+=BDs$. В этом легко убедиться, сравнив друг с другом ценностные таблицы, определяющие эти функции. Кантовская концепция взаимоотношения «вещей вообще» и «вещей самих по себе» с «явлениями (вещей)» моделируется в алгебре метафизики следующими уравнениями.

6) $Ds=+=Bs$: вещь s сама по себе эквивалентна вещи s вообще.

7) $YBs=+=HDs$: явление вещи s есть небытие вещи s самой по себе.

8) $YBs=+=VDs$: явление вещи s есть противоположность вещи s самой по себе.

9) $Ds=+=VYDs$: вещь s сама по себе есть противоположность (для) явления вещи s самой по себе.

10) $BDs=+=EYDs$: бытие вещи s самой по себе эквивалентно эмпирической познаваемости явления вещи s самой по себе.

11) $BDs=+=HEDs$: бытие вещи s самой по себе эквивалентно эмпирической непознаваемости вещи s самой по себе.

12) $EC_2BsBs=+=\pi$: эмпирическая познаваемость бытия вещи s в себе есть формально-аксиологическое противоречие (=нарушение закона метафизики).

13) $T_2BsYBs=+=\pi$: тождество, отождествление (вещи s) и (явления вещи s) есть формально-аксиологическое противоречие.

14) $T_2YBsDs=+=\pi$: тождество, отождествление (явления вещи s) и (вещи s самой по себе) есть формально-аксиологическое противоречие.

15) $P_2 ЯBsDs=+=x$: различие, различение (явления вещи s) и (вещи s самой по себе) есть закон метафизики.

16) $П_2 ЯBsDs=+=x$: противоречие (взаимоисключающая противоположность) между (явлением вещи s) и (вещью s самой по себе) есть закон метафизики.

17) $НЯC_2 BsBs=+=x$: небытие (явления (бытия вещи s в себе)) есть закон метафизики.

18) $ЯC_2 BsBs=+=п$: явление (бытия вещи s в себе) есть формально-аксиологическое противоречие.

Введение бинарной операции «*бытие* (чего, кого) s в (чем, ком) w » в алгебру метафизики и точное табличное определение ценностно-функционального смысла указанной операции в этой алгебре дает возможность построить *адекватную структурно-функциональную модель* развитой Кантом метафизической системы. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что речь в данной статье идет не об адекватности метафизики Канта (внешнему миру), а об адекватности построенной дискретной математической модели его метафизики (оригиналу). Рассматриваемое учение Канта играет роль *оригинала* для этой модели, и в статье утверждается, что исследуемая модель *адекватна оригиналу*. (При этом обсуждение вопроса «Является ли оригинал адекватным мировоззрением?» в задачу настоящей работы не входит: мы от него абстрагируемся.)

В отношении точности представления исследуемого оригинала его математической моделью очень важно следующее: в рамках предложенной формально-аксиологической интерпретации и построенной дискретной математической модели «Критики чистого разума» «вычислением» ценностных таблиц удастся обосновать даже такие фрагменты критической философии Канта, которые вызвали очень сильное раздражение у его современников и у представителей следующих поколений философов.

В мировоззренческом отношении Кант выступал как против (вульгарного) материализма, так и против «психологического» (субъективного) идеализма. То, что некоторые философы считают «бытие во *внешнем* мире» проблематичным, а строгое доказательство такого бытия отсутствующим, он называл «скандалом в философии» [2, 37]. Согласно вполне реалистическому мировоззрению Канта нет серьезных метафизических оснований для сомнений в том, что наше бытие есть (наше бытие во *внешнем* мире). Используя бинарную операцию «*бытие* (чего, кого) s в (чем, ком) w » можно представить мировоззренческий реализм Канта в виде следующей системы уравнений алгебры метафизики.

19) $Bs=+=C_2 ШWss$: бытие s есть (бытие s во *внешнем* мире s).

20) $Bs=+=C_2 OWss$: бытие s есть (бытие s в *объективном* мире s).

21) $Bs=+=C_2 MWss$: бытие s есть (бытие s в *материальном* мире s).

22) $Bs=+=C_2 ЧWss$: бытие s есть (бытие s в *чувственном* мире s).

23) $Bs=+=C_2 ЭWss$: бытие s есть (бытие s в *эмпирически познаваемом* мире s).

Эти уравнения алгебры метафизики представляют собой простейшую дискретную математическую модель, позволяющую легче понять и принять систему основополагающих *мировоззренческих* тезисов и *ценностей* философии *реализма*, который отнюдь не случайно продолжает привлекать к себе пристальное внимание

исследователей (из недавних отечественных публикаций см., например, интересную книгу В. А. Ладова [7].)

Предложенное выше в виде системы уравнений 19–23 представление в исследуемой математической модели («оцифровка») реалистического решения базисной мировоззренческой проблемы и его строгого доказательства очень важно, так как отсутствие строгого доказательства интуитивно очевидного реалистического решения этой проблемы, по мнению Канта, — «скандал в философии» [2, 37]. Формально-аксиологическое истолкование проблемы и строгое обоснование ее интуитивно ясного реалистического решения в двузначной алгебре метафизики позволяет прекратить «скандал в философии» путем уточнения и разрешения проблемы в духе Лейбница: с помощью «вычисления» соответствующих ценностных таблиц.

Однако в данной статье основной задачей является «оцифровка», т. е. адекватное (в частности, логически непротиворечивое) представление в исследуемой дискретной математической модели метафизики Канта, его учения о необходимой противоречивости мышления о непознаваемом «бытии вещей в себе». Об антиномиях (противоречиях в законе) как не случайных, а необходимых противоречиях мышления написано много. В частности, В. И. Лениным [9] кантовская критика традиционной метафизики была поддержана как разумная критика метафизики (=анти-диалектики) с позиций диалектики (=анти-метафизики). Но «*противоречивость* (непоследовательность)» критики идеализма и метафизики Кантом в его учении об антиномиях была осуждена Лениным с позиций диалектического материализма. В марксистско-ленинской критике «противоречивости» кантовского учения о непознаваемости бытия вещей в себе содержится много неясностей, двусмысленностей, сознательных или бессознательных подмен понятий и тезисов, порождающих лингвистические иллюзии логического противоречия и полемики. Но если отвлечься от марксистско-ленинских оценок кантовского агностицизма и учения об антиномиях, то останется ли в этом учении нечто действительно важное для человечества вообще, для всех времен и народов, а не только для пролетариата? По моему мнению, да: после такой чистки в учении Канта об антиномиях останется нечто очень важное. Но мнение не есть знание. Чтобы перейти от мнения к знанию, нужны доказательства.

Будем строить их согласно идеалу Г. В. Лейбница, провозгласившего, что действительное обоснование есть не жаркий спор, а спокойный «счет» на основе точных дефиниций. Будем «вычислять» композиции ценностных функций, а затем сравнивать результаты «вычисления» с данными выше точными определениями понятий DF-1, DF-2, DF-3. Руководствуясь идеалом «философствования как вычисления», в двузначной алгебре метафизики можно обосновать следующие уравнения.

24) $TC_2BsBs = + = \pi$: мышление о бытии вещи в себе есть формально-аксиологическое противоречие.

25) $PTC_2BsBs = + = x$: противоречие в мышлении о бытии вещи в себе есть формально-аксиологический закон.

26) $BPTC_2BsBs = + = x$: существование противоречия в мышлении о бытии вещи в себе есть закон метафизики.

27) $HPHPTC_2BsBs=+=x$: невозможность непротиворечивости в мышлении о бытии вещи в себе есть закон метафизики.

28) $LPPTC_2BsBs=+=x$: необходимость противоречия в мышлении о бытии вещи в себе есть закон метафизики.

29) $BLPTC_2BsBs=+=x$: существование необходимого противоречия в мышлении о бытии вещи в себе есть закон метафизики.

30) $As=+=LPS$: антиномия в s означает *необходимое противоречие* в s (согласно определению понятия «антиномия»).

31) $AC_2BsBs=+=LPC_2BsBs$: антиномия в бытии вещи в себе означает необходимое противоречие в бытии вещи в себе.

32) $LPC_2BsBs=+=LPx=+=п$: необходимое противоречие в бытии вещи в себе есть необходимое противоречие в законе метафизики, т. е. формально-аксиологическое противоречие или, иначе говоря, отрицательная ценностная-функция-константа.

33) $BATC_2BsBs=+=x$: существование антиномии в мышлении о бытии вещи в себе есть закон метафизики.

Именно этот закон метафизики и был впервые открыт Кантом в процессе его систематической критики традиционной метафизики. Но гениальный Кант впервые открыл и сформулировал его в результате длительного скрупулезного метафизического анализа на уровне естественного языка, отличающегося нечеткостью и многозначностью. Некоторые современники Канта жаловались на то, что его «Критика чистого разума» настолько глубокомысленна, сложна и велика по объему, что совершенно непонятна среднему человеку [2, 15, 36–40, 698]. Более того, Г. Э. Шульце и С. Маймон заявляли не только о неясности, но и о *логической противоречивости* учения Канта о невозможности познания бытия вещей в себе.

На мой взгляд, с точки зрения рассмотренной выше алгебраической модели, обвинения Канта в *логической противоречивости* его учения о бытии вещей в себе и о невозможности познания их бытия, вообще говоря, несостоятельны: *это учение Канта может быть представлено как логически непротиворечивое, если принять его формально-аксиологическую интерпретацию*. Сам Кант не признавал истинным уже при его жизни высказывавшееся критиками мнение о противоречивости его доктрины. В конце предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» он вполне определенно писал по поводу уже тогда существовавшего мнения о ее противоречивости следующее: «Во всяком сочинении, в особенности если изложение ведется в форме свободной речи, можно выкопать, выхватывая отдельные места и сравнивая их друг с другом, также и мнимые противоречия, которые бросают тень на все сочинение в глазах людей, полагающихся на суждение других, между тем как эти противоречия может легко устранить человек, усвоивший идею в целом» [Там же, 40]. Но вопреки оптимизму Канта, судя по историко-философской литературе, «если изложение ведется в форме свободной речи» на уровне естественного языка, устранить эти противоречия нелегко даже «человеку, усвоившему идею в целом».

Однако, согласно данной статье, ситуацию можно и нужно исправить, переведя изложение и обсуждение идеи с естественно-языкового уровня

на абстрактно-теоретический (уровень) искусственного языка ее адекватной математической модели. Используя предложенную выше дискретную математическую модель, можно действительно легко объяснить и понять, «вычисляя» соответствующие ценностные таблицы, согласно данным выше точным определениям, что «бытие вещей в себе», «непознаваемость бытия вещей в себе» и «необходимость противоречия в мышлении о бытии вещей в себе» суть законы метафизики. Здесь словосочетание «закон метафизики» используется в том значении, которое точно определено выше в алгебре метафизики как формальной аксиологии (см. *DF-2*).

«Но зачем вообще в истории философии нужны дискретные математические модели метафизических систем в целом или их отдельных фрагментов?» — может воскликнуть читатель, не любящий математику и пытающийся спрятаться от нее, например, в истории философии. Отвечаю: модели нужны, чтобы нечто, пока совершенно непонятное, сделать хотя бы отчасти понятным. Например, многие историки философии пока все еще не понимают, как, логически последовательно рассуждая, рационально объяснить тот историко-философский факт, что рационально мысливший Кант, логически последовательно рассуждая, дошел до своих, мягко говоря, очень странных выводов о *непознаваемости* бытия вещей в себе². *Как он вообще мог прийти до такого?* У Ленина и компании этот вопрос — риторический: «им было понятно», что, логически последовательно рассуждая, рационально мыслящее существо, не коррумпированное эксплуататорскими классами, *не может* прийти к выводу о *непознаваемости* бытия вещей в себе, следовательно, или Кант — слабоумный, или он продался классовым врагам пролетариата.

Однако не будем спешить с выводами. Допустим, что сформулированный выше вопрос, бывший для Ленина и компании риторическим, таковым не является. Что из этого допущения следует? По моему мнению, из него следует, что для обоснованного ответа на обсуждаемый *нериторический* вопрос необходимо провести объективное исследование. В настоящей статье попытка провести такое исследование представлена.

По мнению автора, построенная в статье дискретная математическая модель действительно объясняет, *как*, логически последовательно рассуждая, рационально мыслящий Кант (и вообще кто угодно) мог *с необходимостью* прийти к своим (возмутительным с точки зрения Ленина) выводам. Более того, построенная модель объясняет еще, *почему* Кант (и вообще кто угодно) даже *должен* был бы прийти к выводу о *непознаваемости* бытия вещей в себе и о *необходимости противоречивости* рационального мышления об их бытии, если бы он, логически последовательно рассуждая, исходил из системы дефиниций, точно указанной

² Например, Т. И. Ойзерман в энциклопедической статье «Вещь в себе» пишет: «Остается, однако, необъясненным, почему вещи в себе, раз они являются, остаются абсолютно непознаваемыми: разрыв между принципиально непознаваемой объективной реальностью вещей в себе и вполне познаваемой субъективной реальностью мира явлений — основная черта теории познания Канта» [16, 394]. Итак, согласно авторитетному историку философии, «основная черта теории познания Канта» пока все еще «остается необъясненной». Следовательно, тема, цель и задачи настоящей статьи вполне актуальны: если построенная в ней дискретная математическая модель дает некий ранее не обсуждавшийся нетривиальный ответ на поставленный в ней важный вопрос, то этот отличающийся научной новизной ответ заслуживает тщательного изучения и всестороннего обсуждения.

в данной статье. В этом-то ранее никем точно не сформулированном объяснении и заключается эвристическая и дидактическая ценность построенной в данной работе дискретной математической модели формально-этического аспекта учения Канта о непознаваемости бытия вещей в себе и об антиномичности рационального мышления о них. Адекватная модель — *существенное подобие* моделируемого оригинала. Поэтому если некая «модель» претендует на *преодоление, т. е. отрицание*, учения Канта о непознаваемости бытия вещей в себе, то эта «модель» не есть адекватная модель исследуемого учения Канта, а есть его неадекватная модель (или адекватная модель концепции его противников).

Возможно, читатель хотел бы знать, почему ценностные таблицы, определяющие формально-аксиологические операции в обсуждаемой модели, заполнены именно так, а не иначе. Такое любопытство вполне понятно и естественно, его удовлетворение, в принципе, возможно, но, во-первых, требует большого дополнительного листажу, а во-вторых, не имеет непосредственного отношения к основной задаче данной статьи — предъявить (построить) хоть какую-нибудь (любую) такую точно сформулированную *ценностно-функциональную* систему, в которой все обсуждаемые утверждения Канта истинны и которая, следовательно, есть модель обсуждаемой системы его утверждений, т. е. *обсуждаемого фрагмента* его метафизики. Если по крайней мере одна (хоть какая) такая система существует, то *обсуждаемый фрагмент* метафизики Канта непротиворечив, что и предполагалось доказать построением его модели.

Основной тезис данной статьи, представляющий ее научную новизну, является следующим *условным* суждением. *Если полностью принята вся система точных определений (в том числе и всех табличных), представленная в статье, то должны быть приняты также и (логически следующие из этой системы дефиниций) общеизвестные «противоречивые» положения Канта об антиномиях.* Иначе говоря, для системы обсуждаемых «парадоксальных» положений Канта существует модель: она построена в статье. Впервые точно сформулированный выше (в виде *условного* суждения) тезис является, на мой взгляд, не только новым, но и вполне обоснованным, так как обсуждаемые остродискуссионные утверждения Канта действительно логически следуют из построенной формально-аксиологической системы. Такой вывод, полученный в результате моделирования, является психологически неожиданным, непривычным, требует пересмотра столетиями складывавшихся историко-философских стереотипов. Но он *проверяем* «вычислением» соответствующих ценностных таблиц.

-
1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973.
  2. Кант И. Критика чистого разума. М., 2012.
  3. Кислов А. Г. Онтологически автономные отрицательные суждения: И. Кант, Н. А. Васильев и неклассическая логика // Кантовский сб. Вып. 25. Калининград, 2005. С. 54–70.
  4. Кислов А. Г. К вопросу об онтологической автономии ассерции и негации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2014. № 1. С. 79–88.
  5. Круглов А. Н. Вещь в себе // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 112–114.

6. *Круглов А. Н.* Вещь в себе // Энциклопедический словарь по эпистемологии. М., 2011. С. 38–41.
7. *Ладов В. А.* Формальный реализм. Томск, 2011.
8. *Лейбниц Г. В.* Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 3.
9. *Ленин В. И.* Философские тетради. М., 1969.
10. *Лобовиков В. О.* «Бытие вещей в себе» И. Канта и обобщающее его «бытие-в» М. Хайдеггера с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 4. С. 150–157.
11. *Лобовиков В. О.* Бинарные операции «бытие-s-в-w» и «бытие-s-вне-w» в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии: использование этих операций в дискретных математических моделях философии // Научн. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 5–21.
12. *Лобовиков В. О.* Проблема универсалий в свете двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии: использование ценностных функций «бытие-s-в-w» и «бытие-s-вне-w» для экспликации проблемы // Пространство и время. 2014. № 1. С. 43–49.
13. *Мухутдинов О. М.* К вопросу о происхождении чистых категорий рассудка в трансцендентальной логике Канта // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. № 1. С. 223–228.
14. *Нарский И. С.* Кант. М., 1976.
15. *Ойзерман Т. И., Нарский И. С.* Теория познания Канта. М., 1991.
16. *Ойзерман Т. И.* Вещь в себе // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 394.
17. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 2003.
18. Moore's paradox // Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Moore%27s_paradox (accessed: 24.05.2015).

Рукопись поступила в редакцию 5 июня 2015 г.

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ*

Статья посвящена рассмотрению трех взаимосвязанных аспектов проблематизации исторической ответственности: взаимодействию с прошлым, определению субъектов и свидетельству. Каждый из данных аспектов раскрывает специфические способы выстраивания отношений по поводу прошлого и/или будущего внутри сообществ и между различными сообществами. Показаны неоднородность и асинхронность в способах взаимодействия с прошлым; раскрыты наиболее распространенные подходы к представлению субъектов исторической ответственности и факторов, лежащих в основании коллективной субъективации; описаны типы свидетельства, влияющие и на конструирование субъектов исторической ответственности, и на построение картины прошлого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая ответственность, коллективная ответственность, свидетельство, свидетель, прошлое, травмы прошлого, вина, жертва, субъект.

Историческую ответственность мы будем понимать как специфические отношения с прошлым и/или будущим, присущие индивиду, но чаще — какой-либо общности, связанные с вменением вины, признанием заслуг или принятием обязательств (как добровольным, так и нет), имеющие важное значение для иной общности и/или индивида, а также влияющие на характер взаимодействий между данными индивидами и/или общностями. Яркой иллюстрацией нашему определению может послужить широко обсуждаемая в современной России достаточно болезненная проблема пересмотра итогов Второй мировой войны и роли в ней СССР. В этом контексте каждый разговор о вменении вины, признании заслуг, принятии обязательств скрывает под собой целый комплекс вопросов, связанных с национальным и межнациональным примирением, историческим мифотворчеством, границами национальных государств, историческими нарративами, которые служат решению текущих идеологических задач. Чем напряженней становится ситуация внутри

---

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-5814.2015.6).

какого-либо государства или между государствами, тем большую смысловую нагрузку несет в себе каждое упоминание об исторической ответственности.

Но как именно проблематизируется историческая ответственность? В данной работе мы рассмотрим три основных аспекта: взаимодействие с прошлым, определение субъектов, свидетельство — в соответствии с теми вопросами, которые в данных аспектах решаются. Дело в том, что любой разговор об исторической ответственности всегда конкретизирован в рамках определенных событий и ситуаций, и для того, чтобы он стал возможен и адекватно воспринят всеми вовлеченными в него сторонами, требуется определить: «что вменяется?», «кому и кем вменяется?», «почему/на каких основаниях вменяется?». Ответы на данные вопросы помогают понять сложившуюся ситуацию, привязать разговор об ответственности к конкретным людям, событиям, фактам и актуальным (политическим) убеждениям. Но одновременно именно в самой постановке этих вопросов и коренится основная исследовательская трудность, поскольку, когда речь заходит о масштабных и болезненных событиях прошлого, найти ответ, удовлетворяющий все стороны, сопричастные к этим событиям, а также представляемые ими идеологические и теоретические позиции оказывается практически невозможным.

Историческая ответственность и типы взаимодействия с прошлым

Скорее всего, для большинства людей первая ассоциация, возникающая при упоминании об исторической ответственности, будет связана с конкретным событием прошлого. Для многих жителей России — героического прошлого, а точнее — Победы в Великой Отечественной войне, но одновременно и болезненного прошлого: слишком сильным, даже форсированным, оказался в последнее время страх, что эта Победа, право на нее будут непризнанными, оспоренными или присвоенными [5]. При этом, как показывает в своем недавнем исследовании Г. Бордюков, по своей смысловой наполненности такие героическо-трагические ассоциации являются очень неоднородными [Там же]. Для жителей Польши одним из самых болезненных и однозначных по своей смысловой трактовке вопросов исторической ответственности является Катынь. Несмотря на то, что, казалось бы, события 1940 г. детально изучены и российская сторона официально признала ответственность НКВД и Сталина за организацию и совершение массовых расстрелов польских офицеров, тема вменения вины продолжает звучать. Здесь, утверждает М. Вайцеховский, нет никакого противоречия, одного лишь официального заявления Государственной думы оказывается недостаточно, от России требуют другого: полного принятия событий 1940-го как части своей собственной трагедии (трагической истории) [6].

Как видно из приведенных примеров, события прошлого не просто болезненно всплывают в настоящем, они становятся маркерами текущей внутри- и межгосударственной рассогласованности. И постановка вопроса об исторической ответственности должна способствовать конкретизации этой рассогласованности, выявляя субъектов взаимодействия, формулируя предъявляемые ими (субъектами) друг к другу требования. Но конкретизация — задача не из простых. При ее решении оказываются задействованными как ресурсы коллективной памяти, так и различные

формы фальсификаций (например, исторических), в зависимости от того, какой тип отношений с прошлым представляет актуальность для государства или сообщества.

Дж. К. Олик выделяет три возможных типа взаимодействия между прошлым и настоящим [24, 19]. Первый тип исследователь вслед за В. В. Бруксом называет «полезным прошлым» (usable past). В его основании лежит вопрос: «что мы можем делать с прошлым?» [Там же, 20]. Дж. К. Олик считает данный тип, разрабатывавшийся, по его мнению, в трудах М. Хальбвакса и Э. Хабсбаума, «инструменталистским» или «презентистским», поскольку он призван решать актуальные задачи настоящего [Там же, 19–20]. В этом случае в качестве предмета вменения или признания могут выступать как события, действительно некогда произошедшие, особенно их новое прочтение¹, так и всевозможные фальсификации, необходимые, к примеру, для построения национальной мифологии². К этому же типу относится и развивающийся в большинстве своем в рамках экологической этики и исследований изменения климата способ рассмотрения исторической ответственности за последствия деяний в будущем.

Второй тип взаимодействия прошлого и настоящего Дж. К. Олик связывает с переходом исследователей (в частности, как он указывает, — Р. Бела) на более функционалистские, по сравнению с «полезным прошлым», позиции. Во главу угла здесь ставится исследование того, каким образом и почему вообще «прошлое воздействует на настоящее, формируя идентичности и определяя цели?» [Там же, 20], «что прошлое может делать для нас?» [Там же]. Применительно к исторической ответственности важнейшее значение для ответа на поставленные вопросы приобретает рассмотрение текущего социального контекста и актуальной для него хронологии предшествующих событий. Кроме того, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что разговор об исторической ответственности может возникать как в связи с одним конкретным событием³ (не важно, описано

¹ Так, Е. Финкель говорит о стремлении стран Восточной Европы и постсоветского пространства отыскать «потерянный геноцид»: «Почему политики так упорно стремятся к тому, чтобы трагедии, пережитые их странами в прошлом, были признаны именно геноцидом? Ответ на этот вопрос связан с тем, какое место занимает понятие геноцида в современной политике... Во-первых, превращение в жертву геноцида дает возможность не брать на себя ответственность за несправедливости и преступления, совершенные представителями “пострадавшей нации”». То есть акт вменения ответственности за геноцид одновременно может быть рассмотрен и как уход от ответственности за некоторое иное, возможно не менее трагическое, событие. «Кроме того, — продолжает исследователь, — даже после обретения независимости лидеры часто выдвигают аргумент геноцида: чтобы оправдать свое независимое существование, создать собственную национальную идентичность и исторический нарратив, которые сделают невозможным возвращение к прежнему политическому порядку» [13, 126–127].

² «Иногда необходимые сведения черпаются из исторических документов. Но если таковых не обнаруживается, энтузиастам приходится прибегать к фальшивкам. Любопытно, что это встречается не только там, где отсутствовала собственная глубокая письменная традиция, но и там, где имеющаяся богатая письменная история по каким-то причинам не удовлетворяет запросам националистов» [14, 28].

³ В этой связи несомненный интерес представляют разночтения, связанные с одним и тем же событием. Так, Д. А. Ланко, анализируя перенос памятника советским воинам-освободителям в Эстонии, говорит о том, что если для русскоязычного населения Эстонии 22 сентября 1944 г. является днем освобождения Таллина от фашизма, то, с точки зрения эстонского населения, этот день «принес... не только освобождение от фашистской диктатуры, но и стал началом более чем сорокалетнего периода безуспешных попыток строительства коммунизма. По мнению эстонцев, фашистская оккупация сменилась оккупацией советской» [9, 14]. Соответственно историческая ответственность в этом случае будет иметь диаметрально противоположное значение.

ли и изучено ли оно детально или сохранилось лишь на уровне преданий), так и в связи с чередой событий и даже эпохой (эпохами). И в том и в другом случае актуализация исторической ответственности зависит в большей степени от текущей оценки события (со временем оценка претерпевает некоторые изменения). Текущая оценка во многом определяет и наше видение картины прошлого.

Наконец, рассмотрим третий тип взаимодействия прошлого и настоящего, который, по мнению Дж. К. Олика, «не находится под нашим контролем и не функционален» [24, 21]. Речь идет о выявлении «травм прошлого» и изучении их текущей актуализации. Основной исследовательский вопрос для данного типа Дж. К. Олик формулирует следующим образом: «Что прошлое делает нам?» [Там же]. Подобная постановка вопроса в контексте исторической ответственности оказывается наиболее сложной, поскольку не дает прямых указаний на то, каким именно образом нужно вменять прошлое и отвечать на это вменение. Попробуем рассмотреть эту двойственность на примере концепции Дж. Спиннер-Халева «исторической или продолжающейся несправедливости» [28, 579] и «продолжающегося ущерба» [Там же, 575].

В первом случае речь идет об актуальных формах социальной несправедливости, например, о дискриминации, корни которой уходят в прошлое⁴ [16, 578]. Во втором же — о явлении, в котором живущие вне условий несправедливости сообщества продолжают испытывать страдания от событий прошлого, поскольку те остались непринятыми. Тогда, по мнению исследователя, «признание вреда не изменит физических условий жизни группы, но восстановит достоинство членов группы» [Там же, 579]. Прекрасной иллюстрацией этому служит недавно созданный общественный проект «Бессмертный барак» [31]. И в том и в другом случае, указывает Дж. Спиннер-Халев, присутствует несоответствие современных средств репарации (например, возмещение материального ущерба отдельным представителям пострадавшей стороны) актуальному для потомков жертв пониманию проблемы⁵. В связи с этим автор предлагает вариант исправления «продолжающейся несправедливости» через анализ ее актуальных последствий (т. е. того, что служит причиной устойчивости переживания со стороны потомков жертв и представлено в их коллективной памяти) [28, 581–583]. Подобная расстановка акцентов позволяет во многом сгладить разногласия, неминуемо возникающие вследствие несоответствия ожиданий и восприятия событий прошлого потомками жертв и современными методами решения подобных ситуаций, носителями которых могут выступать репрезентанты виновной стороны.

⁴ Здесь следует обратить внимание на то, что актуальность восприятия «продолжающейся несправедливости» выстраивается не только ретроспективно [27], но и перспективно, поскольку включает в себя представление о желаемом состоянии отношений в будущем: «определение того, что происходит сейчас — определяемое содержание того, что есть, зависит от того, что в настоящее время остается будущим. Происходящее сейчас определяется только с еще недоступной нам перспективы» (*Lloyd G. Individuals, Responsibility and the Philosophical Imagination*, см. [Там же]).

⁵ Идея справедливости представляет одну из наиболее сложных проблем в контексте исторической ответственности. В частности, по поводу относительно недавних событий возникает вопрос о том, будет ли финансовая компенсация, работа международного уголовного суда или внеинституциональной прирительной комиссии адекватным эквивалентом восстановления справедливости для пострадавшего сообщества?

Как можно заключить из рассмотренных нами трех типов взаимодействия прошлого и настоящего, способы проблематизации исторической ответственности в этом аспекте очень неоднородны. Более того, несовпадение в способах обращения с прошлым, демонстрируемое различными субъектами исторической ответственности, может привести к тому, что существующая внутри- и межгосударственная рассогласованность так и не будет устранена.

Но существует еще один фактор, которому в данном аспекте необходимо уделить внимание. Когда говорят об обращении к событию прошлого, то на первый взгляд кажется, что речь идет о линейном времени, в котором социальные и астрономические аспекты прошлого, настоящего и будущего совпадают. В действительности хронология прошлого в контексте исторической ответственности выглядит сложнее, поскольку затрагивает множественные системы конструирования реальности, присущие различным субъектам исторической ответственности, как коллективным, так и индивидуальным. С этой точки зрения картина прошлого становится своего рода асинхронной: для одной стороны событие может иметь форму текущей актуальности (т. е. восприниматься как настоящее), в то время как для другой — превратиться в ничего не значащую страницу истории. Несмотря на то что такая асинхрония может сформироваться спонтанно и в основании забывания некоторого события не будет прямого политического умысла, для «помнящих» данная ситуация окажется неприемлемой. Ч. Кукатас применительно к вопросу об ответственности за последствия насильственной ассимиляции аборигенов в Австралии отмечает, что «...это отрицание значимости истории (и, таким образом, отрицание исторической ответственности) многие коренные народы находят неподобающим. Этот вид безразличия посылает сигнал о том, что прошлое ничего не значит; и кажется, что это до тревожного близко к заявлению о том, что несправедливость ничего не значит» [21, 167].

Когда речь заходит о достижении бесконфликтного взаимодействия между различными сообществами внутри государства, такое асинхронное восприятие событий прошлого может стать серьезной проблемой. Следовательно, можно предположить, что в аспекте взаимодействия с прошлым решение вопросов исторической ответственности должно быть комплексным, т. е. учитывать сразу несколько актуальных типов (взаимодействия). Однако подобное решение станет осуществимым лишь в том случае, если будут определены все субъекты исторической ответственности. И эта задача является отнюдь не простой.

Историческая ответственность и проблема определения субъектов

Какие трудности возникают при разговоре о субъектах исторической ответственности? В приведенном в самом начале данной статьи определении мы указали на два возможных варианта понимания: речь должна идти или об индивидуе, или о «какой-либо общности». На первый взгляд, в таком разделении нет ничего сложного. Действительно, нам часто приходится слышать о том, что какая-то организация виновна в совершении определенных преступлений (например, СС, красные кхмеры, НКВД, наксалиты), с той же уверенностью понятие

ответственности мы распространяем на целые страны, континенты и цивилизации. Но когда дело доходит до судебных разбирательств и предъявления исков, осуждение виновных становится персонализированным. Так, при режиме восстановительного правосудия, где (ре)конструкция мирного сосуществования является первоочередной задачей, определение степени виновности и тщательная работа по выявлению непосредственных участников или преступников выходят на первый план. Именно в этих условиях вопросы исторической ответственности с наибольшей вероятностью переводятся в правовую сферу (порой даже включают в себя элементы традиционного права, как это происходило, например, в Руанде [30]).

Но что делать, если событие, носившее массовый характер, достаточно сильно отстает по времени от текущего момента и конкретных виновных определить крайне затруднительно? В этом случае один из самых «нейтральных» вариантов решения — попытаться проследить всю цепочку участников до той точки, когда будут выявлены непосредственные зачинщики и руководители, если уж исполнителей обнаружить невозможно: «виновные есть, но в прошлом». Другим вероятным ответом и вместе с тем декларируемой в настоящем политической позицией является отказ от признания вообще какой-либо ответственности: «виновных нет»⁶. Дж. Минини, А. Манути и Дж. Курилиано называют данную позицию «сомневающееся я».

Исследователи выделяют и три другие стратегии индивидуальных взаимодействий с прошлым: «сознательное я», предполагающее, что человек чувствует себя виновным в произошедшем (или разделяет вину предшественников); «защищающееся я», т. е. направленность на самооправдание и самоизвинение; наконец, «виктимизированное я», репрезентирующее позицию жертвы или потомка жертв⁷. Такой человек видит себя только пострадавшей стороной [23, 42–43]. Реализация данных стратегий способствует поддержанию чувства сопринадлежности некоторой группе со схожими воззрениями на прошлое и, кроме того, маркирует разные способы отношения к вменению вины, которые могут сосуществовать в одном сообществе. Если такие способы репрезентируются в публичном пространстве,

---

⁶ Ч. Кукатас в начале своего исследования приводит пример индивидуалистского отрицания исторической ответственности «par excellence»: «Таким образом, я, будучи, скажем, богатым белым австралийцем, потомком первых переселенцев, ничего не должен тебе, безработный абориген, просто потому, что твои предки были выселены. Во-первых, мои предки, поскольку являлись каторжниками, сами были жертвами несправедливости, но никто не собирается мне этого компенсировать. С другой стороны, я тоже был бедным и поднялся благодаря моим собственным усилиям — и несмотря на мои физические недостатки. Кроме того, мои дети, безусловно, ничего не должны, поскольку их мать — недавний мигрант — никоим образом не может быть ответственной за грехи первых поселенцев общества, в которое она лишь недавно влилась; если она ответственна, тогда все ответственные и, если все должны разделять ответственность, тогда никто не ответствен» [21, 166]. Здесь мы видим явную отсылку к позиции Х. Арендт.

⁷ В качестве примера «виктимизированного я» приведем отрывок из интереснейшего исследования Э.-Б. Гучиновой «Нация и дискурс вины: примирение с прошлым в политике памяти калмыков»: «Эмигрантская версия памяти о Калмыцком корпусе в годы войны рисует гораздо более однозначную картину, представляя коллаборационизм как вынужденный акт выживания, идеологически означающий защиту национальных интересов от антинациональной советской власти. При этом память эмигрантов обходит стороной такие события, как участие в боях против Красной армии, или послевоенную адаптацию в условиях денацификации в Германии. В памяти эмигрантов бойцы Корпуса — жертвы обстоятельств и защитники национальных интересов калмыцкого народа» [7].

то появляется возможность установить градацию вины за прошлое, а вместе с ней и степени ответственности, исходя из которых вырабатываются более-менее четкие критерии, которыми каждый индивид может «воспользоваться» для определения своей или чьей-либо еще роли в событиях и, вероятно, для освобождения от «излишней» ответственности.

Наконец, третий вариант определения субъекта исторической ответственности можно отыскать в области коллективной ответственности, изучение которой интенсивно развивалось со второй половины XX в. В качестве коллективного субъекта может выступать сообщество жертв, и тогда мы используем обобщающие обозначения, такие как «депортированные народы», «жертвы репрессий», «беженцы», уничтоженные и безмолвные, или воплощенные в сотнях и тысячах личных историй, воспоминаний, вещей и следов. Аналогичным образом страны, нации, государства, политические институты и даже социальные структуры подпадают под определение виновных. Например, Е. Субботик приводит различные способы идентификации для исполнителей и жертв массовых преступлений. Если первые действуют «от имени» группы — принадлежность к которой, добавим мы, они и подкрепляют своими поступками, — то последние подвергаются гонениям за свои групповые характеристики, среди них исследовательница указывает «этничность, религию, гендер, расу» [29, 160]. Здесь, на наш взгляд, важно добавить, что идентификация жертв по групповым характеристикам происходит независимо от их (жертв) собственного желания или нежелания этими характеристиками обладать.

Некоторые авторы предлагают еще один способ представления коллективного субъекта ответственности как такого сообщества, которое одновременно претерпевает страдания, но не воспринимается в полной мере ни как сообщество жертв, ни как сообщество виновных. В частности, М. Диамантидес говорит о том, что «в тех случаях, когда сострадание запрещено, кто-то/вещь может стать объектом жалости, скатывающейся к отвращению, которое затем мотивирует к антигуманным поступкам, направленным на “разрушение” или затушевывание области страданий (например, человеческое тело, или высотные бомбардировки югославской провинции, или один из множества других регионов мира, чьи страдания целенаправленно не освещаются должным образом), нежели принятие на себя ответственности за их страдания» [18, 156]. Проблематичность статуса последней категории субъектов связана еще и с тем, что ее представителям приходится не только переживать раз за разом травмирующее прошлое, но и бороться за признание своей версии истории, замалчиваемой в глобальном контексте.

Нам следует обратить внимание и на еще один достаточно сложный аспект данного вопроса: какие факторы являются ключевыми для появления коллективного субъекта исторической ответственности? Варианты решения нередко коренятся в описании самой коллективной ответственности и ее различных спецификаций. Мы рассмотрим некоторые подходы.

Там, где речь заходит об исторической ответственности, локализация и идентификация субъекта нередко оказываются не только взаимосвязанными процессами, но отождествляемыми. То есть ответственность за некоторое событие прошлого возлагается или вменяется тем, кто, в силу некоторых причин — политических,

экономических и даже географических, наследует прошлое. Схожих взглядов придерживалась Х. Арендт, которой принадлежит одно из наиболее емких определений коллективной ответственности: «Есть два необходимых условия коллективной ответственности: я должен считаться ответственным за что-то, чего я не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе (коллективе), которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны» [2, 207]. То есть ответственность, согласно исследовательнице, налагается самим фактом принадлежности индивида к какому-либо сообществу (к некоторой этнической группе, например) и эта принадлежность является неотторжимой. Например, в контексте экологической этики человечество виновно в глобальном загрязнении планеты независимо от личного вклада каждого индивида.

Такого рода ответственность Х. Арендт называет политической, подчеркивая, что это та разновидность ответственности, «которую каждое правительство несет за все решения своих предшественников, а каждый народ — за свершения и преступления прошлого» [3, 58]. Однако, когда дело касается событий прошлого, скажем военных преступлений, подобное понимание становится проблематичным: «Как политический рассудок человека отказывается понимать “административное массовое убийство”, так на тотальной мобилизации терпит крах человеческая потребность в справедливости. Когда виноваты все, судить в принципе больше некому. Ибо как раз у этой вины отнята даже видимость ответственности, даже чистое притворство» [4, 47].

В результате такого равномерного распространения вины и расширения ответственности, как поясняет эту мысль исследовательница, действительно виновные избегают заслуженного наказания [3, 51, 59], тогда как невиновные, наоборот, несут его незаслуженно. В результате политическая ответственность — это ответственность безличная. Она ложится бременем на всех и каждого, только исходя из принадлежности к определенной общности, и ни на кого конкретно. Но так же, как кто-то может оказаться носителем вины почти случайно, исключительно по рождению, и, несмотря на то, что он ничего лично не совершал, кто-то принимает на себя ответственность добровольно, не будучи ничем и никем принуждаем к этому [2, 208–209; 3, 59]. Естественно, что все эти действия в той или иной мере оказываются направленными на конструирование некой, пусть даже и воображаемой, общности. Схожих взглядов придерживался и К. Ясперс, отмечавший, что именно политическую ответственность необходимо иметь в виду, когда речь заходит о коллективной вине [15, 49–50]⁸.

Обращаясь к данному К. Ясперсом определению политической ответственности, Ф. Абдель-Нур замечает, что «в поздней модерности отношения между индивидом и обществом, гражданином и государством, руководителями и народом не может быть понято только лишь в рамках продолжающегося гражданского

---

⁸ В предлагаемых К. Ясперсом четырех понятиях виновности политическая виновность предполагает внешние формы вменения (коллективу) ответственности за содеянное [26], однако не означает ответственности за конкретные уголовные преступления (уголовную виновность) ни внутреннего вменения моральной или метафизической вины, поскольку три последних исследователь относит к виновности индивидуальной [15, 27].

участия» [16, 693] (а именно о такой форме представления политической ответственности и говорил К. Ясперс). Сам Ф. Абдель-Нур разрабатывает концепцию национальной ответственности⁹, которая в его рассмотрении становится синонимом исторической ответственности. По мнению исследователя, в основании любой констатации национальной принадлежности лежит гордость за некоторые деяния нации в прошлом. Одновременно чувство гордости является и границей ответственности, поскольку распространяется только на те деяния, которые составляют «историческую обусловленность объектов национальной гордости» [Там же, 703]. Ответственность в этом случае становится сопутствующей и принимается индивидом только пропорционально тому, какую роль негативные деяния прошлого сыграли для возникновения «объектов национальной гордости» [Там же, 709, 712]. Как можно заключить из данной концепции, взаимодействие с коллективным субъектом исторической ответственности возможно лишь тогда, когда все представители сообщества имеют общий предмет для гордости.

Итак, проблема субъекта исторической ответственности решается через попытку ответить на вопрос о том, что заставляет людей совместно разделять вину, чувствовать скорбь, гордость или негодование за события, к которым ни они сами, ни даже (порой) их предки не имели ни малейшего отношения. Дж. Фэинберг [19] в качестве такого основания выводит солидарность, Р. Спэрроу [27], Дж. Спиннер-Халев [28] и Ф. Абдель-Нур [16] — идентичность, Р. Пьерик [26] говорит о способности к совместному действию. Но, как бы ни различались между собой данные позиции, в одном они оказываются схожи: субъект исторической ответственности — это сообщество индивидов, добровольно и осознанно принимающих на себя ответственность, разделяющих ее с другими и налагающих ее на других. Именно способность и стремление к совместности и создает субъектов исторической ответственности, делая возможными взаимодействия по поводу прошлого и/или будущего.

Историческая ответственность и проблема свидетельства

Последним аспектом проблематизации исторической ответственности становится свидетельство, которое, во-первых, выступает в качестве внешнего обоснования для формирования субъектов исторической ответственности, а во-вторых, подтверждает ту версию прошлого, которая этими субъектами продвигается. Что собой представляет данное свидетельство? Вслед за П. Рикером мы можем выделить два типа: «архив» и «свидетель» [12]. Первый тип является сводом некоторых знаний, это всевозможные материальные и письменные источники — архив высказываний, могли бы мы сказать, вставая на позиции М. Фуко. Тончайшие нюансы передачи содержания, бесконечная игра «в достоверность» делают каждое такое свидетельство одновременно и уникальным, и проблематичным, оставляя

---

⁹ Д. Миллер и вслед за ним Р. Пьерик настаивают на разделении государственной и национальной ответственности. Если первая касается всех граждан одного государства, то вторая — ситуаций, в которых границы нации и государства не совпадают, например, если часть граждан претерпела от государства вред или если речь идет о «бездомной нации», рассеянной, разделенной сразу несколькими государствами [26, 468].

простор для интерпретаций. Оно во многом корректируется в зависимости от дискурсивной идентификации сказанного, а также от того контекста, в котором приводится. Получая все более изощренные способы мгновенной передачи произошедшего, его визуализации, абсолютизируя объективность повествования, превращая каждого смотрящего в очевидца и даже соучастника, мы тем самым оказываемся ввергнутыми в парадокс современных свидетельств: их достоверность еще требуется доказать [22, 259]. В этой связи повсеместно происходящие исторические войны могут быть рассмотрены и как «войны доказательств».

Второй тип сосредоточен на изучении самого свидетеля — того, кто высказывается [1, 25]. В этом случае исследователи имеют дело с говорящим, а не с уже изложенным и установленным фактом. Такое свидетельство в высшей степени индивидуально, через него раскрывается субъективность говорящего или показывающего; с другой стороны, предполагается, что свидетельствующий говорит объективно¹⁰, само его повествование и переживания должны подпадать под процедуры доказуемости, и объяснимости, служить подтверждением некоторой сложившейся позиции, отстаиваемой тем сообществом, которое к этому свидетелю обращается.

Первая проблема, относящаяся к данному типу свидетельства, заключается в том, что, когда речь заходит о событиях отдаленного прошлого или таких, которые привели к массовой гибели, живых свидетелей почти не остается, а значит, возникает вопрос: каким образом мертвые могут (за)говорить? Так, к примеру, К. Дэвис, анализируя работы П. де Мана, Э. Левинаса и Дж. Агамбена, приходит к выводу о том, что «мы в этом случае имеем дело с лакунами означающего, которые неожиданно вторгаются без какого-либо очевидного означающего намерения. ...Они не могут быть приписаны какому-либо сознательному субъекту» [17, 88–89]. В итоге возникает парадоксальная ситуация, в которой, «считывая» отсутствующие свидетельства, мы сами же их и конструируем. Наиболее ярко этот аспект был раскрыт П. Леви [10, ч. 7] и переосмыслен Дж. Агамбеном [1]. Вторая проблема связана с определением, кому позволено говорить. Дело в том, что свидетель, получивший возможность высказаться, обретший голос и отстаивающий собственную позицию относительно произошедшего, влияет и даже инициирует формирование коллективного субъекта исторической ответственности¹¹. В этой

¹⁰ В этой связи П. Рикер замечает: «Специфика свидетельства заключается в том, что утверждение о реальности неотделимо от самообозначения свидетельствующего субъекта, составляет с ним единое целое» [12, 227].

¹¹ Следует заметить, что развитие в XX в. новых технологий передачи информации и медиа позволили распространять свидетельствование на чрезвычайно широкую аудиторию, интенсифицируя процесс коллективной субъективации. Так, исследуя роль радио в процессе над Эйхманом, А. Пинчевский и Т. Либес отмечают, что «радио содействовало радикальному изменению положения жертв холокоста в Израиле: многие израильяне, пережившие этот глубоко травматичный опыт, не могли или не желали рассказывать о том, что произошло “там”. Лишь во время процесса Эйхмана жертвы Катастрофы были призваны всенародно засвидетельствовать произошедшее.

Радио подвергло свидетелей радикальной трансформации: из тел, лишенных речи, они превратились в голоса, отчужденные от тел. “Выход из тела” открыл для них, некогда безгласных, новые способы адресации и дал новые возможности выражения. В этой связи процесс Эйхмана — показательный пример того, насколько медиа оказываются значимыми для трансформации частных травм в травму, разделяемую всем обществом» [11].

связи К. Оливер отмечает, что «субъективность требует возможности свидетеля, и свидетельствование в центре субъективности приносит с собой ответственность, ответ-способность (response-ability) и этическую ответственность. Субъективность как способность отвечать отсылает в своей концепции к этической ответственности» [25, 91].

Упоминание о появлении этической ответственности здесь не случайно — поскольку тот, кто соглашается, подтверждает и даже воспринимает свидетельство, начинает разделять и общие критерии оценки произошедших событий (добро/зло, допустимо/недопустимо, прощаемо/непрощаемо). Но в этом случае возникает проблема иного свойства: построение этической или политической оценки свидетеля — иначе говоря, позиция, с которой члены заинтересованных общностей рассматривают уместность его высказываний. Речь может идти о событии или версии события, которые ни сам свидетель, ни кто-либо другой не должен был видеть или испытывать: такой свидетель вносит раскол в сообщество, способствуя формированию множественной субъективности. Другой аспект данной проблемы приобретает значение и в том случае, если, например, свидетель репрезентирует виновную сторону, демонстрируя вместо покаяния или раскаяния радикально противоположную позицию (достаточно вспомнить статью В. Янкевича «Не слушайте их!» [20]), или же если его травмирующий опыт представляется морально неприемлемым¹².

Следовательно, свидетельство в контексте исторической ответственности призвано решать две политические задачи: заставить прошлое говорить «в свою пользу» и заставить прошлое молчать. Результат решения каждой из них напрямую зависит от организации и идентификации субъекта исторической ответственности и присущего ему типа взаимодействия с прошлым.

***

Итак, как можно заключить из нашего рассмотрения, три аспекта проблематизации исторической ответственности (взаимодействие с прошлым, определение субъектов и свидетельство) в своей взаимосвязанности указывают на способы актуального восприятия событий прошлого и, в свою очередь, отсылают к вопросам конструирования и поддержания устойчивости подобных восприятий. Ресурсы, используемые для этих целей, — от профессиональных исторических исследований до мифов, массово тиражируемых в интернет-пространстве, от устных свидетельств до официальных постановлений правительств — при всем своем разнообразии отсылают к, в общем-то, ограниченному дисциплинарному и методологическому «набору». Они используются для построения исследовательских

---

¹² С этой позиции мы можем взглянуть на приводимое С. Жижekom описание травмы «непринятого свидетельства»: «...когда кто-либо попадает в ситуацию травмы... его заставляет выжить именно... осознание того, что он станет свидетелем... Вторая же травма наносится в тот момент, когда не происходит признания первой травмы... <...> Такую повторную травму нанесло жертвам изнасилований во время войны в Боснии именно отсутствие символического общественного понимания... факт того, что рассказ об их испытании или отвергали как просто фантазию, или воспринимали как свидетельство об их соучастии (шлюхи этого и заслуживают...); большинство самоубийств этих жертв было совершено именно по этой причине, а не как следствие первоначального травмирующего события» [8, 347–348].

и политических стратегий взаимодействий по поводу прошлого и/или будущего, которые применяются теми или иными сообществами. В том, как меняются восприятие вины, подвига, нации, предков, травмы, наконец, самой истории, заключается пластичность исторической ответственности. Будучи призванной объединять и сохранять во имя будущего, она меняет прошлое, превращая каждого человека — обвиняющего и кающегося, отрицающего и подтверждающего — в свидетеля и соавтора изменений.

1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Архив и свидетель. Что осталось после Освенцима. М., 2012.
2. Арендт Х. Коллективная ответственность // Ответственность и суждение. М., 2013. С. 205–217.
3. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Там же. С. 47–82.
4. Арендт Х. Организованная вина // Скрытая традиция : эссе. М., 2008. С. 39–55.
5. Бордюгов Г. 2015: Новые смыслы юбилея Победы [Электронный ресурс]. URL: <http://gifter.ru/archive/15430> (дата обращения: 12.07.2015).
6. Вайцеховский М. В признании фактов Россию и Польшу сегодня ничто не разделяет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/friday/20120518/318344207.html> (дата обращения: 12.07.2015).
7. Гуцинова Э. Б. Нация и дискурс вины: примирение с прошлым в политике памяти калмыков // Ab Imperio. 2004. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/stati/kolaborabi.html> (дата обращения: 06.06.2015).
8. Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2012.
9. Ланко Д. А. Историческая память в эпоху глобализации: пример российско-эстонских отношений // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 6–17.
10. Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010.
11. Пичевский А., Либес Т. Отчужденные голоса: радио и медиация травмы в процессе Эйхмана // Новое лит. обозрение. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2530#sthash.pс3cjfeq.dpuf> (дата обращения: 15.07.2015).
12. Рикер П. Память, История, Забвение. М., 2004.
13. Фиксель Е. В поисках потерянных геноцидов // Pro et Contra. 2011. Май–август. С. 123–143.
14. Шпирельман В. А. Подделки и альтернативная история // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 17–34.
15. Ясперс К. Вопрос о виновности: О политической ответственности Германии. М., 1999.
16. Abdel-Nour F. National responsibility // Political theory. 2003. Vol. 31, № 5. P. 693–719.
17. Davis C. Can the Dead Speak to Us? De Man, Levinas and Agamben // Culture, Theory & Critique. 2004. № 45(1). P. 77–89.
18. Diamantides M. The subject may have disappeared but its sufferings remain // Law and Critique. 2000. № 11. P. 137–166.
19. Feinberg J. Collective Responsibility // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65, № 21. P. 674–688.
20. Jankelevitch V. Do not listen to what they say, look at what they do // Critical Inquiry. 1996. Vol. 22, № 3. P. 549–551.
21. Kukathas Ch. Responsibility for past injustice: how to shift the burden // Politics, philosophy & economics. 2003. № 2. P. 165–190.
22. Lyotard J.-F. The Differend // The Holocaust: theoretical readings / Ed. by N. Levi, M. Rothberg. Edinburgh, 2003. P. 257–262.
23. Mininni G., Manuti A., Curigliano G. Commemorative acts as discursive resources of historical identity // Culture & Psychology. 2012. № 19 (1). P. 33–59.

24. Olick J. K. From usable past to the return of repressed // *The Hedgehog review*. 2007. № 2. P. 19–31.
25. Oliver K. *Witnessing: beyond recognition*. Minneapolis, 2001.
26. Pierik R. Collective responsibility and national responsibility // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2008. Vol. 11, № 4. P. 465–483.
27. Sparrow R. History and collective responsibility [Electronic resource]. URL: <http://profiles.arts.monash.edu.au/rob-sparrow/download/HistoryCollectiveResponsibilityForWeb.pdf> (accessed: 07.03.2015).
28. Spinner-Halev J. From Historical to Enduring Injustice // *Political Theory*. 2007. Vol. 35, № 5. P. 574–597.
29. Subotic J. *Journal of Peace Research*. Vol. 48, № 2. 2011. P. 157–169.
30. Traditional Justice and Reconciliation after Violent Conflict: Learning from African Experiences [Electronic resource]. URL: http://www.idea.int/publications/traditional_justice/upload/Chapter_2_The_Gacaca_Courts_in_Rwanda.pdf (accessed: 11.07.2015).
31. Сайт общественного движения «Бессмертный барак» [Электронный ресурс]. URL: <http://immortalcamp.ru/> (дата обращения: 18.07.2015).

Рукопись поступила в редакцию 7 апреля 2015 г.

УДК 316.356.2 + 316.61

А. В. Меренков
Ф. А. Мустаева
В. В. Полякова

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЬИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье раскрываются основные характеристики такого социокультурного явления, как самоопределение семьи. Выявляются факторы, вызывающие потребность семьи в самоопределении при реализации ее основных функций в современном динамично меняющемся обществе, требующем от представителей малой группы умения самостоятельно находить оптимальные варианты решения актуальных проблем организации взаимодействия как с государством, органами местной власти, так и между супругами, родителями и детьми. На материалах эмпирического исследования анализируются особенности самоопределения современной молодой семьи в экономической, бытовой, воспитательной деятельности.

Ключевые слова: семья, самоопределение личности, самоопределение семьи, современная семья, самоопределение в организации семейной жизни.

В современных условиях самоопределение становится ведущей характеристикой той свободы организации жизни человека, которая появилась в последние десятилетия. Качественные изменения в условиях жизни больших групп населения, новые возможности в выборе места жительства, трудоустройства привели к тому, что многие люди стали самостоятельно искать то социальное пространство, которое позволяет им максимально реализовать имеющиеся знания, способности, обеспечить бытовой комфорт, интересно организовать свободное время. Исчезает

прежняя система приобщения к единственно правильной системе трудовых, моральных, эстетических норм и правил. Каждый человек может выбирать ту систему взглядов, представлений о жизненных ценностях, которые соответствуют его индивидуальному видению мира.

Появилась и более высокая степень свободы организации семейной жизни. Люди не только опираются на собственное мнение при выборе мужа/жены, но и самостоятельно определяют время рождения детей, конструируют отношения между супругами, распределяют семейные обязанности, исходя из своих представлений о должном воспитывают подрастающее поколение.

Однако понятие «самоопределение» пока очень редко используется при анализе той практики, которая характеризует развитие современной семьи. Так, например, канадский социолог А. И. Романюк только выделяет, но не раскрывает сущность и особенности саморегуляции семьи в современном меняющемся мире [7, 70–79]. Некоторые исследователи семьи используют термин «самоопределение» лишь при анализе проблем увеличения численности детей в ней, отмечая, что у значительной части молодежи отсутствуют «объективно необходимые сегодня навыки *самоопределения*, самоорганизации сценариев жизни», позволяющие «формировать двуединую задачу, а именно инновационное поведение молодежи в сфере демографической политики при одновременном толерантном их отношении к опыту и стереотипам демографического поведения родителей и прародителей» [5, 105]. Раскрытие сущности и содержания самоопределения не только при решении демографических проблем, но и экономических, социально-педагогических позволит с новых позиций изучить многие сложные явления, свойственные современной семье.

Исходным понятием при рассмотрении самоопределения семьи является категория «самоопределения» как особого социокультурного явления. Чаще всего исследователями изучается самоопределение личности.

Так, Л. С. Рубинштейн еще в середине прошлого века писал о значении внутреннего момента в самоопределении индивида, т. е. верности самому себе, своей внутренней позиции. Он отмечал, что человек не только находится в определенном отношении к миру, но и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается его сознательное самоопределение [9, 240]. Согласно психологической точке зрения у самоопределения есть некие границы, связанные с данными природой возможностями перестройки индивидуальности человека под влиянием культуры. Поэтому личность всегда в той или иной степени ограничена в выборе вариантов удовлетворения своих физиологических и социокультурных потребностей. Следовательно, при изучении проблем самоопределения семьи необходимо выделять конкретные границы ее самоопределения, учет которых способствует достижению тех результатов ее воспроизводства и развития, которые планируют достигнуть ее представители.

Раскрывая содержание процесса самоопределения личности, О. В. Лишина отмечает, что он «представляет собой сознательный акт выявления и утверждения собственной жизненной позиции, делающей возможным выбор личностью своего поведения в проблемных жизненных ситуациях» [8, 5]. Следовательно, во-первых,

самоопределение происходит в процессе осмысления человеком базовых ценностей своей жизнедеятельности; во-вторых, необходимость в самоопределении возникает при нарушении привычного порядка жизни, когда нужно выбрать оптимальный вариант действий. Исходя из этих положений, можно говорить о том, что самоопределение семьи также осуществляется только при возникновении особых ситуаций, а не носит постоянный характер.

Исследуя феномен самоопределения, психологи отмечают, что оно представляет собой активное взаимодействие индивида с самим собой на основе требований общества. По словам А. Н. Леонтьева, «на каждом повороте жизненного пути человеку необходимо от чего-то освободиться, что-то утверждать в себе, и все это нужно делать, а не только подвергаться влияниям среды» [2, 97]. Самоопределение понимается им как глубоко индивидуальное восприятие ценностей, утверждаемых обществом, среди которых необходимо самостоятельно выбрать те, что наиболее полно соответствуют имеющимся у индивида представлениям о благе. Следовательно, анализируя сущность самоопределения семьи, мы отмечаем, что в этом процессе должны принимать участие все ее члены для того, чтобы учитывались интересы каждого при поиске оптимальных способов решения возникающих в ней проблем.

Философский подход характеризуется выделением в самоопределении некоего творческого начала — творения социальным субъектом самого себя через самопознание, самооценку, самовоспитание, самообразование, самоутверждение, самореализацию и самоактуализацию [1, 29–35]. Раскрывается зависимость свободы выбора из некоего набора возможностей, предоставляемых внешней средой, с имеющимися у личности способностями, знаниями, умениями. Содержанием самоопределения становится поиск наилучших способов реализации индивидуальности личности в конкретных социокультурных условиях ее существования. При исследовании семьи, исходя из указанных характеристик самоопределения, необходимо выделять потребность в раскрытии ее представителями внутреннего потенциала саморазвития в процессе реализации основных функций этой малой группы.

Педагогический подход к самоопределению связывает данный процесс с постоянным саморазвитием личности. Н. С. Пряжников отмечает, что личностное самоопределение представляет собой «нахождение самобытного образа Я, постоянное развитие этого образа и утверждение его среди окружающих» [6, 43]. Включаясь в процесс самоопределения, индивид активно занимается самореализацией и самоутверждением в разнообразной социокультурной деятельности. В любой семье существуют неповторимые отношения между супругами, родителями и детьми, выявление ценности которых в процессе самоопределения дает возможность максимально согласовать действия членов малой группы в деятельности, направленной на ее воспроизводство и саморазвитие.

Исходя из анализа существующих в научной литературе различных подходов к самоопределению, выделим следующее. Во-первых, самоопределение является процессом, выражающим потребность социальных субъектов в самостоятельности при выборе вариантов самореализации и самоутверждения в трудовой,

семейно-бытовой, досуговой деятельности. Во-вторых, самоопределение малой группы детерминируется стремлением максимально реализовать имеющиеся у каждого ее представителя возможности выражения своей индивидуальности в совместной с другими индивидами деятельности.

Поэтому при определении понятия «самоопределение семьи» считаем возможным взять за основу трактовку категории «самоопределение личности» в процессе первичной социализации. «Самоопределение представляет собой сложный многоэлементный процесс соединения общественных и личных потребностей, обеспечивающий успешное развитие и саморазвитие ребенка. Оно включает в себя, во-первых, познание требований современной культуры к поведению индивида в типичных жизненных ситуациях. Во-вторых, принятие этих требований в качестве ориентиров совершения конкретных поступков. В-третьих, выявление тех индивидуальных задатков и способностей, на основе которых учащийся успешно приобретает различные знания, навыки, выбирает будущую профессию. В-четвертых, овладение принятыми в обществе способами реализации личностного потенциала в трудовой и общественной деятельности» [3, 3–4].

Следовательно, самоопределение семьи включает в себя выявление и принятие в той или иной мере различий, существующих в разных культурах в настоящее время в способах организации семейной жизни. Они включают нормы и правила добрачных отношений, способы и основания выбора супруга /супруги; представление о распределении семейных обязанностей, времени появления детей и их количестве, методах профилактики конфликтов и их разрешения, организации воспитания ребенка, общения с родственниками, вариантах обеспечения психологического комфорта, сохранении чувства любви и т. п.

Следующей характеристикой самоопределения является выбор семьей тех норм, правил, которыми она намерена руководствоваться при осуществлении своих основных функций. Каждая семья в условиях свободы организации ее жизнедеятельности получает возможность самостоятельно выбирать те способы регулирования отношений между ее членами, которые позволяют обеспечить стабильное существование малой группы.

Все семьи сталкиваются с проблемой конструирования собственных форм самосохранения и саморазвития. Взаимодействие индивидуальностей в малой группе создает те жизненные ситуации, в которых невозможно действовать на основе некоего идеального варианта организации семейной жизни. И в прошлом, и в настоящее время не выработаны подходящие для всех способы сохранения семьи как комфортной для всех ее членов среды существования при появлении тех или иных конфликтов. Каждая семья должна самостоятельно создавать особые правила решения проблем организации быта, воспитания, проведения свободного времени и т. п.

Поэтому важной задачей самоопределения семьи становится выявление потенциала ее саморазвития как малой группы в процессе раскрытия способностей ее членов в деятельности, направленной на сохранение и укрепление семейных связей. Каждый член семьи своими поступками либо их усиливает, либо ослабляет, воздействуя в конечном счете на устойчивость малой группы. Эта задача решается

тогда, когда каждый ее представитель личное самоопределение связывает с самоопределением остальных членов общности. Тогда возникает такое взаимодействие семьи с социумом, при котором объединенными усилиями членов малой группы удается самостоятельно решить проблемы, связанные с реализацией ее основных функций.

Следовательно, самоопределение семьи обеспечивает особое взаимодействие существующих в социуме и принятых ею социокультурных ценностей, позволяющих осуществить развитие современного общества индивидами, удовлетворенными своими отношениями с близкими, родными людьми.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующую трактовку самоопределения семьи: самоопределение представляет собой *процесс планирования саморазвития малой группы на основе осознания ее ближайших и отдаленных целей, выбора вариантов разрешения возникающих при их осуществлении проблемных ситуаций путем выявления внутреннего потенциала группы и ее отдельных членов, обеспечивающего успешную реализацию основных функций семьи в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях* [4, 41].

В данном определении отмечается, что, во-первых, потребность в самоопределении у семьи возникает тогда, когда предлагаемые обществом, экспертными группами варианты решения возникших у нее проблем воспринимаются как ограничение *свободы ее жизнедеятельности*. Члены семьи считают, что они могут самостоятельно найти тот вариант поведения, который обеспечит наиболее полную реализацию интересов малой группы. При этом ее представители берут на себя ответственность при принятии *возможных вариантов* разрешения проблемных ситуаций, связанных с использованием имеющихся внутренних резервов, а не средств местных органов власти, государства. Самоопределение нацелено на повышение степени независимости семьи от тех внешних субъектов, с которыми она взаимодействует.

Во-вторых, важной особенностью самоопределения семьи является то, что оно осуществляется в процессе *совместной рационально организованной* деятельности дееспособных членов малой группы при конструировании общих целей совместной жизни супругов, родителей и детей и обосновании предлагаемых способов их достижения. Поэтому самоорганизация семьи является обязательным условием ее самоопределения. От каждого ее члена требуется умение выбрать оптимальные варианты деятельности, направленной на укрепление связей в малой группе, проявить волю, терпение при преодолении возникающих трудностей в обеспечении ее единства и способность контролировать конкретные поступки, согласовывая их с интересами других членов общности.

В-третьих, в процессе самоопределения выявляются и реализуются *возможности* каждого члена семьи в обеспечении ее устойчивого воспроизводства и развития. Раскрывается потенциал осуществления эффективной совместной деятельности, направленной на постоянное повышение уровня материального и духовного благополучия как всей малой группы, так и каждого ее представителя.

В-четвертых, самоопределение семьи осуществляется в процессе *обоснованного выбора тех ценностей*, которыми ее члены руководствуются при принятии важных

для всей малой группы решений. Возможно существование и взаимодействие следующих ценностей. Одни из них возникли в процессе исторического развития и представляют собой совокупность господствующих в обществе представлений о нормах, которыми должна руководствоваться семья при заключении брака, регулировании отношений между супругами, родителями и детьми в быту, при воспитании детей, разрешении конфликтов. Эти ценности имеют определенную специфику у каждого этноса, меняются в той или иной степени в течение времени, однако до сих пор выступают важнейшим ориентиром при самоопределении семьи.

Однако у каждого члена семьи могут быть свои представления о тех ценностях, которыми следует руководствоваться при решении общих проблем организации совместной жизни, преодолении появляющихся трудностей. Семья может принять то, что утверждает одним из ее членов, при этом не обязательно тем, кто создает своим трудом материальную основу ее жизни. Так, например, взрослые дети могут убедить родителей в том, что предлагаемое ими решение значимой для семьи проблемы является наилучшим. Кто-то должен отказаться от своих планов, чтобы обеспечить благополучие того члена семьи, который больше всех нуждается в ее поддержке.

Существует еще вариант самоопределения семьи, осуществляемый на базе ценностей, возникших в процессе коллективного поиска решения конкретных проблем. В нем сочетаются как ценности, утверждаемые социумом, так и ценности, утверждаемые ее отдельными представителями, таким образом, что достигается оптимальный результат совместных действий. Тогда обеспечивается достижение психологического комфорта от общения с близкими, понимающими друг друга людьми, создаются условия для самореализации каждого члена малой группы в семейной и внесемейной деятельности.

На основе теоретических представлений о самоопределении семьи нами было проведено в 2014 г. эмпирическое исследование молодых людей в возрасте 20–35 лет, имеющих опыт проживания в собственной семье. Было опрошено 420 человек методом анкетирования и 14 – глубинным интервью.

Прежде всего, выяснилось, что в наше время молодыми людьми самостоятельно определяется форма организации семьи. Семьей считается не только союз людей, официально вступивших в брак, но и то, что обозначается термином «сожительство». В том и в другом случае, по мнению 76 % опрошенных, люди реализуют все основные функции семьи: совместно занимаются бытом, проводят свободное время, создают психологический комфорт, могут дать жизнь потомству, воспитывать общих детей. Если даже такой союз распадается, то в суде легко добиться алиментов на содержание ребенка после проведения генетической экспертизы. *«Это раньше осуждали сожительство, во времена моих родителей, а сейчас все привыкли к такому браку... У меня все знакомые сначала пожили вместе, а потом расписались»* (жен., 33 года).

В то же время 66,2 % респондентов заявили, что незарегистрированный брак является только ступенькой к официальному закреплению возникших отношений. При этом данный вариант ответа чаще выбирали женщины (71 %), а не мужчины (61 %). Лишь 12 % опрошенных считают, что сожительство является полноценной

альтернативой браку. Видимо, при самоопределении формы совместной жизни мужчины и женщины в подавляющем большинстве продолжают ориентироваться на те вековые традиции, которые предполагают наличие устойчивых длительных отношений между супругами, закрепленных официально. *«Когда брак зарегистрирован, то чувствуешь себя спокойнее... А так как-то ненадежно, не ощущаешь уверенности в человеке, с которым живешь»* (муж., 35 лет).

Самоопределение проявляется и в выборе времени создания семьи. Если 30–40 лет назад считалось, что девушкам надо вступать в брак в 19–21 год, а мужчинам в 20–22 года — после завершения учебы в вузе, службы в армии, то в наше время молодые люди думают иначе. Они считают, что должны быть созданы необходимые условия для принятия решения о вступлении в официально оформленный брак. Для 83 % респондентов главным условием является наличие материальной базы для совместной жизни. Она включает зарплату, позволяющую удовлетворить основные потребности членов малой группы при рождении ребенка, а также собственное жилье. Следующим условием принятия решения о создании семьи выступает взаимопонимание на основе общих интересов, увлечений будущих супругов (64 %). По мнению 44 % опрошенных, следует учитывать наличие желания иметь детей и вместе их воспитывать.

При этом представление об обязанностях, которые должны выполнять супруги, различаются в зависимости от пола респондентов. Так, 87 % женщин заявили о том, что муж должен обеспечивать финансовое положение семьи, 63 % — удовлетворять сексуальные потребности жены, 62 % — заниматься воспитанием детей, 43 % — участвовать в организации быта.

Мужчины руководствуются несколько иными взглядами на обязанности жены. По мнению 82 % опрошенных, она должна вести домашнее хозяйство, 77 % — заниматься воспитанием детей, 68 % — удовлетворять сексуальные потребности супруга, 37 % — иметь зарплату, позволяющую поддерживать желаемое материальное положение семьи.

Наличие этих условий молодые люди выявляют в период сожительства, которое длится примерно 1,5 года, позволяя принять решение о заключении официального брака либо о разрыве отношений. Личный опыт проживания с конкретным человеком является условием самоопределения индивида при принятии установки на создание семьи. Поскольку сразу после получения профессионального образования реализовать взаимные требования мужчин и женщин другу к другу как будущим супругам очень трудно, то оптимальным возрастом для вступления в брак для мужчины 62 % респондентов считают 26–29 лет.

Для женщин желаемый возраст вступления в брак меньше и, по мнению 69 % опрошенных, колеблется от 22 до 25 лет. *«Она должна получить профессию, быть готовой к ведению домашнего хозяйства, рождению детей и их воспитанию»* (муж., 32 года).

Установка на вступление в брак возникает на основе собственного мнения, а не благодаря советам родственников, друзей. *«Мы сами принимали решение, когда устраивать свадьбу. Нам же жить, а не родителям. У них свое мнение, а у нас свое»* (жен., 31 год).

Как показало исследование, распределение семейных обязанностей осуществляется, с одной стороны, на основе воспроизводства традиционного их распределения между супругами: женщина чаще всего решает, какие продукты, предметы бытового назначения необходимо покупать, она готовит пищу, организует уборку квартиры; с другой стороны, увеличивается количество мужчин, считающих, что в оснащённом современной бытовой техникой доме они могут самостоятельно выполнить все обязанности. *«Сейчас не нужно больших сил, чтобы заниматься бытом. Одна машина стирает белье, другая вымоет посуду, третья разогреет обед. Когда жена уезжает в командировку, я не испытываю больших проблем»* (муж., 28 лет).

Самоопределение семьи проявляется и при реализации потребности в рождении детей. Первый ребенок у 72 % тех, кто уже имеет детей, родился после двух лет совместной жизни, когда утвердилось в сознании представление о том, что брак носит устойчивый характер. Решение о рождении последующих детей принималось на основе самостоятельного определения тех материальных, физических, психических условий, которые требуются для их содержания и воспитания. *«Мы посчитали, что можно родить еще одного ребенка, когда первый уже пошел в школу, забот стало меньше. С мужем хорошие отношения. Здоровье еще позволяет это сделать... Так приятно повозиться с маленьким человечком»* (жен., 35 лет).

Проведенное исследование состояния и особенностей самоопределения современной российской семьи позволило нам прийти к следующим выводам.

Организация союза близких людей на основе самоопределения стала ведущей при реализации всех основных функций этой малой группы. Люди, находящиеся в браке, самостоятельно принимают все решения, касающиеся отношений между супругами, родителями и детьми в быту, при организации досуга, воспитания подрастающего поколения. Переход семьи в состояние постоянного самоопределения усиливает роль рационального начала в осуществлении всей ее повседневной жизнедеятельности. От каждого ее представителя, и в первую очередь от взрослых, требуется умение научиться руководствоваться общими, а не индивидуальными интересами с целью сохранения союза любящих, способных заботиться друг о друге людей. Актуализируется проблема сочетания чувственно-эмоциональных и рациональных факторов в отношениях между близкими людьми. Решение этой задачи требует приобретения каждым членом семьи навыков особого духовного труда, призванного обеспечить комфортный психологический климат, реализацию в желаемой форме экономической, сексуальной, бытовой, досуговой, воспитательной функций малой группы.

-
1. Едалина Н. А. Самоопределение личности как путь к себе : моногр. Екатеринбург, 2003.
  2. Леонтьев А. Н. Психология личности. М., 1976.
  3. Меренков А. В. Самоопределение учащихся. М., 2008.
  4. Меренков А. В., Мустаева Ф. А. Самоопределение российской семьи в условиях трансформирующегося общества : моногр. Магнитогорск, 2013.
  5. Павлов Б. С., Александрова Ж. П. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретико-методологические подходы социологического анализа. Екатеринбург, 2010.

6. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М., 2008.
7. Романюк А. И. Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора // Социол. исслед. 1999. № 3.
8. Российские подростки и юношество в социальной реальности XXI века: Личностное самоопределение, самореализация, взгляд в будущее : моногр. / под ред. О. В. Лишина. М. ; Обнинск, 2008.
9. Рубинштейн Л. С. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.

Рукопись поступила в редакцию 13 июля 2015 г.

УДК. 316.74 + 17.022.1:378-057.175 + 378.115.15

Е. В. Грунт
Е. С. Елисеева

ИМИДЖ ПРОФЕССИИ И ОБРАЗ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье дается теоретический анализ понятий «имидж», «образ», предлагается авторское понятие «имидж профессии». Основное внимание уделяется имиджу профессии преподавателя высшей школы и образу молодого преподавателя в современных российских реалиях. На основе проведенного в вузах Екатеринбурга социологического исследования авторами делается вывод о том, что в современной России сложился негативный образ молодого преподавателя высшей школы как внутри социально-профессиональной группы преподавателей, так и в общественном мнении. Наметилась тенденция оттока молодых преподавателей высшей школы в другие сферы экономики после окончания аспирантуры и получения соответствующей степени кандидата наук. Решение проблемы авторами видится в повышении имиджа профессии преподавателя высшей школы, его статуса в современной России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: имидж, образ, имидж профессии, социально-профессиональная группа, молодой преподаватель вуза, высшее образование, студент.

В условиях вступления России в Болонский процесс, модернизации высшего профессионального образования, его перехода на двухуровневую модель (бакалавриат — магистратура) существенно изменились положение и статус преподавателей высшей школы в обществе. Вместе с тем идут нелегкие процессы поиска новых подходов к содержанию и формам профессиональной деятельности, адаптация к новым образовательным стандартам, переоценка прежних норм и ценностей, выработка позиций по самым различным вопросам, встающим перед преподавателями и студентами в сложившихся условиях. Анализировать данные проблемы можно как со стороны различных субъектов образовательной деятельности (абитуриенты, студенты, преподаватели разных возрастных групп и с разным стажем работы, руководство подразделений), так и со стороны тех, на ком в большей степени сказываются эти изменения в дальнейшем (работодатели,

недавние выпускники). Говоря о каждом из субъектов, можно выделить ряд общих и особенных проблем, свойственных каждому из них.

В данной статье речь пойдет только об одном субъекте образовательной деятельности — социально-профессиональной группе молодых преподавателей вузов в современных российских реалиях.

Молодые преподаватели вузов — это особая социально-профессиональная группа. Она отличается от других профессиональных групп по роду своей деятельности; внутри самой профессиональной группы преподавателей также имеются существенные различия по возрасту, уровню профессионализма, опыту преподавательской деятельности и пр. Данная группа является одной из наименее защищенных профессиональных групп в вузовской среде. К тому же на сегодняшний день мы видим, что профессия преподавателя высшей школы неожиданно оказалась на периферии социальных интересов, потеряла статус одной из самых престижных в обществе и достойно оплачиваемых профессий. Сегодня все меньше выпускников вузов изъявляет желание работать в высшей школе. Это сопровождается также изменениями в преподавательском корпусе: естественным его старением, оттоком наиболее мобильных, динамичных и квалифицированных преподавателей в другие, более престижные отрасли и сферы деятельности [6, 37]. Поэтому немаловажным представляется вопрос о том, как молодые преподаватели вузов самоидентифицируют себя, кем они предстают в своих собственных глазах и глазах студентов. Все это требует тщательного социологического анализа.

Таким образом, на сегодняшний день остро встает вопрос об имидже профессии преподавателя вуза в целом и об образе молодого преподавателя вуза в частности. Для понимания данной проблемы следует проанализировать понятия «имидж» и «образ».

В социальной и гуманитарной науке не существует однозначного мнения по вопросу о том, что такое имидж и образ. Понятие «имидж» происходит от английского слова *image*. Оно чаще всего ассоциируется с понятиями «образ» или «изображение». Мы согласны с мнением Б. Борисова о том, что в современном русском языке «...образ, мотив, роль, ампула, маска, типаж, мода, установка, фасад, репутация, лицедейство, прогнозируемое ожидание... еще не совсем полный перечень смыслов этого понятия» [2, 383]. Своим возникновением оно обязано американскому экономисту К. Боулдингу, который ввел его в научный оборот в 1960 г. и обосновал полезность имиджа для преуспевания человека в бизнесе [13]. Он понимает понятие «имидж» как идеальный инструмент, позволяющий найти путь к поведению каждого индивида и динамике общественной жизни.

По мнению Ф. Котлера, имидж — это «набор представлений, идей и впечатлений индивида о том или ином объекте, в значительной степени определяющих установки потребителей и его действия» [3].

В России одним из первых начал разрабатывать понятие «имидж» О. А. Феофанов [10]. В книге «США: Реклама и общество», выпущенной в 1974 г., имидж рассматривался им как инструмент психологического воздействия на потребителя.

Как видим, изначально данное понятие характеризовалось исключительно с экономической точки зрения.

В. Шепель говорит о том, что имидж формируется в сознании субъекта в отношении кого-либо или чего-либо. Таким образом, имидж представляет собой взаимодействие между объектом восприятия и субъектом (группой людей, целевой аудиторией и пр.), более того, имидж побуждает человека к определенному социальному поведению. На наш взгляд, здесь речь идет, видимо, об имидже, который создается специально. Это связано с тем, что зашифрованное в имидже его создателями послание нацелено именно на побуждение субъекта к совершению поступка или формированию представления об объекте, полезном, в том или ином плане, для носителя имиджа или его создателей. Мы согласны с мнением В. Шепеля о том, что промежуточным результатом формирования имиджа является информационный посыл его адресату, поэтому конструируемый имидж (как внешний образ) создается для реализации в практико-прикладной сфере жизни, выполнения целей, задач, планов, получения определенного эффекта, достижения и продвижения статуса в динамике социальной реальности [11]. Таким образом, по мнению ученого, имидж должен быть целенаправленным, т. е. стремиться к решению круга задач, соответствующих целям его носителя или особенностям ситуации его развития.

А. Петровский и М. Ярошевский определяют имидж как «стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании» [9, 122]. Безусловно, велика роль стереотипов в формировании имиджа. Однако, на наш взгляд, отождествлять понятия «стереотип» и «имидж» не вполне корректно.

Мы полагаем, что наиболее удачное определение имиджа дано М. В. Бердинских. Под имиджем она понимает «представление об образе объекта (индивида, организации, предмета, явления), содержащее информационную и оценочную часть, формирующееся у индивида (как представителя целевой аудитории) на основе деятельности объекта, ценностных ориентаций и стереотипных установок и облегчающее процесс выбора какого-либо объекта» [1, 24].

Рассмотрев разные подходы к понятию «имидж», можно выделить его основные характеристики: имидж — это в первую очередь представление, мнение, восприятие, оценочное суждение, возникающее на основе образа, сформированного в сознании других людей. Он основан на оценочных суждениях участников процесса его формирования. В его формировании большая роль принадлежит стереотипу, стандартному суждению; с течением времени имидж склонен к изменениям; всегда имеет эмоциональную окрашенность и манипулятивную природу. Он может быть как положительным, так и отрицательным. Имидж — это внешний образ, представляющий собой наиболее эффективную подачу субъекта. Именно поэтому одной из важных характеристик имиджа становится его коммуникативная составляющая.

С понятием «имидж» тесно связано понятие «образ». Часть исследователей отождествляет данные понятия [6]. На наш взгляд, эти понятия разные.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается сразу несколько значений понятия «образ»: «1) вид, облик; 2) представление; 3) в литературе как обобщенное художественное отражение; 4) тип, характер; 5) порядок» [8, 396]. Чаще всего понятие «образ» ассоциируется с «обликом», «видом», поэтому наиболее часто

термин «имидж» употребляется именно по отношению к внешнему виду человека. В современной западной англоязычной науке с понятием «имидж» прежде всего отождествляется понятие «мнение», т. е. суждение, которое выражает отношение к чему-либо, оценку чего-либо. Под «образом» в таком случае подразумевается не только зрительный, визуальный образ (облик, вид), но также и образ мышления, действий, поступков. Другими словами, понятие «образ» употребляется в широком смысле — как представление о субъекте в целом.

Важным понятием для темы нашего исследования является понятие «имидж профессии». Под ним мы понимаем совокупность устойчивых представлений в профессиональной группе об образе профессиональной деятельности, содержащую информационную и оценочную часть, формирующуюся у индивида (как представителя профессиональной группы) на основе его профессиональной деятельности, профессиональных ценностей и стереотипных установок, собственного чувственно-эмоционального восприятия, и облегчающую процесс взаимодействия с профессиональной группой.

Таким образом, имидж профессии — это мысленный образ, возникающий не только под воздействием собственного восприятия профессии, в нашем случае молодыми преподавателями вузов, но и под воздействием мнений и суждений о ней представителей референтных групп, общества в целом. Имидж может быть неустойчивым, противоречивым и даже сугубо негативным. Не существует одинакового имиджа профессии для всех представителей социально-профессиональной группы молодых преподавателей вузов. Соответственно можно предположить, что для представителей одной и той же профессиональной группы и образ преподавателя может быть абсолютно разным.

Зимой 2013/14 г. авторами статьи проведено социологическое исследование в вузах Екатеринбурга. Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос, экспертные интервью с руководителями подразделений (директорами департаментов и институтов, деканами факультетов), полуформализованные интервью с молодыми преподавателями вузов Екатеринбурга, а также анализ документов. В ходе исследования было опрошено 353 молодых преподавателя на основе квотного отбора. Квотными признаками выступали возраст респондента (22–35 лет) и стаж работы в вузе (1 год — 5 лет).

О профессиональном имидже молодых преподавателей и об их социальной роли красноречиво говорит образ, который они выбирают для себя.

Анализ результатов исследования показал неоднозначное восприятие имиджа своей профессии молодыми преподавателями вузов. Большинство респондентов (65,0 %) указывают на негативный имидж этой профессии. К основным его характеристикам они относят следующие: «в профессии остаются те, кто не может более выгодно продать себя на рынке труда, — неудачники», «не статусно сегодня быть преподавателем вуза», «профессия преподавателя — одна из наименее оплачиваемых в стране», «высшее образование превращается в товар, а преподаватель — в менеджера», «профессия становится менее творческой, происходит подмена творчества бумаготворчеством — постоянное переписывание программ, заполнение бумаг и пр.». Как видим, большая часть молодых преподавателей

вузов негативно оценивают свою профессию. Негативный имидж профессии может привести к оттоку молодых преподавателей из высшей школы, снизить интерес к профессии, престижность всего института высшего образования в стране. Наше исследование зафиксировало: каждый третий молодой преподаватель готов сменить профессию после защиты кандидатской диссертации; 72,6 % респондентов при возможности сменить профессию не оставили бы преподавание, а совмещали бы преподавательскую деятельность с иной работой. Более того, почти треть молодых преподавателей на момент исследования уже совмещали преподавательскую деятельность с другой профессиональной деятельностью. Негативный имидж профессии влияет и на образы преподавателя, которые выбирают для себя респонденты.

Что касается позитивного имиджа профессии, который отметили 35,0 % респондентов, то его характеристиками являются следующие: «профессия дает возможность заниматься научной работой», «можно защитить диссертацию и совмещать преподавательскую деятельность с другими видами профессиональной деятельности», «профессия не является денежной, но она творческая», «позволяет общаться с коллегами, участвовать в конференциях, симпозиумах», «дает возможность вести межпоколенческий диалог» и пр. Данные характеристики свидетельствуют о том, что позитивный имидж профессии преподавателя высшей школы рассматривают те респонденты, которые ориентированы на занятия научной деятельностью. Безусловно, позитивный имидж профессии способствует притоку высококвалифицированных сотрудников, талантливых молодых людей в данную профессию, мотивирует их на занятие научной деятельностью. Однако научная деятельность преподавателя вуза является лишь частью профессиональной деятельности педагога наряду с образовательной, организационно-методической, воспитательной.

Исследование показало, что более 80,0 % респондентов хотело бы заниматься научной деятельностью (см. рисунок). Однако на практике занимается ею лишь каждый четвертый молодой преподаватель вуза.

Таким образом, респонденты преимущественно понимают, что для работы преподавателем занятие научно-исследовательской деятельностью становится неотъемлемым элементом их жизнедеятельности. С другой стороны, молодые преподаватели не стремятся посвящать большую часть своего рабочего времени научно-исследовательской деятельности как таковой, хотя отмечают, что желание есть. В этом заключается одно из противоречий как профессиональной деятельности молодых преподавателей высшей школы, так и позитивного имиджа профессии.

В рамках исследования нас интересовал также вопрос о том, как молодые преподаватели вузов себя самоидентифицируют. О профессиональной самоидентификации молодых преподавателей и об их социальной роли красноречиво говорит образ, который они выбирают для себя. В ходе исследования мы дали возможность молодым преподавателям выбрать из девяти характеристик близкий их представлению образ. Прежде всего, 68,2 % молодых преподавателей видят себя «исследователями». Мы полагаем, что образ «исследователь» является одним из самых важных. Он связан с познанием нового в предметной области (наиболее

Желание молодых преподавателей больше заниматься научно-исследовательской деятельностью

близкое группе молодых преподавателей), научным исследованием, что и повлекло за собой такую его популярность; 49,0 % опрошенных молодых преподавателей выбрали для себя образ «белка в колесе», что указывает на негативный аспект высокого темпа работы, который не всегда легко выдержать. Кроме того, для группы молодых преподавателей сложность представляет адаптация не только к новым образовательным стандартам, но и к ситуации, в которую она попала в целом.

Преподавателю приходится осваивать параллельно большое количество новых ролей в своей профессиональной деятельности. Это роль преподавателя, роль молодого коллеги на кафедре, а также роль нового участника научного и профессионального сообщества. Также для 39,0 % опрошенных профессия преподавателя ассоциируется с образом «дипломата», так как поддержание хороших взаимоотношений со студентами, коллегами по кафедре и руководством заботит некоторых чуть ли не больше, чем сам образовательный процесс. Около четверти опрошенных молодых преподавателей идентифицируют себя с «родителем», понимающим другом и наставником для студентов; 23,9 % молодых преподавателей ассоциируют себя с образом «загнанной лошади», полагая, что из-за загруженности образовательной, научной, кураторской деятельностью «не успевают жить, пропадает мотивация что-либо делать». Каждый пятый респондент выбрал для себя образ «монстра», объясняя это тем, что немалая часть студентов сегодня не ориентирована на учебную деятельность, поэтому преподаватель должен «подгонять, угрожать отчислением из университета, несдачей зачета и экзамена и пр.». Исследования других авторов по смежной теме показывают, что подобные образы свойственны не только молодому преподавателю вуза, но и преподавателям всех возрастных категорий, работающих в вузе [4, 7, 12].

Как видим, образ преподавателя высшей школы далек от идеального образа педагога. Это обстоятельство, на наш взгляд, может служить одним из объяснений невысокой удовлетворенности большинства молодых преподавателей трудом,

что сказывается негативно на тех образах, которые они выбирают. Несомненно, здесь отражается и тот факт, что имидж профессии преподавателя высшей школы в обществе невысок, невысок он и в глазах студентов.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, с каким образом, по мнению респондентов, ассоциируется у студентов образ преподавателя высшей школы. Мы получили следующую картину: прежде всего 42,4 % опрошенных видят себя в глазах студентов монстром; 30,5 % — исследователем; 23,2 % — дипломатом; 20,5 % — рулевым (см. таблицу).

Мнения респондентов об образе молодого преподавателя высшей школы глазами студентов и самих молодых преподавателей, % к числу опрошенных*

Ассоциация	Ассоциации с образом молодого преподавателя	Представления респондентов об ассоциациях студентов с образом молодого преподавателя вузов
Монстр	7,3	42,4
Исследователь	68,2	30,5
Дипломат	49,0	23,2
Рулевой	25,2	21,9
Белка в колесе	49,0	20,5
Родитель	22,5	18,5
Канатоходец	20,5	17,2
Стрелочник	6,0	16,6
Загнанная лошадь	23,8	12,6

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на одного опрошенного 2,4.

Также достаточно ярким примером сложившегося отрицательного имиджа молодого преподавателя вуза может служить тот факт, что в графе «Другое» молодые преподаватели несколько раз вписывали ответы, содержащие явно негативные образы, такие как «неудачник» и «бедняк».

Интересно, что, по мнению респондентов, молодые преподаватели в глазах студентов представляются прежде всего монстрами. Вероятно, этот факт связан с тем, что молодой преподаватель, только приступая к своей деятельности, стремится достичь как можно более высоких результатов во всех видах профессиональной деятельности, особенно в образовательной, что характеризуется высокой требовательностью к студентам, строгостью. Все это, по-видимому, и характеризует образ преподавателя-монстра, с которым у студентов должен ассоциироваться молодой преподаватель высшей школы.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

На сегодняшний день вырисовывается совсем не радужная картина положения преподавателей высшей школы, особенно молодых. С давних времен во всем мире, в том числе и в России, профессия преподавателя считалась одной из самых почетных, престижных в обществе. Сегодня же в современной России сложился

негативный имидж преподавателя высшей школы как внутри социально-профессиональной группы преподавателей, так и в общественном мнении россиян. Мы наблюдаем ситуацию, когда молодым преподавателям высшей школы приходится выживать, работая на двух-трех работах, преподавая в нескольких учебных заведениях, совмещая свою педагогическую деятельность с другими видами профессиональной деятельности. Наметилась тенденция оттока из высшей школы молодых преподавателей (после успешной защиты кандидатской диссертации) в более прибыльные сектора экономики.

Все это формирует негативный образ преподавателя в общественном мнении и отталкивает от вузов молодых специалистов, формируя недостаток в них молодых кадров. Следовательно, имеющееся на сегодняшний день падение престижа профессии преподавателя вуза имеет в потенциале довольно серьезные последствия. Данная проблема является значимой, актуальной и требует дальнейших исследований с последующей разработкой путей ее решения.

Решение проблемы по привлечению молодых преподавателей в вузы, формирования их положительного образа в современных условиях, на наш взгляд, лежит не столько в модернизации системы высшего образования, сколько в решении фундаментальной проблемы — повышения имиджа профессии преподавателя высшей школы, его статуса в современной России.

-
1. *Бердинских М. В.* Формирование имиджа организации: социологический анализ : дис... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012.
  2. *Борисов Б. Л.* Технологии рекламы и PR. М., 2001.
  3. *Котлер Ф.* Маркетинг, менеджмент. СПб., 2002.
  4. *Лымарь А. Н.* Профессиональная культура педагогов высшей школы: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008.
  5. *Леонтьев Д. А.* От образа к имиджу: психосемантический брэндинг // Реклама и жизнь. 2000. № 1.
  6. *Новожилова Т. И.* Проектные условия становления педагога высшей школы : дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2006.
  7. *Орлов А. А.* Современный учитель: социальный престиж и профессиональный статус // Педагогика. 1999. № 7. С. 34–42.
  8. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд 10-е, стереотип. М., 1973.
  9. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Краткий психологический словарь. М., 1996.
  10. *Феофанов О. А.* США: Реклама и общество. М., 1974.
  11. *Шепель В. М.* Имиджелогия: секреты личного обаяния. Ростов н/Д, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.razym.ru/naukaobraz/psihfilosofiya/138138-v-m-shepel-imidzhelogiya-sekret-ylichnogo-obayaniya.html> (дата обращения: 10.06.2015).
  12. *Эфендиев А. Г.* Московский учитель: штрихи социологического портрета. М., 2000.
  13. *Boulding K.* The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor. MI : University of Michigan Press, 1956.

Рукопись поступила в редакцию 30 июля 2015 г.

УДК 316.477 + 316.334.55

Ч. И. Ильдарханова

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Состояние среды обитания сельчан, наполненной социальным контекстом и обусловленной пространственными характеристиками, изложено сквозь призму понятий протяженности и справедливости распределения отдельных видов капитала. В статье приведены результаты социологических исследований, отражающих удовлетворенность жителей сельской территории Республики Татарстан жизнью на селе. Отражены некоторые институциональные ресурсы достижения устойчивости села в республике. Безработица, высокие цены и тарифы, национальные проекты рассмотрены автором в ракурсе социальной активности сельского населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизненное пространство, социальное пространство, село, сельская территория, Республика Татарстан, Центр семьи и демографии АН РТ.

Село — это место жизни людей и функционирования социохозяйственных структур, одной из которых в сельских территориях является аграрно-продовольственный комплекс. Жизненное пространство села отражает значимость социокультурных причинно-следственных связей, дифференциации групп населения, неодинаково вовлеченных в хозяйственную среду. Между акторами, находящимися в таких укладах, как фермерство, коллективно-долевой сектор или семейное хозяйство, существуют большие различия как в материальном обеспечении, так и в образе жизни.

Для объектов конкретного социологического изучения, обладающих протяженностью, важным представляется положение П. Сорокина о том, что социальное пространство нельзя идентифицировать с пространством физическим или геометрическим. Оно представляет собой совокупность социальных отношений и связей между индивидами и группами, причем его координаты задаются этими группами. На наш взгляд, социальное пространство в определенной степени признает некоторые измерения физического пространства, в частности, включает вертикальные и горизонтальные связи, которые имеют реальное проявление в мобильности индивидов, соотношении связей соподчиненности и кооперации между различными общностями.

Качество освоенности пространства и связанной с этим проявлением социальности анализировал Кастельс, идентифицируя социальное пространство и общество [1].

П. Бурдье обращал внимание на свойства объектов быть ближе и теснее связанными между собой или, напротив, терять это свойство при их удалении друг от друга, подчеркивая этим «географичность» пространства [2, 192]. Поля, или подпространства, выделяются им как основные единицы социального пространства с учетом неравного распределения отдельных видов капитала. В осмыслении феномена жизненного пространства важным является понятие протяженности, соединяющее качества территориальности и социальности пространства.

Социальное пространство включает и аспект справедливости, которая в социологии рассматривается через призму доступности социальных благ и ценностей, относительной сбалансированности групп социальной структуры по уровню благополучия, возможностям использования свобод и власти. В понимании Дж. Ролза справедливость несовместима с тем, чтобы «лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство» [3, 24]. М. Уолзер полагал, что оценка действий акторов в пространстве зависит от социокультурного, религиозного и других контекстов, в том числе сконструированных в интересах групп влияния в тот или иной исторический период.

Идея достижения полного равенства в доступности благ и ценностей для всех членов социума многократно возникала в истории человеческой мысли. Попытки ее реализовать предпринимались на начальном этапе политики пролетарского государства в СССР (коммуны в сельской местности, унифицированные системы проектирования и строительства жилых помещений в городах). Преодоление неравенства в обществе, унифицирование в основных сферах жизнедеятельности людей как практическая задача была невозможной по ряду причин: во-первых, она разрушается за счет разных способностей индивидов осваивать жизненное пространство с его благами, несмотря на самые жесткие меры ограничения этого государственной властью; во-вторых, допущением определенной степени оппортунизма и самой властью (так, в самые строгие годы сталинизма для особо ценных специалистов, ученых и деятелей культуры и искусства вводились повышенные стандарты их обеспечения продуктами питания, квартирами, заработной платой); в-третьих, в силу протяженности и различия природных условий в одних местах блага доставались человеку легче и проще, чем в других местах.

Жизненное пространство села Республики Татарстан (РТ) представляет собой совокупность различных сторон деятельности сельских жителей, органов государственного, муниципального управления и определяется эффективностью работы социальных институтов. Удовлетворение базовых потребностей населения — в безопасности и экономической стабильности — определяет уровень социального благополучия села. Результаты комплекса социологических исследований и статистические данные позволяют выделить актуальные для сельчан республики неразрешенные социальные вопросы. В зоне риска устойчивости жизненного пространства села РТ находятся в первую очередь следующие социальные блоки.

Трудовая занятость является одной из острейших социально-экономических проблем села. По оценке экспертов проекта «Татарстан-2030», «ситуация на рынке труда Татарстана более благоприятна по сравнению со средней по стране. Республика выделяется высоким уровнем занятости, особенно сельского населения, более молодой возрастной структурой работающего населения, а также низким уровнем безработицы, хотя волатильность этого показателя в кризисные периоды высока» [4].

По данным Министерства экономики РТ [5], уровень безработицы на 01.07.2014 г. в среднем по республике составил 0,78 %: в Высокогорском

муниципальном районе — 0,67 %, Дрожжановском — 0,62 %, Кукморском — 0,76 %, Пестречинском — 0,46 %. Социальные замеры показателей, отражающие некоторые аспекты уровня жизни сельского населения, были проведены Центром семьи и демографии Академии наук (АН) РТ в 2012–2014 гг. в ходе этносоциологической экспедиции в Пестречинский, Кукморский, Дрожжановский и Высокогорский муниципальные районы. В исследовании единицей анализа выступало домохозяйство, выборочная совокупность — 3898 домохозяйств. Анализ осуществлялся на основании опроса одного из членов домохозяйства. Отбор респондентов от 18 лет производился на основе квотной выборки. Ее пропорции (пол, возраст, тип поселения) соответствуют основным социально-демографическим показателям населения. Результаты социологического исследования Центра семьи и демографии АН РТ «Социальный капитал села» показали, что негативное явление безработицы в указанных четырех районах затрагивает 4 % населения (рис. 1).

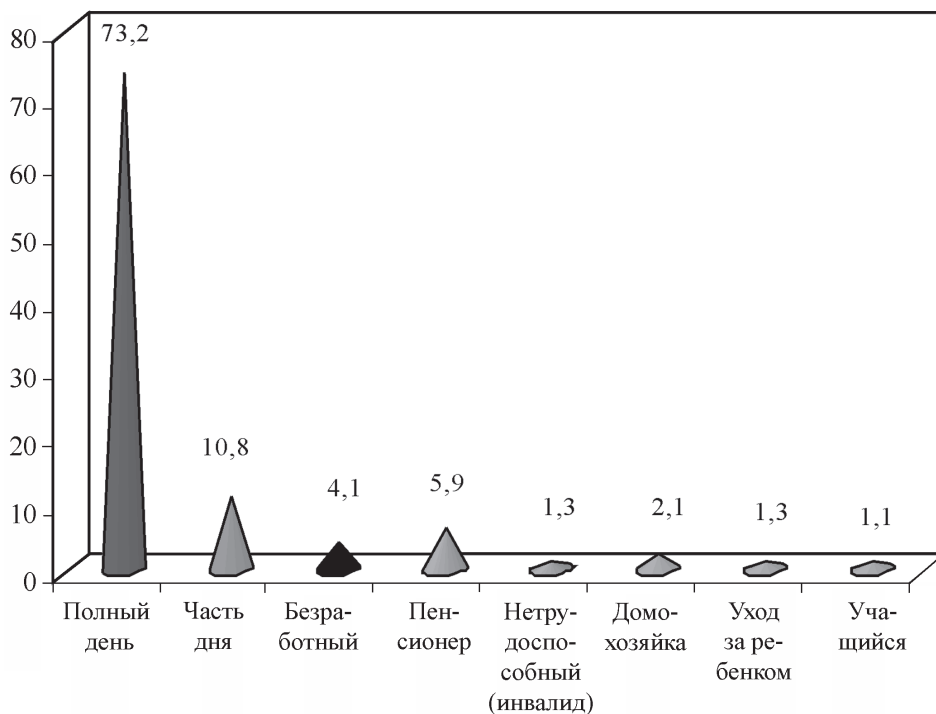

Рис. 1. Вовлеченность сельчан Республики Татарстан в трудовую занятость, %

Безработица как социально-экономическое явление возглавляет иерархию социально значимых проблем сельчан, об этом свидетельствуют ответы 33,4 % опрошенных жителей села РТ (стоит отметить, что среди городских респондентов РТ такого мнения придерживается 34,4 %, но для горожан данная проблема не является первоначальной). Данные показатели были выявлены по итогам

социологического исследования «Изучение общественного мнения по оценке населением социально-экономического положения Республики Татарстан» (массовый опрос проведен ГБУ «ЦЭСИ» в 2013 г. для формирования Реестра публичных приоритетов на 2014 г. в соответствии с постановлением Кабинета министров РТ от 19.03.2007 № 90 «О порядке организации учета общественного мнения при принятии и реализации органами исполнительной власти РТ и органами местного самоуправления нормативных актов РТ и муниципальных правовых актов», выборка исследования — 1800 респондентов) [6].

Вопросы трудовой занятости решаются сельчанами по-разному, в зависимости от исходных локальных возможностей, запросов, амбиций профессионального и материального характера индивидов. Результаты опроса Центра семьи и демографии АН РТ выявили, что 3/4 опрошенных сельчан имеют возможность и работают в селе своего проживания; 9,1 % работают в другом селе; 11,5 % — в райцентре. Маятниковая миграция в город с целью заработка вовлекает 11 % сельчан, причем это характерно только для Высокогорского района, прилегающего к Казани; 2,8 % жителей села, практикующих вахтовый метод заработка, — выходцы из Дрожжановского (6,4 % от всех опрошенных жителей данного района) и 3,4 % — из Кукморского района (в 2 раза меньше).

Анализ самоидентификации сельских жителей с одной из предложенных групп по показателю дохода, проведенный Центром семьи и демографии АН РТ, показал, что 71,5 % сельчан относят себя к группе со средним достатком, 14 % — к группе с достатком ниже среднего, 2 % считают себя бедными; обнаружена и группа сельских жителей, отождествляющих себя с группой выше средней обеспеченности, — 3,7 % опрошенных.

Эксперты ЦЭСИ РТ полагают, что причину невысокого уровня доходов большинства граждан респонденты видят главным образом в несправедливом распределении доходов (45,2 %) и неразвитом производстве (32,5 %). В территориальном разрезе данные выглядят несколько иначе. Так, городское население считает причиной невысокого уровня доходов в первую очередь несправедливое распределение доходов; во-вторых, алчность работодателей; в-третьих, неразвитое производство, низкую производительность труда и т. д. Сельское население указывает прежде всего на неразвитое производство, затем — на несправедливое распределение доходов, низкую производительность труда и проч. [Там же].

Высокие цены и тарифы — вторая по значимости социальная проблема, волнующая сельчан. В структуре расходов сельских жителей большую долю занимают коммунальные платежи и другие неизбежные финансовые расходы, связанные с поддержанием своего домохозяйства, здоровья и образованием детей (табл. 1).

Отличительным от сельских территорий других областей и регионов РФ стала положительная в сравнении с городским пространством ситуация с *наркоманией и алкоголизмом*. По данным ЦЭСИ РТ, обеспокоены девиантными формами жизни односельчан 20,7 % жителей, в то время как в городе обеспокоенность этой социально-медицинской болезнью в два раза выше — 38 %.

Таблица 1

Структура расходов сельских жителей

Наименование статьи расходов	Доля расходов, %
Коммунальные платежи	68,4
Телефон и Интернет	61,7
Питание	58,1
Покупка одежды, обуви	48,4
Налог на недвижимость (дом)	46,9
Налог на транспортные средства	40,2
Медобслуживание, покупка лекарств	38,6
Учеба, воспитание детей в детском саду	27,1
Различные услуги (транспорт, ремонт)	25,9
Возврат постоянных долгов	13,6
Другие расходы	11
Плата за оказание услуг коллективному хозяйству	8,8
Финансовая помощь сельской администрации (сборы)	8

Национальные проекты «Образование», «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса» и другие направлены на модернизацию жизненного пространства населения. Устойчивый восходящий характер по Республике Татарстан имеет динамика показателей реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в рамках государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (табл. 2, 3).

Таблица 2

Введение в действие жилья по Республике Татарстан для граждан, проживающих в сельской местности [7, 8]

Введено жилья, тыс. кв. м.	2013		2012		2011	2010
	Планово	Фактически	Справочно	Планово	Справочно	
Всего	57,900	46,100 (на октябрь)	55,000 (январь – сентябрь)	52,000	31,580 (январь – сентябрь)	25,000 (январь – март)
В том числе для молодых семей и молодых специалистов	51,000	40,800 (на октябрь)	39,960	38,460	24,350 (январь – сентябрь)	21,000 (январь – март)

Таблица 3

Финансирование мероприятий по повышению уровня развития социальной инфраструктуры и инженерного обустройства сельских поселений

Сумма средств, руб.	2013		2012			2011	2010
	Планово	Фактически	Справочно	Фактически	Планово	Справочно	
Из федерального бюджета	296 508,000	283 908,000 (на октябрь)	217 145,000 (январь – сентябрь)	91 362,500 (на апрель)	217 145,000	86 728,500 (январь – март) 227 757,000 (январь – сентябрь)	100 738,500 (январь – март)
Из бюджета РТ	575 599,000	575 599,000 (на октябрь)	421 517,000 (январь – сентябрь)	354 702,000 (на апрель)	421 517,000	301 913,000 (январь – сентябрь)	421 517,000 (январь – март)

По данным опроса Центра семьи и демографии, половина сельчан РТ (55,4 %) не воспользовалась ни одной из национальных программ. В трех исследованных муниципальных районах доля принявших участие лично в одном из проектов не превышает 9 % в каждом, однако в Высокогорском муниципальном районе она достигает 14,2 %. Такое положение дел мы связываем с прилеганием границы района к Казани, влекущее за собой более активную позицию граждан в отношении предоставляемых государством возможностей. В то же время анализ ответов на вопрос, кого из окружения респондента коснулись национальные проекты, показал, что в Высокогорском районе существенно меньше доля опрошенных, указавших, что национальные проекты затронули район в целом. Так, в Кукморском, Пестречинском и Дрожжановском районах от 3,5 до 4,4 % сельчан отметили, что национальные проекты затронули село, в Высокогорском районе этот показатель равен 1,9 %. Анализ институционального и человеческого потенциала модернизации жизненного пространства сельской территории Республики Татарстан, представленный автором статьи в других публикациях, выявил, что локальная особенность Высокогорского муниципального района заключается в его социально-экономических достижениях на микроуровне, но более слабых позициях на мезоуровне.

Формы государственной поддержки российского масштаба в разной степени востребованы сельскими территориями РФ. По итогам всероссийского конкурса «Самое благоустроенное городское (сельское) поселение России» за 2013 г., организованного Министерством регионального развития РФ, четыре населенных пункта Татарстана стали победителями. В конкурсе с призовым фондом 95 млн руб. приняли участие 176 муниципальных образований РФ в шести категориях (три – по городам с различной численностью населения, три – по сельским поселениям). Из сельских населенных пунктов РТ 1-е место в IV категории (сельские поселения с числом жителей от 5 тыс. и более) занял поселок городского типа Актюбинский Азнакаевского района, в V (от 3 до 5 тыс.

человек) — Красногорское сельское поселение Мамадышского района; Новоимянское сельское поселение Сармановского района получило «бронзу» в VI категории (поселение до 3 тыс. жителей).

Массовый опрос Центра семьи и демографии АН РТ позволил узнать, в какой мере сельчане удовлетворены жизнью в месте своего проживания (рис. 2). Были получены положительные оценки жителей села Татарстана: 89,2 % в разной мере удовлетворены сельским социумом как пространством своей жизнедеятельности, лишь небольшая доля (10,8 %) испытывает дискомфорт от жизни на селе.

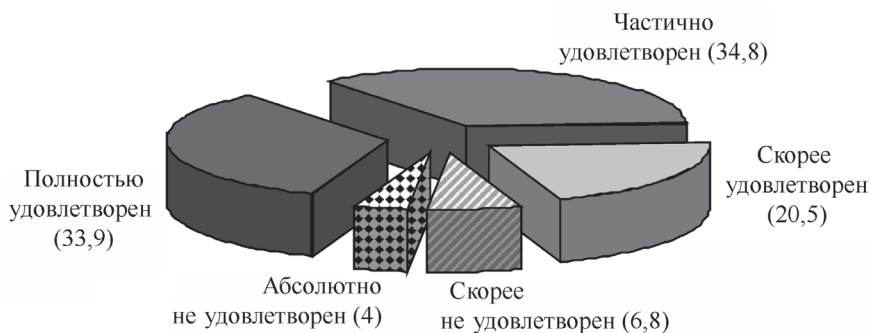

Рис. 2. Удовлетворенность респондентов жизнью на селе в Республике Татарстан, %

Завершая обзор некоторых социальных проблем жизненного пространства села, основанного на результатах социологических исследований (проведенных в том числе при участии автора), статистических данных (отражающих не только реальную, сколько желаемую картину — ориентир, которого республика стремится достичь), смеем утверждать, что развитие сельской территории Республики Татарстан связано с улучшением имеющихся возможностей жизнедеятельности населения, а не с вопросами борьбы за фактическое существование отдельной деревни, села, поселка, что актуально для большей части сельской России.

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М., 2000.

2. *Бурдьё П.* Начала. *Choses dites* = Pierre Bourdieu. *Choses dites* / пер. с фр. Н. А. Шматко. Р.: Minuit, 1987. М., 1994.

3. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. и науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск, 1995.

4. Промежуточный отчет о научно-исследовательской работе по теме «Разработка стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан на период до 2030 года». СПб., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarstan2030.ru/UserFiles/Files/krot.pdf> (дата обращения: 15.08.2014).

5. Рейтинг муниципальных образований Республики Татарстан за январь — июнь 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/info.php?id=599718> (дата обращения 15.08.2014).

6. Результаты социологического исследования «Изучение общественного мнения по оценке населением социально-экономического положения Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <http://cesi.tatarstan.ru/rus/social.htm> (дата обращения: 15.08.2014).

7. О параметрах реализации приоритетных национальных проектов и мероприятий по улучшению демографической ситуации в Республике Татарстан. Янв.–сент. 2013 г. // Бюл. Комитета РТ по социально-экономическому мониторингу. Казань, 2013. 31 с.

8. О параметрах реализации приоритетных национальных проектов и мероприятий по улучшению демографической ситуации в Республике Татарстан. Янв.–март 2012 г. // Бюл. Комитета РТ по социально-экономическому мониторингу. Казань, 2012. 33 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.tatarstan.ru/rus/info.php?id=101161> (дата обращения: 15.08.2014).

Рукопись поступила в редакцию 28 апреля 2015 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.7 + 328 + 329.1/6

А. С. Чесноков

ПАРАДОКСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В статье анализируются особенности развития процессов демократизации в современном мире. На многочисленных примерах взаимной конвергенции демократических и авторитарных способов правления в современной глобальной политике автор показывает, что политическая теория демократии нуждается в существенной терминологической и методологической коррекции в целях сохранения своего эвристического потенциала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая теория, демократия, демократизация, авторитаризм, либерализм.

В современную эпоху политическая нестабильность уже вошла в разряд обычных элементов повседневности. В новостных лентах регулярно появляются сообщения о массовых беспорядках, переворотах, политических кризисах, активизации сепаратистов и террористов, происходящих буквально по всему миру, не исключая и те страны Старого и Нового Света, которые еще недавно казались столпами мировой стабильности и безопасности.

В соответствии с законами диалектики формирование нового глобального миропорядка на обломках Ялтинско-Постдамской системы не может происходить иначе как через горнило изменений, в том числе и насильственных, всех доставшихся нам от недавнего прошлого политических и экономических институтов. Двигателем же масштабных сдвигов глобальной политической архитектоники, несомненно, является демократизация.

И хотя на тему современных демократических транзитов написано значительное количество трудов, а имена Ф. Шмиттера, Х. Линца, А. Пшеворского и Ф. Закарии у всех на слуху, вопросов сегодня все же больше, чем ответов. Именно поэтому насущной и очевидной становится необходимость осмысления того, что на первый взгляд кажется парадоксами демократизации. Речь идет о попытке еще раз ответить на вопрос о том, почему заведомо недемократические инструменты, механизмы и институты часто служат причиной сохранения того неустойчивого политического равновесия, каковым является демократия по своей природе.

Отвечая на этот вопрос, следует начать с тезиса философского порядка, заключающегося в том, что человеческое сообщество любого исторического периода времени, в том числе и современного, воспринимает эпоху, в которой живет, с определенной степенью эсхатологичности, проистекающей из неизменного желания людей достигнуть значительных перемен к лучшему уже в течение жизни своего поколения. В восприятии времени, в котором мы живем, как важнейшей вехи в истории всего человечества кроется желание придать всем социально-политическим и экономическим процессам, происходящим «здесь и сейчас», статус беспрецедентных по масштабам, уникальных по характеристикам и важнейших по исторической значимости. Всеми этими свойствами в современном общественном мнении были наделены такие явления и процессы, как «бархатные», а затем «цветные» революции, глобальная экономическая взаимозависимость и политическая демократизация.

О том, что человек склонен завышать значимость современных ему событий и процессов относительно событий как прошлого, так и предполагаемого будущего, вкупе с «ускорением» истории и своего рода «театральностью» окружающей нас реальности информационной эпохи, порожденных достижениями научно-технического прогресса, много писали М. Маклюэн, М. Кастельс и многие другие исследователи современности.

Гипертрофирование в общественном сознании значимости и исключительности именно современных пространства и времени влечет за собой завышенные ожидания людей относительно периода достижения различными акторами, действующими в социально-экономическом и политическом пространстве, каких-либо целей.

В практическом отношении вышеописанная фундаментальная мировоззренческая позиция правящих кругов в любом государстве или международной организации проявляется в том, что актуальная политическая повестка формируется ими из вопросов, решать которые планируется в самом ближайшем будущем, а точнее — в течение жизни текущего поколения. Стремление большинства политических лидеров обозначать обозримые временные рамки достижения ставящихся целей, нередко впечатляющих своими масштабами, неотъемлемо связано с предположением об исключительно высоком темпе жизни современного человека, который не готов ждать многие десятилетия достижения значимых для него целей, среди которых и завершение процесса демократизации в мировых масштабах.

Например, в Декларации тысячелетия ООН [4] поставлены вполне конкретные сроки получения заведомо труднодостижимых результатов в борьбе с бедностью и голодом, а в стратегии «Европа 2020»¹ Евросоюз ставит перед собой задачи построения в течение всего нескольких лет «цифрового общества», резкого увлечения занятости, а также модернизации и повышения эффективности энергетического сектора, что в условиях современной экономической ситуации на Европейском континенте представляется несколько нереалистичным.

---

¹ Подробная информация о стратегии размещена на сайте Еврокомиссии: URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm (дата обращения: 14.03.2015).

Аналогичные планы, стратегии и декларации существуют в той или иной форме во всех странах мира вне зависимости от политического режима. Однако общим для всех них является масштабность целеполагания при полном отсутствии понимания (либо намеренном игнорировании) того, что найти оптимальные способы реагирования государства и общества на весь спектр вызовов и угроз, связанных с бедностью, голодом, болезнями, безработицей, трансграничными миграциями, терроризмом, наркотрафиком и т. д., к конкретному сроку невозможно в принципе.

То же относится и к демократизации. Предвыборные обещания демократических реформаторов и лозунги лидеров «революционных площадей» всегда сопряжены с требованием немедленной смены правящих элит, при этом обычно активно эксплуатируется тезис «сейчас или никогда».

Дальнейшее, как правило, предсказуемо: когда все обещанные сроки построения демократического государства пройдены, а поставленные цели все еще не достигнуты, под ударом общественной критики оказывается не только функционирование конкретных институтов демократического режима, но и сам принцип демократии как таковой. Этим отчасти объясняется феномен низкой явки на выборы в демократических государствах, прежде всего в Европе. Так, например, на первых выборах в Европарламент в 1979 г. явка составила 62 %, затем от выборов к выборам она падала и в 2012 г. сократилась до 43 % в среднем по ЕС, а в ряде стран (например, в Чехии, Литве, Польше, Словакии и Румынии) не достигла и 30 %.

Подчас единственной опорой демократического режима на фоне невозможности для большинства людей оказать влияние на распределение сил внутри системы демократических институтов может оставаться лишь их вера в эффективность демократического режима как такового [8, 54–55].

Нужно ли говорить, что следом за разочарованием в идеалах демократии в странах с устойчивым демократическим режимом неизбежно следуют, говоря словами Ф. Закарии, упадок «либерального конституционализма» и сползание к нелиберальной демократии, а в странах, где демократические традиции не имеют прочного исторического фундамента, — трансформация демократического режима в те или иные формы авторитаризма².

Еще одним важным методологическим ориентиром для понимания особенных характеристик современной демократии является тезис о том, что политическая история, в противовес известной позиции Ф. Фукуямы, не представляет собой поступательного и прогрессивного движения всех стран и народов мира к повсеместному установлению демократического режима, который характеризуется неким набором «копенгагенских критериев», применимых в глобальных масштабах.

История показывает, что различные демократические институты и процедуры, разумеется, со своими религиозными и национальными особенностями, определявшими их уникальность и неповторимость, всегда являлись неотъемлемой составляющей развития любого общества в любом регионе мира. В этом смысле

---

² Подробнее см.: [6].

и либеральная, и социалистическая, и исламская, и суверенная демократии по существу представляют собой отражения различных граней одного и того же принципа самоуправления и самоорганизации человеческого общества. Более того, стремление западных транзитологов теоретически обосновывать демократизацию как процесс перехода от различных форм авторитаризма и тоталитаризма исключительно к либеральной демократии в реальности столкнулось с тем, что такие транзиты отнюдь не являются общим правилом.

Восстановление монархии в Камбодже в 1993 г.³, победа на выборах в Конституционную ассамблею Непала в 2008 г. маоистов и коммунистов, поддержка населением Венесуэлы У. Чавеса и его преемника Н. Мадуро, возвращение на президентский пост в 2006 г. Д. Ортеги в Никарагуа, результаты выборов президента в 2012 г. в Египте, победы кандидатов от движения «Хамас» в Палестинский национальный совет в 2006 г. и от Партии возрождения на парламентские выборах в Тунисе в 2011 г., а также многие другие несомненно демократические выборы свидетельствуют о демократическом транзите, поскольку в их результате к власти пришли долгое время находившиеся в оппозиции к правившим режимам политические силы. Тем не менее довольно редко эти силы провозглашают своей идеологией либеральную демократию, а иногда их правление отличается явно авторитарными чертами. Анализируя данный феномен, Ф. Закария назвал его «нелиберальной демократией» [15], т. е. демократией формально-конституционной и процессуальной, но лишенной своего главного компонента — либеральных ценностей свободы и ответственности. Вдобавок к этому в политической науке появились и иные определения, применимые к такого рода ситуациям: «либеральная автократия», «мягкий авторитаризм», «имитационная демократия», «демократура», которые, по сути, ничего не объясняют, поскольку изначально наполнены негативным отношением к обозначаемому ими феномену.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что сами по себе термины «демократия» и «авторитаризм», равно как и парадигма их противопоставления, были введены в оборот и наполнены соответствующим смыслом во второй половине XX в. в рамках американской политической науки, тесно переплетенной с американской же политической мыслью, историей, актуальной политикой и идеологией. Очевидно, что именно американская политическая наука сформировала методологический и категориальный аппарат всей мировой политической науки, ставшей сегодня, пользуясь терминологией Дж. Ная, одной из слагаемых «мягкой силы» Америки.

Вместе с тем, как было отмечено в начале статьи, динамичность мирового политического ландшафта в эпоху турбулентности не может не внести свои коррективы, в том числе в академическую науку. Динамика глобальных экономических трансформаций позволяет предположить постепенное вызревание нового (в противовес существовавшему в годы холодной войны идеологическому противостоянию СССР и США) понятийно-терминологического противостояния,

---

³ Многие из оставшихся в мире монархий, несмотря на успешную демократизацию внутренней жизни, не расстаются с этим статусом. Прежде всего это Япония и Таиланд, а также государства Содружества, главой которых формально продолжает оставаться Елизавета II. Для Камбоджи же реставрация монархии вообще стала единственной возможностью обретения национального консенсуса.

которое теперь намечается между США и Китаем. По общему мнению, именно КНР сегодня претендует на роль глобальной сверхдержавы, не только нарастившей за последние десятилетия колоссальный экономический потенциал⁴, но и постепенно конвертирующей его в «мягкую силу» [1].

Можно предположить, что на этот раз в политической науке в оборот будут вводиться категории, не связанные с древнегреческой демократией ни в этимологическом, ни в смысловом понимании, поскольку будут происходить из совершенно иной ценностной матрицы. Первыми публичными индикаторами движения в этом направлении стали «решения XVII съезда Компартии Китая, которыми была официально закреплена концепция «гармоничного мира» [7]. Предлагаемая и продвигаемая Китаем концепция «гармонии» в обществе, политике и дипломатии [2, 170–179] призвана, не отрицая универсальности прав человека, электоральных традиций, да и самой демократии как таковой, поместить их в отличную от западной систему культурных координат. В КНР на государственном уровне получила поддержку идея того, что конфуцианские ценности могут и должны быть положены в основу глобальных мира и стабильности [12, 32]. Не вызывает сомнений утверждение, что концепция прав человека «с XVIII в. в связи с Американской и Французской революциями постепенно формулировалась в западном контексте, но во многих культурах эволюция подобия прав человеческих существ имеет гораздо более длительные традиции» [3, 136].

Столь же справедливо было бы утверждать, что такие неразрывно связанные с демократией идеи, как идеи свободы и верховенства права, а также электоральные процедуры как способ легитимации власти вообще возникли в истории человечества задолго до институционализации Французской и Американской республик. Именно поэтому, в сущности, нет никакого противоречия в том, что в современном мире достаточно распространена тенденция выступления в защиту демократических ценностей со стороны заведомо недемократических по своей природе сил (например, армии), в Латинской Америке, Таиланде, Турции или Египте, или же существования демократических институтов (чаще всего выборов, а также многопартийности) даже в тех странах, которые с западной точки зрения характеризуются высокой степенью закрытости и авторитарности: от КНДР и Зимбабве до Ирана и Пакистана.

Впрочем, и в либеральных демократиях выборы необязательно сопряжены с прямым всенародным волеизъявлением и зачастую могут являться двух- и более ступенчатыми системами, в той или иной степени отдаляющими политиков от избирателей. Косвенные электоральные механизмы, к каковым относится и процедура определения выборщиков президента в США, нередки в современном

---

⁴ Данные Всемирного банка (World Bank. 2013. The Little Data Book 2013. Washington, DC : World Bank [Electronic resource]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/13205> (accessed: 14.03.2015)) и Международного валютного фонда (World Economic Outlook. October 2013. Transitions and Tensions. Washington, DC : International Monetary Fund [Electronic resource]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/02/> (accessed: 14.03.2015)) показывают, что экономика КНР не только почти догнала первую — американскую — в абсолютных показателях ВВП, но и продолжает демонстрировать одни из самых высоких в мире показателей его прироста.

мире в самых разных государствах, например, там, где одна из палат парламента или президент избираются не напрямую.

Глобальный консенсус государств относительно ключевой для демократии ценности прав человека, зафиксированных во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., а также их конкретизации в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом Объединенными Нациями в 1966 г.⁵, свидетельствует о том, что социально-политические и религиозно-культурные различия между людьми не являются препятствием для существования общих норм и ценностей демократии. Вместе с тем оговорки, сделанные странами при ратификации, например пакта⁶, очевидным образом показывают, что способы реализации и обеспечения зафиксированных в этом документе прав могут быть исключительно своеобразными.

Понятие «демократия» обычно воспринимается как обобщенный политической наукой образ или идеал, определяемый, как правило, через не менее абстрактные понятия гражданского общества, прав человека и правового государства. Различными исследователями, прежде всего в рамках сравнительной политологии, предпринимались неоднократные попытки уйти от описания демократических ценностей вообще к пониманию конкретных форм существования демократии. С этой целью в научный оборот во второй половине XX в. был введен ряд специальных терминов: «полития», «полиархия», «стратархия», каждому из которых сопутствует соответствующая концептуально-теоретическая проработка: «со-общественная демократия», «делиберативная демократия», «вертикальная демократия» и т. д.⁷

В связи с переводом исследований демократии в практическую плоскость были разработаны и различные методики определения степени демократичности тех или иных стран мира⁸. Вместе с тем ежегодно публикуемые, например, такими организациями, как Freedom House [13] и The Economist Intelligence Unit [14], сводные статистические индексы состояния демократии почти всегда становятся объектом критики со стороны официальных властей разных стран, поскольку эвристическая ценность такого ранжирования не очевидна с академической точки зрения, а расположение стран в этих рейтингах вызывает подозрения в политической ангажированности исследователей.

---

⁵ По состоянию на март 2015 г. участниками Международного пакта о гражданских и политических правах являются 168 государств мира.

⁶ Данные по содержанию оговорок и заявлений, сделанных различными странами при подписании/ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах, см. на официальном сайте Собрания договоров ООН: URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&lang=en (дата обращения: 14.03.2015).

⁷ К классическим трудам в этой области относятся, например, следующие: *Dahl R. A., Lindblom C. E. Politics, Economics, and Welfare*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1953; *Lijphart A. Democracy in Plural Societies*. New Haven — L. Yale University Press, 1977; *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt a/M, 1981; *Sartori G. The Theory of Democracy Revised*. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N. J., 1987.

⁸ Достаточно подробная информация о таких проектах содержится в кн.: (Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина и др. М., 2008).

Если сравнить эти политические рейтинги с социально-экономическими статистическими данными, публикуемыми, например, Программой развития ООН в своем ежегодном докладе [5], то можно обнаружить, что по ряду важных показателей общественного развития и экономического благосостояния «свободные» и демократичные страны находятся на одном уровне или даже уступают «несвободным» и авторитарным.

Это касается, например, гендерной политической эмансипации, которую можно измерить по пропорциональной доле женщин в общем числе депутатов национального парламента. Как показывают данные статистики, в среднем по Европе этот показатель варьируется в пределах от 20 до 40 %, но при этом аналогичного порядка показатели демонстрируют и страны Латинской Америки и даже целый ряд исламских и африканских государств.

Кроме того, в упомянутом докладе Программы развития ООН за 2013 г. приводятся данные по таким имеющим существенное отношение к состоянию демократии показателям, как доверие к местной общине и правительству, а также восприятие личной безопасности, суммарно вычисленным за 2007–2011 гг. Показатели по этим индикаторам позволяют увидеть весьма интересные детали. Например, то, что удовлетворенность местной общиной демонстрируют в среднем 83 % жителей стран Южной Азии, в то время как те же чувства разделяют только 76 % европейцев и лишь около 66 % жителей арабских и африканских государств. Уровень доверия к правительству в Южной Азии и в странах к югу от Сахары составляет в среднем около 53–56 %, однако в государствах Европы и Центральной Азии он существенно ниже и не превышает 44 %. Фактически то же касается и восприятия безопасности: 63–67 % жителей арабских и южноазиатских стран не испытывают страха за свою жизнь, то же самое могут сказать лишь 53–55 % жителей европейских и африканских государств.

Поскольку такие данные свидетельствуют об отсутствии прямой корреляции между демократическим режимом, с одной стороны, и благосостоянием населения, устойчивостью социальных связей и уровнем удовлетворенности граждан своей жизнью, с другой стороны, приходится признать⁹, что формирование и развитие конкурентоспособных экономических и устойчивых общественных систем (например, в Сингапуре, Южной Корее, Тайване и целом ряде других стран Азии, а также в Латинской Америке в 1970–1980-е гг.) возможно и в весьма далеких от демократических политических условиях.

Но еще более важно то, что в поле политического анализа проблем демократизации в дополнение к давно ставшим традиционными категориям «консенсуса, основанного на рациональности» и «процесса, оформленного институтами и правилами» [8, 30] стали включаться такие категории, как «доверие» [9, 40] и «ответственность» [6, 260–263], которыми измеряется прочность социального капитала, что, в свою очередь, позволяет существенно расширить рамки дискуссии о демократизации за искусственные пределы идеологических границ дихотомии

⁹ Например, Ф. Закария, полагая, что «при всех своих недостатках демократия представляет собой последнюю надежду человечества», не мог не признать, что «либеральные авторитарные режимы более успешны, чем демократические в странах третьего мира» [6, 278–279, 285].

«демократия — авторитаризм». Использование такого инструментария позволяет приблизиться к пониманию культурной обусловленности форм демократии и процессов демократизации, а также значения неформальных институтов в политическом процессе.

Подытоживая рассмотрение многочисленных и весьма разносторонних фактов, очевидным образом свидетельствующих о турбулентности всего современного мирового политического процесса и его составляющей — демократизации, следует выделить три основных парадокса, характерных для современного этапа эволюции демократии.

Во-первых, демократизация проникнута духом эсхатологичности, что сообщает современному политическому процессу в условиях демократического режима иллюзию высокой скорости и исключительной значимости происходящего «здесь и сейчас», а также сильно «сжимает» горизонты целеполагания. При этом исключительная важность придается императиву скорейшего распространения демократии в глобальных масштабах, что выражается, например, через метафору «конца истории».

Во-вторых, в западных странах недостаточность публичных проявлений демократичности политического процесса в его западном понимании (например, периодическое проведение выборов, наличие системной оппозиции, открытое ведение политических дискуссий, многопартийность) компенсируется наличием в этих странах специфических моделей самоуправления, действующих на региональном и муниципальном уровнях, а также существованием там целого ряда неполитических институтов, демократическая атмосфера которых транслируется в политический процесс, хотя зачастую и в скрытой, неявной форме.

В-третьих, демократия, как и любой другой режим, должна иметь и имеет механизмы защиты от своих идеологических противников. Защищаться, бороться за выживание или расширение сферы своего влияния, т. е. так или иначе, в мягкой или жесткой форме, применять к противникам насилие, — это и есть, если следовать логике К. Шмитта, сущность и смысл политического, в том числе и демократического, процесса [11, 35–67]. Именно поэтому у «открытого общества» всегда есть враги, а либерализм даже после «конца истории» вынужден противостоять фундаментализму и национализму.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что демократия немыслима без авторитаризма не столько оттого, что последний является ее антиподом, сколько оттого, что демократизм и авторитарность тесно переплетены и могут быть разделены лишь искусственно — в рамках политической теории. Очень показателен в этой связи пример перехода от диктатуры к демократии в Португалии в 1974 г., с которого С. Хантингтон начинает одну из своих посвященных демократизации книг [10, 13–15].

Иными словами, в действительности демократические и недемократические режимы, формы правления, методы, процессы и институты сосуществуют симбиотически, а это, в свою очередь, означает, что в политической науке, а равно и в международных отношениях, назрела необходимость выработки деидеологизированного понятийного аппарата, объясняющего, а не оценивающего многомерную

и сложную политическую действительность современной турбулентной мировой политики.

1. *Борох О., Ломанов А.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. Июль — авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 14.03.2015).
2. *Бояркина А. В.* Китайские авторы о построении гармоничного и устойчивого мира // Россия и АТР. 2008. № 4.
3. *Грубец М.* Предпосылки межкультурного диалога о правах человека // Век глобализации. 2010. № 1.
4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 14.03.2015).
5. Доклад о человеческом развитии 2013. N. Y. : United Nations Development Programme, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2013> (дата обращения: 14.03.2015).
6. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. *Мамонов М.* Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3(24). Сентябрь — декабрь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm#18> (дата обращения: 14.03.2015).
8. *Пшевровский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
9. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
10. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
11. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1.
12. Embracing humanism is China's right path // China Daily/Africa Weekly. 2015. Vol. 4, № 108. Jan. 30 — Febr. 5.
13. Freedom in the World 2013 Report [Electronic resource]. URL: <http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world> (accessed: 14.03.2015).
14. The Economist Intelligence Unit [Electronic resource]. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12 (accessed: 14.03.2015).
15. *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. Nov.–Dec. № 7.

Рукопись поступила в редакцию 20 марта 2015 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ВЫБОРАХ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА

Статья посвящена изучению политической конкуренции на выборах мэра Екатеринбурга. Автор дает подробный анализ методик измерения электоральной конкуренции. Особое внимание уделено методике Тату Ванханена и формуле Херфиндаля — Хиршмана. На основе анализа большого фактического материала автор приходит к выводу, что уровень конкурентности выборов мэра города достаточно высокий. Показано, что основная причина такой конкуренции — наличие кандидатов от разных групп элит.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбург, А. Чернецкий, политическая конкуренция, выборы, региональные власти, городская элита.

Многие исследователи отмечают низкий уровень конкуренции на федеральных и региональных выборах. Эксперты говорят, что реальной конкуренции в России практически нет: выборы превратились в некий формальный акт одобрения населением действующей власти, в своего рода референдум о доверии, направленный на повышение легитимности существующего политического режима. В отличие от федеральных и/или региональных выборов на муниципальном уровне, по мнению политологов, политическая конкуренция сохраняется [4, 7].

Целью нашей работы является изучение степени конкурентности на муниципальных выборах. Для исследования мы рассмотрим прямые выборы мэра города Екатеринбурга. Для оценки уровня конкуренции на выборах необходимо определиться с адекватными данной задаче измеримыми показателями. Существует множество определений электоральной конкуренции и методик ее измерения [11, 12]. Наиболее распространенной является методика количественных оценок. Выраженный в математической формуле критерий, как нам представляется, обеспечивает большую степень объективности, чем опрос экспертов.

Для определения уровня конкурентности выборов мы воспользуемся методикой Тату Ванханена. Финский политолог определял степень конкурентности по доле голосов, полученных оппозиционными кандидатами или партиями на парламентских и/или президентских выборах. По его мнению, выборы считаются неконкурентными, если проигравшие кандидаты или партии набрали в сумме менее 30 % голосов избирателей [3]. Количественный анализ дал следующие результаты: все прямые выборы мэра уральской столицы, за исключением первых (21,46 %), были конкурентными (36,83, 56,45, 43,02 и 64,16 %).

С точки зрения российских экспертов, с которыми мы согласны, данный способ определения степени конкурентности выборов далек от совершенства [1]. Поэтому используем формулу Херфиндаля — Хиршмана (ННІ):

$$\text{ННІ} = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2,$$

где S_i — результат кандидата на выборах, %; n — количество кандидатов.

Итоговый рейтинг конкурентности может быть интерпретирован следующим образом:

10 000–7500 — выборы с условной конкуренцией,

7500–5000 — выборы с низкой конкуренцией,

5000–2500 — выборы со средней конкуренцией,

до 2500 — выборы с высокой конкуренцией.

Результаты политической конкуренции на выборах главы города Екатеринбурга представлены в табл. 1.

Таблица 1

Степень политической конкуренции на выборах главы города Екатеринбурга

Год выборов	НИИ	Степень конкурентности выборов
1995	5286,517	Выборы с низкой конкуренцией
1999	3436,6068	Выборы со средней конкуренцией
2003	2146,1246	Выборы с высокой конкуренцией
2008	3626,1213	Выборы со средней конкуренцией
2013	2442,1301	Выборы с высокой конкуренцией

Как показывают подсчеты, уровень конкурентности выборов мэра уральской столицы выше среднего. С нашей точки зрения, это объясняется полицентрическим характером регионального политического режима, наличием автономной и относительно независимой от региональной власти городской элиты. Это обуславливает желание областных властей изменить статус-кво путем выдвижения на выборах главы Екатеринбурга своих кандидатов. Как нам представляется, можно выделить несколько причин названного выше политического поведения свердловских властей.

Во-первых, политические мотивы. Одним из критериев эффективности глав регионов являются электоральные показатели кандидатов от «партии власти» на федеральных и региональных выборах. Для того чтобы был высокий процент голосов за нужных кандидатов, губернатор должен контролировать местный уровень власти. Для победы на выборах необходимо консолидировать весь административный ресурс региона в единое целое. Это невозможно сделать, если не задействовать местные администрации. Следовательно, региональной администрации нужны лояльные мэры.

Во-вторых, экономические мотивы. Региональные элиты заинтересованы в лишении городов имущества, «захвате» и приватизации городского имущества, выводе имущества с муниципального уровня на региональный с последующей приватизацией/передачей под контроль лояльным финансово-промышленным группам. Это невозможно сделать без лояльного мэра.

В-третьих, амбиции региональных элит. Наличие автономной и относительно независимой от региональной власти городской элиты может являться для некоторых региональных руководителей вызовом.

Наконец, стереотипы мышления региональных лидеров, многие из которых выросли в номенклатурной среде советского времени. Управляемость понимается ими прежде всего как администрирование, иерархизация управленческих звеньев.

Таким образом, политическими приоритетами региональной власти выступают:

- приближение государственной власти к муниципальным образованиям;
- доведение вертикали исполнительной власти до местного самоуправления и превращение местного самоуправления в нижнее звено «вертикали власти»;
- встраивание мэров административных центров в вертикаль исполнительной власти.

На федеральном уровне такие интересы региональных властей объясняются объективным запросом на расширение возможностей влиять на социально-экономическую политику в городах, так как именно губернаторы несут ответственность перед федеральной властью за выполнение указов главы государства, а также необходимостью снижения числа предпосылок для политических конфликтов между мэрами и губернаторами [2, 10].

Иными словами, областные власти выступают за муниципальную интеграцию, т. е. включение органов местного самоуправления в общую систему государственного управления.

Официальную позицию региональных властей в плане критики администрации уральской столицы можно обозначить следующими положениями: неэффективность решений, принимаемых органами муниципальной власти; низкий уровень исполнительской дисциплины в структурах местного самоуправления; падение качества управления городских властей.

Такая позиция свердловских властей укладывается в рамки государственной теории местного самоуправления, согласно которой местная власть понимается как форма организации государственного управления на низовом уровне. С точки зрения этой теории полномочия органам местного самоуправления даны государством и имеют источником государственную власть. Передача некоторых задач государственного управления в ведение местных сообществ призвана обеспечить более эффективное решение данных вопросов на низовом уровне [8, 21–22].

Городская власть стремится сохранить независимое от региональной власти положение. Муниципальная власть, являясь разновидностью публичной власти и обладая определенной степенью автономии, имеет зависимый от государственной власти характер, несмотря на конституционную норму об отделении органов местного самоуправления от системы государственных органов. В последние годы возрастает политическое и административное давление на органы местного самоуправления со стороны органов государственной власти (внедрение института сити-менеджеров, «увольнение» губернаторами всенародно избранных мэров, использование возможностей правоохранительной системы и т. п.).

С нашей точки зрения, интересами городской власти являются:

- передача экономических прав, социально-организующих функций, части государственных полномочий (наряду с ресурсами для их исполнения) органам местного самоуправления;

— непосредственное участие представителей муниципальных образований и их объединений в разработке и обсуждении законопроектов, регулирующих вопросы организации территориального управления, бюджетного планирования, разделения сфер компетенции между органами государственной власти и местного самоуправления;

— усиление роли местного самоуправления за счет перераспределения властных полномочий, прав и ресурсов между областным уровнем и городским;

— обеспечение финансовой самостоятельности муниципальных образований;

— сокращение до минимума объема перераспределения финансовых ресурсов в бюджет субъекта РФ;

— закрепление за органами МСУ постоянных источников доходов и повышение роли местных налогов, а также расширение прав муниципальных образований в привлечении заемных средств;

— закрепление за местными бюджетами дополнительных источников доходов;

— отсутствие или минимизация прямого контроля со стороны региональных властей, т. е. невмешательство в процессы формирования и деятельности органов местного самоуправления;

— взаимовыгодное сотрудничество федеральных и областных органов государственной власти с местным самоуправлением в решении приоритетных социальных задач (например, в строительстве метро) [9, 227].

В целом городские власти стремятся сохранить муниципальную автономию, т. е. возможность органов местного самоуправления осуществлять свою деятельность (в пределах закона) независимо от вышестоящих органов управления, совокупность характеристик институционального дизайна и практик взаимодействия муниципальных органов с органами государственной власти, связанных с минимизацией контроля органов областной власти над деятельностью органов местного самоуправления [6, 106].

Позиция городских властей укладывается в рамки теории свободной общины, которая рассматривает государство и местное самоуправление как два параллельных уровня власти, имеющих принципиально различное содержание: местные интересы, с одной стороны, и общенациональные, с другой. В основе теории свободной общины лежит нормативное представление о естественном и неотчуждаемом праве общины заведовать своими делами. Эта теория подчеркивает, что исторически первична именно община, а не государство [8, 21–22].

Как считают российские эксперты, за муниципальными «битвами» просматривается фундаментальное для России противостояние модернизационных центров, с одной стороны, и консервативных периферий и полупериферийных зон, с другой. С точки зрения социальных и экономических преобразований в России региональные центры выполняют посредническую и цивилизаторскую миссию, подтягивая периферию до уровня развития, более или менее соответствующего современности. Это касается не только накопления капитала и привлечения инвестиций. Города выступают центрами инноваций на уровне повседневной жизни, начиная с доступа к информационным технологиям и заканчивая распространением культурных образцов поведения [5, 224].

Таким образом, политические интересы мэров крупных городов институционально противоречат приоритетам губернаторов.

Все вышесказанное обуславливает участие областных властей в выборах главы уральской столицы (табл. 2).

Таблица 2

Прогубернаторские кандидаты на выборах мэра Екатеринбурга

Год выборов	Прогубернаторский кандидат	Должность
1995	А. Баков	Депутат Свердловской областной думы, председатель Комитета по законодательству и местному самоуправлению, заместитель председателя областной думы
1999	С. Спектор	Заместитель председателя правительства Свердловской области по социальной политике
2003	Ю. Осинцев	Министр международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, заместитель председателя правительства области по вопросам координации инвестиционной политики и реализации областных программ развития административного центра области
	Я. Габинский	Депутат Екатеринбургской городской думы, главный врач Уральского института кардиологии
2008	—	—
2013	Я. Силин	Руководитель администрации губернатора Свердловской области, вице-губернатор Свердловской области

На выборах главы города 1995 г. фаворитом кампании считался действующий на тот момент мэр Екатеринбурга А. М. Чернецкий. Роль «возмутителя спокойствия» была отведена депутату областной думы, председателю Комитета по законодательству, сподвижнику Эдуарда Росселя по движению «Преображение Урала» Антону Бакову. В 1999 г. областные власти выдвинули на пост мэра Екатеринбурга заместителя председателя правительства Свердловской области по социальной политике Семена Спектора. На выборах главы города в 2003 г. команда губернатора выставила в противовес А. М. Чернецкому вице-премьера областного правительства Юрия Осинцева, которого поддержала партия «Единая Россия». Стоит отметить, что он был основным кандидатом от региональных властей, но не единственным. Вторым являлся Я. Л. Габинский, которого поддерживал пресс-секретарь Э. Росселя Александр Левин. Ю. Осинцев ориентировался на председателя правительства области Алексея Воробьева.

На выборах мэра уральской столицы 2008 г. основным конкурентом действующего главы города стал депутат гордумы Екатеринбурга Олег Хабибуллин, который критиковал действия городских властей и лично мэра. На этих выборах областные власти не выдвинули против Чернецкого своего кандидата. Это было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, политическими установками Кремля, а именно тем, что открытые публичные конфликты внутри политической вертикали, между уровнями власти Кремлем не поощрялись, так как это могло навредить политической стабильности в регионе. Это привело к политическому перемирию между губернатором и мэром. На это указывало то, что:

— городские власти в августе 2005 г. приняли решение о присвоении звания «Почетный гражданин города Екатеринбурга» губернатору Свердловской области Э. Э. Росселю;

— А. М. Чернецкий был включен на XI внеочередной конференции уральских единороссов в состав президиума политсовета регионального отделения партии «Единая Россия»;

— в список кандидатов от «партии власти» на выборах в областную думу в октябре 2006 г. были включены представители городских властей: первый заместитель главы города В. Смирнов (6-е место), доцент кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии В. Русинов (9-е место) и председатель городского комитета по связям с общественными организациями и молодежной политике Е. Левина (12-е место).

Во-вторых, федеральный центр поддержал Аркадия Чернецкого на выборах главы города в обмен на высокие показатели партии «Единая Россия» на территории уральской столицы (эта договоренность была достигнута на встрече мэра Екатеринбурга с заместителем главы администрации президента РФ Владиславом Сурковым в августе 2007 г.). Как результат, на выборах депутатов Госдумы, которые прошли в декабре 2007 г., А. М. Чернецкий был включен в региональный (по Свердловской области) список кандидатов, выдвинутый партией «Единая Россия» (2-е место).

В-третьих, региональным и городским властям стало очевидно, что им не удастся устранить друг друга с поля публичной политики электоральными методами.

На выборах главы Екатеринбурга, которые состоялись 8 сентября 2013 г., кандидат от «партии власти», поддерживаемый свердловским губернатором, Яков Силин проиграл президенту фонда «Город без наркотиков», кандидату от «Гражданской платформы» Евгению Ройзману. Депутат Госдумы, лидер регионального отделения партии «Справедливая Россия» Александр Бурков занял третье место.

Таким образом, достаточно высокий уровень политической конкуренции на муниципальных выборах объясняется наличием кандидатов, выдвинутых разными группами элит, особенно областными властями.

---

1. *Ашихмина Я. Г.* Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/341/30/> (дата обращения: 05.03.2015).

2. *Бадовский:* Путин четко обозначил проблемы системы местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2013/12/12/664030.html> (дата обращения: 05.03.2015).

3. *Ванханен Т.* Демократизация в сравнении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/reading/vanhanen/> (дата обращения: 05.03.2015).

4. *Вишневский Б. Л.* Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политэкс. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/338/30/> (дата обращения: 05.03.2015).
5. *Гельман В. Я.* Городская власть и российская трансформация // Pro et Contra. 2001. Т. 6, № 3.
6. *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб., 2008.
7. *Кынев А.* Итоги выборов-2014: единый день ритуального голосования [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kynev_vybory-1157457.xhtml (дата обращения: 05.03.2015).
8. *Либоракина М. И.* Проблемы и перспективы местного самоуправления: независимая экспертиза реформы. М., 2003.
9. *Мухаметов Р. С.* Специфика конфликта «области» и «города» (на примере Свердловской области) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4.
10. Реформирование системы организации МСУ в крупных городах и городских агломерациях: возможные подходы : аналит. зап. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politanalitika.ru/analitika/reformirovanie_sistemi_organizacii_msy_v_kрупnih_gorodah_i_gorodskih_aglomeracijah%3A_vozmojnie_podhodi/ (дата обращения: 05.03.2015).
11. *Суховольский А. В.* Методы оценки уровня конкуренции на выборах (на примере местных выборов в г. Красноярске) // Вестн. Сиб. гос. аэрокосм. ун-та. 2006. № 5.
12. *Токарев А. А.* Рейтинги демократии: от ангажированности к науке [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/rejtingi_demokratii_ot_angazhirovannosti_k_nauke_2014-03-06.htm (дата обращения: 05.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2015 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(100)“1939/45” + 94(4) + 94(520)

В. А. Кузьмин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ ЯПОНСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ НА ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА В ЕВРОПЕ

На основе анализа архивных документов британской политической разведки в статье рассматривается слабо освещенный в научной литературе по истории Второй мировой войны вопрос о том, какую реакцию в Японии вызвало открытие англо-американскими союзниками Второго фронта в Европе летом 1944 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, союзники, второй фронт, правительство, Япония.

6 июня 1944 г. войска англо-американских союзников СССР высадились на побережье Франции в Нормандии, и долгожданный второй фронт в Европе был наконец открыт. К этому времени в ходе Второй мировой войны уже произошел коренной перелом в пользу стран антигитлеровской коалиции, фашистская Италия была выведена из войны, Красная армия готовилась к освобождению оккупированных гитлеровской Германией стран Восточной Европы и, в принципе, могла в одиночку довести войну в Европе до полного поражения нацистских сил. Тем не менее открытие союзниками второго фронта в Западной Европе, несомненно, способствовало сокращению числа возможных потерь и приближало сроки окончательного поражения Германии и ее союзников.

История открытия второго фронта в Европе подробно изучена в огромном количестве научных работ исследователей разных стран — отечественных, европейских, американских, канадских и др. Однако до сих пор остается слабо освещенной в литературе по истории Второй мировой войны реакция на это событие Японии — союзницы Германии по Тройственному пакту, развязавшей многолетнюю агрессивную войну в Китае, Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Автор считает этот вопрос особенно актуальным в свете приближающегося 70-летия окончания Второй мировой войны, выразившегося в сокрушительном поражении сил японского милитаризма силами СССР и его союзников.

В качестве основного источника, позволяющего осветить заявленную тему, использованы материалы из Британского национального архива — «Еженедельные

сводки политической разведки», которые составлялись сотрудниками соответствующего отдела Министерства иностранных дел Великобритании и в виде секретных брошюр для служебного пользования рассылались членам военного кабинета и других правительственных и военных органов [1].

Япония с сентября 1940 г. являлась военно-политическим и экономическим союзником гитлеровской Германии. 8 июня 1944 г. премьер-министр Японии Тодзио направил Гитлеру телеграмму, в которой «выразил свою полную уверенность в победе германских войск и заявил, что Япония, действуя в тесном сотрудничестве с рейхом, внесет свой вклад в уничтожение общего врага» [Там же, № 245]. В свою очередь, японский министр иностранных дел Сигемицу обратился с поздравлением к Гитлеру и «всему германскому народу» (по мнению составителей «Сводки» от 14 июня, «преждевременно») в связи с «блестящими результатами», которых добилась германская армия в «доблестном контрнаступлении» против сил противника на побережье Северной Франции [Там же].

Японские официальные лица и пресса в своих комментариях по поводу высадки англо-американских войск во Франции в целом придерживались мнения, что «вторжение было предпринято *по указке* (так в тексте! — В. К.) Москвы», что оно обозначает «наступление кризиса в европейской войне», что германские войска «нанесут сокрушительное поражение силам вторжения» и «это станет также поворотным пунктом в войне на Тихом океане». Как отмечалось в «Сводке», «японцы не делали секрета из своего горячего желания поражения силам союзников», это выражалось словами: «Мы надеемся на второй Дюнкерк» [Там же].

Такое мнение подкреплялось, в частности, экспертными оценками некоторых высокопоставленных лиц. Бывший секретарь посольства Японии в Берлине Нобухико Ушиба, который в период своей работы в Германии «совершил обширную инспекционную поездку» по всей линии «Атлантического вала», комментируя высадку союзников в Нормандии, заявил, что преимущество Германии выражается в сильно укрепленных оборонительных сооружениях, которые защищают как минимум 60 дивизий и отборные силы люфтваффе, и что в таких условиях «вторжение дает Германии возможность нанести решающий контрудар с последующим переходом к победоносному всеобщему наступлению». Военный атташе Японии при правительстве Виши генерал Нумата также заявил, что «позиции германских сил на фронте вторжения являются исключительно благоприятными» [Там же].

Бывший посол Японии в Италии Тосио Сиратори — по мнению составителей «Сводки», «хорошо известный экстремистский лидер» — проводил «более независимую линию» в своем анализе событий в Нормандии. 9 июня 1944 г. его заявление процитировало японское телеграфное агентство Домэй цусин. В нем говорилось, что «Великобритания и Соединенные Штаты не начинали вторжение ради того, чтобы выполнить обещание, данное Советскому Союзу». Западные союзники, сказал Сиратори, «являются гораздо более практичными людьми и не подвержены влиянию таких мотивов. Они накопили огромное количество различных военных материалов и большое число войск перед тем, как начать высадку, их не заставит повернуть назад какая-нибудь первоначальная неудача».

Сиратори предупреждал своих соотечественников, что будет ошибкой думать, что «критический момент (в тексте *climax*. — В. К.) в ходе войны уже наступил». Однако и он предрекал, что в конечном счете американцы и англичане потерпят поражение, поскольку, по его мнению, они недооценивают «элемент силы духа» и их преимущество в военных материалах «постепенно будет утрачено» [1, № 245].

В «Сводке» за 14 июня 1944 г. отмечалось, что «руководящие круги Японии предостерегают свой народ от распространения ошибочного мнения, что вторжение во Францию может привести к отводу каких-либо вражеских сил с тихоокеанского театра военных действий или может помешать продолжению здесь наступательных действий англо-американцев». По мнению составителей «Сводки», комментарий командования японского флота, опубликованный агентством Домэй цусин 8 июня, особенно выразительно подчеркивал эту мысль. В нем говорилось: «Любимая тактика врага — прибегать к новым *маневрам* (так в тексте! — В. К.) в Восточной Азии одновременно и параллельно с новым стратегическим движением на европейском фронте». Таким образом, делали вывод составители «Сводки», из этих слов японцы должны были заключить, что им «следует ожидать интенсификации борьбы на Тихом океане» [Там же].

По мнению составителей «Сводки», японская пресса, которая в целом отражала точку зрения официальных кругов относительно ситуации, созданной высадкой англо-американцев в Нормандии, невольно выдавала свое затаенное желание увидеть, как Япония наносит удар на Тихоокеанском театре войны. Так, газета «Асахи» 9 июня заявила, что «исход сражения во Франции будет иметь решающее воздействие на ситуацию во всем мире, что “театр Великой Восточноазиатской войны” тесно связан с западноевропейским театром военных действий и что Япония не должна упускать момент из-за своего ленивого бездействия». В свою очередь, «Иомиури» писала, что «Япония и Германия находятся сейчас в положении, когда можно разбить общего врага при условии тесного взаимодействия и сотрудничества». Газета предупреждала, что «хотя вторжение в Нормандию и сосредоточило внимание американцев на Европе на некоторое время, это не будет продолжаться долго, поскольку американцы рассматривают тихоокеанский театр войны как самый важный». По мнению «Иомиури», даже разгром сил вторжения во Франции может привести к усилению американской активности на Тихом океане. Поэтому, утверждала газета, текущий момент создал для Японии самую лучшую возможность, чтобы нанести свой удар, и «этот шанс не следует упускать» [Там же].

«Несмотря на выражаемую ими уверенность (в успехе германских сил. — В. К.) — отмечали составители “Сводки”, — имеются основания полагать, что японские власти серьезно обеспокоены. Вероятно, они не так убеждены в победе Германии, как кажется, и у них нет иллюзий относительно силы атаки (со стороны американцев. — В. К.), с которой они могут столкнуться. Более того, имеются признаки трудностей на японском внутреннем фронте, поскольку население Японии страдает от напряжения, вызванного лихорадочными усилиями по увеличению производства самолетов и военного снаряжения, а также от нехватки продуктов питания в городах. Становится очевидным, что в среде обычно терпеливых

и дисциплинированных японских масс все более распространяются настроения недовольства и беспокойства» [1, № 245].

Подводя итог, можно сказать, что открытие второго фронта в Европе породило в Японии новые надежды. В частности, в правящих кругах Японии рассчитывали на то, что гитлеровские войска, оборонявшие «Атлантический вал», нанесут англо-американским силам вторжения сокрушительное поражение и это может стать началом поворота в ходе войны в пользу Германии и Японии как в Европе, так и на Тихом океане. Однако многие в Японии понимали, что это надежды иллюзорные, среди населения нарастали настроения тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Последующие события в ходе войны на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе полностью подтвердили иллюзорность этих надежд.

---

1. The National Archives (United Kingdom, London). Weekly Political Intelligence Summaries, 1944.

Рукопись поступила в редакцию 26 июля 2015 г.

УДК 327.51(1-15) + 341.24 + 94(495)

Р. А. Погосян

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ЗАПАДНЫЕ АНАЛИТИКИ О ПОЛИТИКЕ ЕС В ЮЖНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В статье рассматривается политика Европейского союза в Средиземноморском регионе, имеющая продолжительную историю и ряд особенностей. В ее основе лежит Барселонский процесс, строящийся на продуманных принципах межгосударственного сотрудничества. Говорится о том, почему ЕС не смог правильно отреагировать на первые события «арабской весны» (волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г. в Тунисе), оценить их возможные последствия и приостановить распространение народных волнений, массовых беспорядков (которые в ряде случаев переросли в гражданские войны и насильственные смены политических режимов) по всему Средиземноморскому региону. В статье анализируется переосмысление западными экспертами средиземноморской политики ЕС под воздействием событий «арабской весны», а также их предложения по разработке концептуально важных подходов к этому региону.

Ключевые слова: «арабская весна», Европейский союз, политика ЕС в Средиземноморском регионе.

Взаимодействие Европейского союза (ЕС) и стран Средиземноморья имеет давнюю историю с ее обоюдовыгодными условиями и проблемными зонами. Сегодня средиземноморская политика Евросоюза — важнейшее направление внешнеполитической деятельности ЕС [1, 131–149]. Интересы ЕС

в Средиземноморском регионе являются многослойными и определяются рядом факторов этого региона: географической близостью, стратегическим положением, запасами углеводородного и минерального сырья, дешевой рабочей силой, в которой нуждается Европа [2, 17]. Следует отметить, что для Европейского союза отношения с Ближневосточным регионом характеризуются нестабильностью, вызванной существующими там очагами напряженности. Многомиллионные европейские бюджеты идут на поддержание стабильности в Средиземноморском регионе, что обременительным образом действует на экономику ЕС [4, 12].

В настоящий момент к странам-партнерам ЕС относятся Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Ливан, Сирия, Израиль, Турция, Иордания, Палестинская национальная автономия (ПНА), Иордания. Последняя не имеет выхода к Средиземному морю и включена в эту группу стран, поскольку имеет исторически сложившиеся экономические и политические связи с Евросоюзом. Основы этих двусторонних отношений были заложены еще в 60-е гг., после распада колониальных империй, и распространялись на ограниченное число средиземноморских стран. В 70-е гг. европейские страны перешли к глобальной средиземноморской политике, рассматривавшей страны Северного и Южного Средиземноморья как единый регион [11, 13]. В 1995 г. после подписания «Барселонской декларации» о развитии «Евро-средиземноморского партнерства» (Евромед) отношения между европейскими странами и Средиземноморским регионом вышли на новый уровень [3]. В июле 2008 г. на Парижском саммите для Средиземноморья эти отношения оформились в виде Союза для Средиземноморья (Union for the Mediterranean), который был одобрен на Марсельской встрече министров иностранных дел региона в ноябре того же года. Союз для Средиземноморья (СДС), включающий в себя 27 стран-членов ЕС и 16 партнеров по Южному Средиземноморью и Ближнему Востоку, был создан с целью придания новой жизни партнерству и поднятия его на новый политический уровень [12]. Сохраняя и применяя наработки, полученные в ходе Барселонского процесса, СДС предлагал своим гражданам более рациональное управление путем развития взаимодействия между властью и обществом, а также путем поддержки прикладных региональных и транснациональных проектов.

В 2011 г. по арабским государствам прокатилась волна восстаний, общественных беспорядков и митингов, которая получила название «арабская весна»¹.

В качестве ответа на события «арабской весны» ЕС разработал программу SPRING (Поддержка партнерства, реформ и инклюзивного роста). В этой программе мы видим две обновленные стратегии ЕС в регионе, целью которых является решение насущных социально-экономических проблем, стоящих перед партнерами в регионе, и их поддержка в период перехода к демократическому режиму. На период 2011–2012 гг. на реализацию программы было выделено

---

¹ Волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г. Произошли перевороты в Тунисе, Египте и Йемене, гражданские войны в Ливии и Сирии, гражданское восстание в Бахрейне, массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане и менее значительные в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 г. также были вдохновлены местной «арабской весной».

350 млн евро. Предполагалось, что предоставляемая поддержка будет адаптироваться к нуждам конкретной страны и основываться на оценке ее успехов в деле построения демократического общества и на принципе «больше за большее», т. е. чем больше успехов добиваются страны в проведении демократических реформ и институционального строительства, тем больше поддержки они могут ожидать от программы SPRING [7].

С момента эскалации событий «арабской весны» и до настоящего времени появилось немало исследований этой темы, авторы которых повсеместно пытаются выявить скрытые интересы ЕС, США, России, т. е. крупнейших мировых держав и объединений, по отношению к Средиземноморскому региону и проблемы в нем. Они стремились понять, чего хотели сами внутривосточные силы, затеявшие перевороты, и к чему шли авторитарные правители и режимы. В данной статье автор анализирует экспертные заключения ряда европейских, американских и арабских исследователей, которые в своих работах говорят о «переосмыслении «арабской весны»».

Научный сотрудник Института международных отношений (IAI) в Риме и руководитель Симпозиума трансатлантической безопасности Риккардо Алькаро (Riccardo Alcaro) пишет о том, что смерть молодого тунисского торговца² войдет в историю как момент, символизирующий начало падения многолетних авторитарных режимов и начало прямого участия арабских масс в политических процессах, что и явилось отправной точкой «арабской весны». Самопожертвование Буазизи стало катализатором народных протестов и, более того, показателем достижения совершеннолетия нового поколения арабов, полных решимости добиваться управления своей общественной жизнью через демократические институты. Этот исторический процесс международные медиа назвали «арабской весной» или «арабским пробуждением» [8, 15].

Независимо от того, превратится ли «арабская весна» 2011 г. в «арабское лето» (по аналогии с событиями в Центральной и Восточной Европе в 1989 г., когда народные демонстрации, так называемые «антикоммунистические революции», привели к установлению демократии и свержению авторитарных коммунистических режимов, смене власти в ряде европейских государств) или в «холодную зиму» (по аналогии с событиями в Центральной Европе 1848 г., когда ожидаемой демократизации не произошло, т. е. реакционные силы преуспели в том, чтобы оказать сопротивление демократическим изменениям, но и авторитарный режим был расшатан), арабский мир будет очень сильно отличаться от того, каким он был до смерти Буазизи. И все заинтересованные во влиянии в этом регионе внешние силы, а именно США и Европейский союз, должны будут скорректировать свои планы и изменить политику в этом регионе в соответствии с новыми условиями [Там же, 16].

Р. Алькаро говорит о том, что ЕС неоднородно и осторожно оценивает события «арабской весны». И вместе с США выжидает, пока ход событий не позволит им получить четкий ответ о том, какие действия в отношении митингующих сил

---

² Муххамед Буазизи публично сжег себя в Тунисе в знак протеста против жестокого режима.

и защищающихся авторитарных режимов предпринять. Они не считали, что их существующая политика в отношении Северной Африки и Ближнего Востока нуждалась в радикальном пересмотре. Даже новая «европейская политика добрососедства» не включала каких-либо особых инноваций, кроме подчеркнутого внимания к причинам неудачной политики вознаграждения за реализацию внутренних реформ. Что касается Соединенных Штатов, то они медлили в проявлении любой реакции, которая бы свидетельствовала об их участии в региональной политике, если не считать той некритической поддержки, которая была оказана Израилю [8, 23].

Затем стало очевидным, что американцы и европейцы рассчитывали на внутренние политические изменения во многих арабских странах, включая самую важную из них — Египет. При этом для них было бы идеальным, если бы изменения произошли, не оказывая значительного влияния на региональный баланс. В конечном счете США и их европейские партнеры ожидали от новых арабских правительств (даже в случае включения в их состав представителей исламистских партий) сохранения всех основных выгод, которые они получали от региона во время правления их предшественников. Они исходили из того, что все новые арабские правительства будут нуждаться в помощи и сотрудничестве, которые США и Европейский союз, несмотря на собственные экономические проблемы, могут обеспечить. Однако «арабская весна» показала иллюзорность такого подхода. США и Европейскому союзу пришлось заново структурировать свою политику, чтобы приспособить ее к тем изменениям, которые произошли в регионе [Там же, 27]. К этому выводу пришла группа из более чем пятидесяти экспертов из Америки, Европы и арабских стран, которые были приглашены 12 сентября 2011 г. в Министерство иностранных дел Италии в Риме, чтобы принять участие в симпозиуме «Трансатлантическая безопасность», организатором которого стал Римский институт международных отношений (Istituto Affari Internazionali).

Материалы симпозиума были опубликованы в объемном томе «Переосмысление западной политики в свете Арабского восстания» [8].

Один из участников дискуссии, Стивен Хайдманн, старший вице-президент Американского института мира (United States Institute of Peace — USIP), назвал свой доклад «Охватывая изменения, принимая вызовы? Западный ответ на “арабскую весну”» [7, 21–29]. С. Хайдманн считает, что преобразования, которые произошли в арабском мире, изменили политический ландшафт Ближнего Востока и в конечном итоге перевернули установленные ранее отношения между Западом и Арабским регионом «с ног на голову». С. Хайдманн отмечает, что так называемая «арабская весна» входит в свой второй год (доклад был опубликован в 2012 г.) и поэтому уже тогда было уместно отстраниться от событий и сформулировать два вопроса. Во-первых, принимает ли Запад, в данном случае Европа и США, изменения, которые появились в регионе после «арабской весны», после долгого политического зстоя? Во-вторых, принимает ли Запад вызовы, связанные с изменениями, которые сейчас там происходят? Другими словами, придает ли Запад значение этим преобразованиям в своих отношениях с арабским миром и начинает ли соответственно адаптироваться?

Отношение Запада к арабским восстаниям было осторожным и неопределенным. В конечном счете Запад сформировал внутри себя отношение к событиям «арабской весны», настаивая на фундаментальных политических и экономических изменениях внутри Средиземноморского региона. К середине мая 2011 года, через 6 месяцев после саможжения молодого тунисского торговца Моххамеда Буазизи, который стал катализатором народных протестов, президент США Барак Обама определили «арабскую весну» как «историческую возможность» для Соединенных Штатов. Обама выразил мнение, что право голоса и достоинство арабских улиц он оценивает выше, чем власть диктаторов, не опасаясь того, что арабские восстания могут легализовать антизападных экстремистов. Больше не было сомнений в том, что США приветствовали изменения.

Тех, кто наблюдал за арабским миром и изучал арабскую политику, поражало, с какой скоростью арабский мир переходит от авторитаризма к демократии.

На многих конференциях и семинарах в Европе и Латинской Америке пытались обосновать мировой опыт перехода от авторитаризма к демократии применительно к Египту. В журналах и блогах авторы дебатировали о том, насколько, к примеру, индонезийский опыт свержения авторитарного правления мог оказаться полезным для Египта и Туниса. Один из аналитиков, Т. Карозерс, исследовал значение индонезийского опыта для Египта, а также считал неприемлемым прогнозирование для Египта иранской траектории [10].

В тот период в Египте и Тунисе появлялось немало «ветеранов демократических переходов» из Восточной Европы и Латинской Америки, которые делились с арабскими коллегами собственным опытом демократического транзита.

Делегации из Туниса, Ливии и Египта приезжали в Польшу, чтобы наблюдать за парламентскими выборами. В некоторых случаях эти обмены были организованы и профинансированы известными европейскими и американскими организациями, пропагандирующими демократию, среди них был известный Национальный демократический институт США.

Для того чтобы содействовать усилиям по распространению демократии, Конгресс США увеличил сумму финансирования инициативы «Ближневосточное партнерство», которое в 2010 г. составило 50 млн долл., а в 2011 г. достигло 80 млн.

В связи с «арабской весной» следует обратить внимание на примеры региональной дипломатии, осуществляемой руководством стран Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ. Три этих режима сыграли значительную роль фактически в каждом арабском восстании от Марокко до Бахрейна. Они усилили свое экономическое и дипломатическое влияние в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива и в Лиге арабских государств. Западным экспертам было важно понять, что обильное финансирование странами Залива Египта и других арабских государств направлялось в том числе политическим игрокам «арабской весны», приверженность которых к демократическим ценностям была весьма сомнительной.

Роберт Спринборг, профессор кафедры национальной безопасности Высшей морской школы в калифорнийском Монтерее, пытался проанализировать роль США в «арабской весне» под углом зрения упущенного лидерства этой державы

в Средиземноморском регионе. По его мнению, реакция администрации Барака Обамы на восстания в арабском мире, которые начались в Тунисе в декабре 2010 г., была слишком осторожной. Со стороны администрации США было больше сказано, чем сделано. Поскольку восстания стали набирать обороты, высказывания администрации США, поддерживающие протестующих и критикующие действующие режимы, стали более резкими, но оставались двусмысленными. Свержение тунисского, египетского и йеменского президентов было одобрено Белым домом, однако, к примеру, формулировка заявлений в адрес правящей семьи Аль-Халифа и относительно использования жестких мер в Бахрейне была крайне осторожной. Когда в мае 2011 г. Обама подписал распоряжение, одоблив санкции против сирийского президента Асада и его правящего круга, США преследовали цель оказания давления на Сирию, чтобы побудить это государство перейти к демократической системе. И лишь 18 августа ситуация, сложившаяся вокруг Сирии, была выставлена на обсуждение в Совете Безопасности ООН и американское руководство открыто призвало президента Сирии уйти в отставку. Только по отношению к Ливии американцы сразу говорили однозначно и открыто о необходимости смены режима и предпринимали в этом направлении конкретные действия. Но даже там инициатива в озвучивании однозначного мнения принадлежала Франции и другим европейским государствам, к которым затем присоединились США.

Впервые после Второй мировой войны, констатирует Р. Спринборг, США держались «за спиной» Европы. В реакции на речь Башара Асада 20 июня, в которой он однозначно заявил об отказе от реформ и в резкой форме критиковал оппозицию, называя ее «микробами», разъядающими единство страны, французский министр иностранных дел Аллен Жюппе сказал, что сирийский президент достиг «точки невозврата», т. е. такого положения, в котором ЕС его не станет поддерживать. Его немецкий коллега Г. Вестервелле поддержал мнение А. Жюппе, заметив, что выступление Асада было речью «безнадежного человека, который, кажется, не понял признаков времени». Ответ США на речь Асада был озвучен не президентом Обамой или Государственным секретарем Х. Клинтон, а представительницей Госдепартамента Викторией Нуланд, которая сказала, что Асад произнес «пустые слова».

Г. Любольд утверждает, что «арабская весна» является самым выдающимся историческим событием на Ближнем Востоке с момента краха Османской империи [9].

Как отмечалось выше, реакция США на «арабскую весну» была уклончивой. Вашингтон сознательно избегал открытого мнения и ведущей роли в событиях, воздерживался от использования традиционных рычагов своего воздействия на происходившие в регионе события. Военное развертывание США ограничивалось ливийским театром военных действий, никаких других демонстративных военных действий не предпринималось. США показывали свою позицию «за спиной» ЕС, влияя через ООН и мировые финансовые организации на процесс демократизации на Ближнем Востоке, в то время как ЕС открыто выступал за создание нового облика Ближнего Востока. Мир еще не привык к такой «американской скромности» и продолжал смотреть на Вашингтон, ожидая от него каких-то действий [7, 48].

Напротив, египетский политолог Иссандра Эль Амрани утверждает, что американские стратегические интересы на Ближнем Востоке не изменились с момента начала арабских восстаний и, отражая постоянство политики двух прошлых десятилетий, вряд ли подлежат переменам. Первая стратегическая цель США — энергетическая безопасность, управление потоками нефти из Персидского залива, поставки которой по умеренным ценам являются крайне важными для мировой экономики. И факт этого управления нефтяными потоками является важным для поддержания имиджа США как мировой державы. Вторая — безопасность Израиля. Третья — борьба против терроризма и радикального исламизма, а также борьба с распространением ядерного оружия. Четвертая — это продвижение в регионе американских ценностей, включая, дружескую по отношению к региону экономическую политику, ответственное правительство, уважение прав человека [7, 55].

В совместном докладе заместителя директора римского Института международных отношений Н. Точки и исследователя этого института С. Коломбо рассматривается реакция ЕС на «арабскую весну» [9, 71–96]. Восстания в странах Южного Средиземноморья застали врасплох многих европейских экспертов. Европейский союз привык иметь дело с апатичным Средиземноморским регионом, в котором изменения происходили только в направлении укрепления авторитарного режима и все большей секьюритизации. Во имя стабильности на протяжении последних десятилетий политика ЕС была нацелена на поддержание статус-кво в регионе. Географическая близость и разнообразные связи с Южным Средиземноморьем сделали Европейский континент уязвимым перед появлением некоторых «побочных эффектов», возникающих в процессе постоянного открытого сотрудничества, таких, как экспорт в Европу контрафактной продукции, злоупотребления в области энергетики, нелегальная миграция, наркотрафик, распространение террористических сетей. Стабильность и демократия в арабских странах воспринимались европейцами как несовместимые цели. Последняя приносилась в жертву ради обеспечения первой. Эти подходы были подвергнуты сомнению путем бурного распространения народных протестов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, начиная с Туниса, который некогда считался самым стабильным и открытым в регионе. В то время как результаты «арабской весны» привели к свержениям авторитарных режимов, ЕС пересматривал свои долгосрочные цели.

Н. Точки и С. Коломбо подчеркивают, что слишком часто устойчивость в арабских странах путали со стабильностью, что вовсе не одно и то же. Поэтому политику ЕС в отношении стран Южного Средиземноморья можно считать «несбалансированным компромиссом между демократией и безопасностью» [7, 70].

Имеет смысл обратить внимание здесь на то, что с момента своего становления «Барселонский процесс» в середине 90-х гг. был ориентирован на продвижение демократии, прав человека, устойчивое развитие в странах Южного Средиземноморья [5]. Однако на практике многие ожидания не были реализованы. Основной акцент делался на экономической корзине, поскольку предполагалось, что экономические реформы и процветание региона могли подтянуть за собой и политические реформы [6].

Как отметил Саид Хаддади, европейско-средиземноморское партнерство развивалось в двух направлениях. Одним из них являлось продвижение безопасности, а другим — демократии. И два этих дискурса риторически были представлены как дополняющие друг друга, но на практике часто расходились и были взаимоисключающими [8].

В докладе эксперта из Туниса, директора Центра международных и средиземноморских исследований Ахмеда Дрисса (Centre d'Etudes Mediterranennes et Internationales), отмечается, что арабский мир находится в таком состоянии, когда еще рано судить, приведут ли изменения к стабильному демократическому развитию [7, 91–110]. Однако можно прогнозировать, что динамика движения указывает на это направление.

Народы Туниса, Египта и Ливии, а также таких стран, как Йемен, Бахрейн и Сирия, восстают против авторитарных структур. Однако остается не вполне ясным, какое направление новым государственным институтам придадут массовые движения. Никто в ЕС не может категорически утверждать, что переходные процессы в арабском мире — прямые результаты европейской политики демократизации. И это несмотря на то, что больше 15 лет ЕС использовал различные стратегические инструменты и подходы, такие как программы «Евро-Средиземноморское партнерство», «Союз для Средиземноморья» и «Европейская политика добрососедства», чтобы развивать экономическое сотрудничество, стимулировать демократизацию. Успех арабских революций, по мнению Ахмеда Дрисса, заключается в «свержении деспотических режимов», прежде всего благодаря храбрости людей. Дрисс ищет ответ на вопрос: «сыграла ли Европа роль в содействии арабским восстаниям?», какова эта самая «неоднозначность продвижения демократии» [Там же, 97–98]?

Продвижение демократии и уважения прав человека и человеческого достоинства представляло одну из главных целей Барселонской декларации 1995 г., которая установила Евро-Средиземноморское партнерство [14]. Правовые инструменты, настроенные на осуществление этого партнерства, а именно договоры о сотрудничестве, предусматривали «демократический пункт» как своего рода политическую обязательность, без которой партнерства быть не могло. Этот пункт предусматривал, что уважение демократических принципов и основных прав, как выражено во Всеобщей декларации прав человека, вдохновляет внутреннюю и международную политику сторон и составляет элемент соглашения. Несмотря на условия этого соглашения, всегда было трудно найти общую позицию в отношениях с арабским миром. И, несмотря на достаточно оптимистичные выводы А. Дрисса об утверждении демократических ценностей в арабском мире под влиянием «арабской весны», многие западные эксперты все же не соглашались с этими утверждениями. Переосмыслению политики ЕС и США в отношении арабских стран посвящаются все новые исследования.

Одна из недавних статей Н. Точки, опубликованная в ноябре 2014 г., недвусмысленно озаглавлена «Политика добрососедства умерла. Каковы будут следующие шаги европейской внешней политики в отношении нестабильности в Средиземноморском регионе?» [9]. Как бы то ни было, ЕС должен будет заново

продумать свой подход к его чрезмерно бурному «заднему двору», продумать концептуально разные подходы к Востоку и Югу. В обоих направлениях присутствуют кризис и нестабильность. В обоих случаях величина трудностей, с которыми сталкивается ЕС, настолько большая, что практичный реализм должен стать для ЕС руководством к действию. И арабские восстания в 2011 г., и украинский кризис в 2014 г. подвели ЕС к необходимости удвоить усилия по реализации политики добрососедства.

В первые годы восстаний в Ближневосточном регионе и Северной Африке обновляемая политика добрососедства, казалось, соответствует текущему моменту. Основанная на двусторонних отношениях с соседями по принципу «больше денег, больше рынков и больше мобильности», она, казалось, была успешной в поддержании демократических преобразований в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Однако неожиданно для ЕС страны этих регионов отказались подписывать с ЕС дополнительные соглашения. Аналогично тому как президент Украины В. Янукович и президент Армении С. Саргсян отказались подписать с ЕС «глубокое и всестороннее соглашение о свободной торговле». Таким образом, политика добрососедства Евросоюза провалилась как на Востоке (Украина, Армения), так и на Юге (Средиземноморский регион). Европейский союз впервые столкнулся со столь масштабными проблемами в реализации политики добрососедства. Европейская архитектура безопасности периода постхолодной войны подвергается серьезным испытаниям. Многие эксперты считают, что завершились времена политики соглашений по типу Сайкса-Пико (1916) о разделе сфер влияния в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. В такие времена ЕС должен вести ответственную внешнюю политику, основанную на уравновешенной оценке угроз и возможностей; внешнюю политику на основе реалистичных целей и прагматичного использования возможных инструментов; внешнюю политику, которая в состоянии расставить приоритеты, выбрать стратегию, чтобы не утратить возможностей управления регионом. Европейский союз должен разработать концептуально разные подходы к Востоку и Югу, находящимся в глубоком кризисе. Только практичный реализм может руководить ответственной и успешной политикой [9].

-
1. A Secure Europe In a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003.
  2. Euro-Mediterranean co-operation: enlarging and widening the perspective. Andreas Jacobs. Center for European integration studies. Bonn, 2004.
  3. Europe, The Mediterranean, Russia: Perception of Strategies / Ed. by N. Kovalsky. M., 1998.
  4. International journal of Middle East studies.
  5. *Pace R.* The European Union's Next Mediterranean Enlargement. Challenges and Uncertainties / University of Catania, 1997.
  6. Paradoxes of European Foreign Policy. Balancing Europe's Eastern and Southern Dimensions. Barbe, Esther. Robert Schuman Centre. EUI, Florence, 1997.
  7. Re-thinking Western Policies in Light of the Arab Uprising, IAI Research Papers / Ed. by Ricardo Alcaro and Miguel Hanbrich-Seco. Rim, 2012.
  8. *Said Haddadi.* "Political Securitization and Democratization in the Maghreb: Ambiguous Discourses and Fine-Tuning Practices for a Security Partnership" in E. Adler et al. The Convergence

of Civilizations. Constructing a Mediterranean Region. Toronto : Toronto University Press, 2006. P. 168–190.

9. The Neighborhood Policy is dead. What`s Next for European Foreign Policy Along its Arc of Instability / By Nathalie Tocci / IAI Working papers 14/16 – nov. 2014.

10. Thomas Carothers. Egypt and Indonesia: As Mubarak teeters, lessons can be drawn from Suharto's Ouster // The New Republic. 2 Febr., 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.tnr.com/article/world/82650/Egypt-and-Indonesia> (accessed: 20.06.2015).

11. Европа и Средиземноморье: проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий // ИЕ РАН. М., 1999.

12. Европейский союз в XXI веке: Время испытаний / под ред. О. Потемкиной, Н. Кавешникова, Н. Кондратьевой. М., 2012.

13. Europe and The Mediterranean / Ed. by P. Ludlow. L. ; N. Y., 1984.

14. Report on the implementation of the European Security Strategy – providing security in changing world. S407/08. Brussels, 2008. 11 Dec.

Рукопись поступила в редакцию 26 июня 2015 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 13 + 17 + 101.8

Л. А. Закс

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ КАРТИНЫ МИРА И НЕКОТОРЫХ ЕЕ СЛЕДСТВИЯХ: ПРОТИВ РАДИКАЛЬНОГО ЭМПИРИЗМА

В статье отмечаются неклассические черты современной социогуманитарной картины мира, в частности, возросшее место и значение единичного, различий, многообразия и множественности социокультурной реальности, конструктивной роли субъективности. Это позволяет увидеть сложную реальность современного социокультурного мира, но также порождает ряд проблем. Важнейшие из них: антиэссенциализм и радикальный эмпиризм в современных социогуманитарных науках. Отказ от поиска глубинных оснований конкретных явлений, системного видения и масштабных теоретических обобщений рассматривается как противоречащий самой природе научного познания. Утверждается необходимость единства эмпирического анализа всевозможных Studies с теоретической социологией и теоретической культурологией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социогуманитарная картина мира, континуальность, многозначность, неопределенность, беспорядок/хаос, метафорика, конструктивизм, единичное, различия, множественность и многообразие, антиэссенциализм, радикальный эмпиризм, Cultural Studies, теории практик, системно-сущностное видение.

Современное социально-гуманитарное знание, несомненно, есть результат его долгой исторической эволюции, совершенствования его мировоззренческих и методологических, концептуальных и категориальных (понятийно-логических) оснований. Но также несомненно, что, с другой стороны, важнейшим основанием его, как и в любую прошлую эпоху, выступают реальные конкретно-исторические особенности современного общества как социокультурной системы. Как сознательно, так и в не меньшей мере бессознательно современное научное мышление формируется этими особенностями, структурно-семантически и прагматически ориентируется на них, выражает их, стремится (уже совершенно осознанно) описать и объяснить. Одним из подтверждений зависимости научного мышления от «материнского» для него общества выступает, между прочим, тот факт, что, несмотря на активное приобщение современных российских ученых-обществоведов и гуманитариев к опыту своих западных коллег, они с трудом (и часто неадекватно) осваивают характерные для современной западной социогуманитарной науки

нетрадиционные способы видения/мышления. Причина проста: существенное отличие/отставание современного российского общества от западного.

Усложняющийся социокультурный мир вызывает к жизни новые категориально-концептуальные способы своего научного описания. Сегодня, например, к таким способам относится множество теоретически осмысляемых вариантов онтофункционального единства, сплетения и своеобразного «взаимооборачивания» фундаментальных «фактов»/рядов *социального и культурного*, фундированных понятием «*социокультурный*», выросшим из констатации нераздельности первого и второго. Осознание нераздельности социального и культурного, в свою очередь, не только предполагает признание того, что «культура объясняет почти всё» (Д. Ландес), но и связано с пониманием универсальности социальной онтологии, масштаба и роли культуры и соответственно социальной всеохватности содержания самого понятия «*культура*» [8]. Ряд актуальных социогуманитарных подходов связан с пониманием места, роли и специфики *информации* в социокультурных системах (варианты «матрично-программирующего» видения, еще более широко применяемый коммуникационный подход).

Интересно, что все это, с одной стороны, усиливает и развивает давно укорененный в этих науках *структурно-организационный* подход как компонент видения социокультурных систем (что мы наблюдаем, в частности, на примере растущего влияния институционального подхода, этого синтеза организационно-структурного и матрично-программного подходов). Однако, с другой стороны, этот центральный и уже традиционный план рассмотрения-анализа сегодня претерпевает существенные трансформации, которые иногда приобретают такую радикальную форму, что могут быть приняты и принимаются за отказ от него (от структурного подхода, как минимум).

В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое — атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение — все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность. Проявлением такой трансформации, в частности, выступают:

1. Прямо входящие в социогуманитарное сознание образы и понятия с континуально-динамическими денотатами/десигнатами: «текущая современность» (З. Бауман), «поле» (П. Бурдьё), «поток» (М. Чиксентмихайи), «порождающий поток», «водоворот или бурное течение» (Д. Ло) — как не только репрезентация *непрерывного*, но и пространственно-функциональная замена статичной «структуры», как континуальная форма «динамической системы»¹.

---

¹ Интересно, однако, что, с другой стороны, в современном социогуманитарном сознании и знании, наоборот, по-новому акцентируется и концептуализируется дискретность, прерывность. И понятие разрыва оказывается одинаково необходимым как для ученых-постмодернистов (Лиотар, Деррида), так и для, в общем, далекого от постмодернизма Э. Гидденса. В чем, несомненно, сказался радикализм современных социокультурных новаций и социального развития в целом и проявилась противоречивая сложность призванной воссоздать их социогуманитарной картины мира.

2. Образы и понятия устойчивых сложных констелляций, или «связностей», «сопряженностей», нелинейной природы — варианта особой системности, столь характерной для современного общества со «сплетающимися», «переплетающимися» и/или плавно переходящими друг в друга компонентами: «ризома» («корневище») Ж. Делёза, «пучок ветвящихся отношений» Д. Ло, «акторно-сетевая система» Б. Латура. Вообще универсализация образа сети (в социологии, теории медиа, культурологии и культурной антропологии). А также новый теоретический симбиоз социального, человеческого и вещного, связанный с возвращением «материального» в социогуманитарное знание («социология вещей»). В сущности, именно эту тенденцию репрезентации связанности (интеграции и/или синтеза) разнородного и выражает, предельно обобщает уже привычное, потому несколько «замыленное», но на самом деле фундаментальное и ключевое для современных социальных и гуманитарных наук понятие «социокультурный».

3. Возрастание места и значения различного рода «неточностей», многозначности (связей, состояний и процессов) социальной реальности, что репрезентируется увеличением числа и значения метафоры в языке социогуманитарных наук. Показательно высказывание рефлексирующего по этому вопросу Джона Ло: «Ускользящие, неотчетливые, неуловимые, сложные, рассеянные, перемешанные, текстурированные, смутные, неопределенные, спутанные, беспорядочные, эмоциональные, болезненные, приятные, надеющиеся, ужасные, потерянные, искупленные, предвидящие, ангельские, демонические, мирские, земные, интуитивные, скользящие и непредсказуемые — вот некоторые из использованных мной метафор. Каждая — способ попытаться открыть пространство для неопределенного. Каждая — способ понимания или оценки перемещения. Каждая — возможный образ мира, нашего опыта этого мира и нас самих» [11, 23].

4. Выход на первый план социогуманитарного мышления образа/слова «беспорядок» (что и манифестирует название цитированной выше книги Джона Ло), становящегося в своей миропредставленческой функции конкурентом и все чаще заменой с глубокой древности укорененного в рациональной ментальности своего антипода — «порядка». В том же смысловом (функциональном) ряду стоят «родственники» «беспорядка»: «бесформенность», «случайность» и более других пугающий обыденное сознание своими коннотациями и житейскими ассоциациями «хаос». Но современная наука, ранее — естественная, а ныне и социогуманитарная, как и положено ей в силу ее генеральной функции-сверхзадачи, рационализирует и концептуализирует все эти некогда вызывающие психологический дискомфорт большинства людей образы/термины, подвергает их аналитической рефлексии и превращает в теоретико-методологический инструмент описания и объяснения социокультурной реальности.

Примером работы гуманитария с этими ставшими понятиями (и методологическими интенциями) образами/терминами может быть книга М. Ямпольского «Сквозь тусклое стекло» с характерным подзаголовком: «20 глав о неопределенности» [14]. Последняя для Ямпольского есть обобщенный мировоззренческий результат/репрезентант таких объективных характеристик социокультурной реальности — анализируемых им проявлений беспорядка, как бесформенность,

хаос, случайность. (К ним Ямпольский добавляет еще и «ничто», также характеризующее, по его мнению, онтологическую неопределенность, но, я думаю, к «беспорядку» отношения не имеющее.) И конечно, говоря о беспорядке как части социогуманитарной картины мира нашего времени, нельзя не сказать о неизбежно растущем влиянии социальной синергетики, опирающейся на рациональное естественно-научное понимание хаоса и его диалектического онтологического единства с порядком как условия самоорганизации и развития любых систем, включая столь сверхсложные, как человеческие, социокультурные. Я не знаю более впечатляющего примера осознанного использования синергетики как методологической основы решения сложных социогуманитарных задач, чем беспрецедентное по масштабу последних двухтомное «Введение в историю мировой культуры» М. С. Кагана [10]. Представляется глубоко верным сопряжение Каганом синергетического и системного подходов, что логически продолжает и выражает онтологическое единство хаоса и порядка, высшей формой реализации которого и является система. Отрадно, что число работ по социальной синергетике быстро растет (хороший пример — сборники серии «Синергетическая парадигма»).

5. Легитимация и эпистемологическая (как и ценностная) доминанта единичного, различий и многообразия, принципиальной множественности и поливариантности элементов, отношений, качественных форм, состояний и т. п., как и соответственно методологий их описания, объяснения, интерпретации, оценки (об этом речь далее).

6. Все более широкое признание и акцентуация (в парадоксально-противоречивом единстве с противоположной тенденцией акцентуации все большей объективной детерминированности социокультурных процессов и соответственно все меньших возможностей субъектов, даже в пределе — «смерти субъекта») производности социокультурной реальности от сознания (в том числе познающего) и практики людей, реализуемая концепцией социального конструктивизма (где, вообще-то, внутри запрятана информационная идея «матричности», но опосредованная и соединенная с реализационной, формообразующей, созидательно-организационной активностью субъектов). Как пишет Д. Ло, со ссылкой на Б. Латура и С. Вулгара, «в своей практике наука и *производит*, и описывает реальность» [11, 36].

Все это не только меняет (прежде всего в сторону существенного усложнения) научный образ «мира людей», который приобретает все более динамический, все более нелинейный, многомерный и континуальный характер. Меняются и основополагающие образы-матрицы, на которых строилось не только представление, но и объяснение фундаментальных свойств мира. Одно из таких свойств, как уже сказано, — порядок, организованная сложность. А его объяснительный принцип, обобщение и высшее выражение — образ системы и системности. Сегодня этот образ существенно изменен и усложнен/осложнен, как и его собственная внутренняя основа — образ структуры. Ее образцом-праформой отныне служат не кристалл, не строгие «правильные» геометрические многогранники, а нечто текучее, сплетающееся, ветвящееся, непрерывно меняющее свое место, форму, динамику. По мнению Д. Ло, «при таком подходе мир не является структурой или чем-то, что

можно картографировать средствами социальной науки. Вместо этого можно было бы представить его как водоворот или бурное течение» [11, 23].

Возможен и другой вариант отклонения от классического образа порядка/структурности: резко ассиметричной, «вызывающе» неправильной и непредсказуемой формы дискретная структура, представление об облике которой могут дать деконструктивистские архитектурные сооружения Даниэля Либескинда. Структура, пробуждающая сознание *риска* и напоминающая о проблеме коллективной и личной *безопасности*. Именно о них и начинает рассуждать разделяющий такое видение современного социального мира социолог Энтони Гидденс [6]. Интересно, что еще в 1992 г., подвергнув критике рационалистические «выкладки» и упования Макса Вебера, он заявил, что веберовское «видение современности как «стальной клетки» (классически правильная форма! — Л. З.) совершенно устарело» [7, 13]. Гидденс назвал небывалую в своем социальном динамизме, глобализирующуюся современность «ускользающей» [15] (от нашего понимания и контроля) и «сокрушительной» [16] (обладающей сокрушительной силой), предложив для ее представления собственную метафору: колесница, сокрушающая все на своем пути, — «неудержимая машина чудовищной силы, которой мы, люди, в определенной степени можем коллективно управлять, но которая также грозит вырваться из-под нашего контроля и расколоться пополам» [Там же, 139].

Тем не менее с этими образами реальности работают. В них вписывают человека и его активность. И сам человек становится подобием такой континуально-многомерно-динамической целостности/системности. Это, в частности, множественная идентичность, образы множественных сознаний в одном — как и, с другой стороны, множественность реальных и виртуальных, коллективных и личных пространств и времен внутри социокультурного мира.

Названные, как и не названные, новые черты социогуманитарной картины мира не только приближают нас к большей адекватности наших представлений и мироориентаций, не только открывают новые познавательные и практические возможности, но и порождают новые противоречия и проблемы. Далее я остановлюсь на тех из них, что «вытекают», так или иначе связаны с названным выше п. 5. и, отчасти, п. 6.

Проблемы возникают из сложения следующих факторов:

- 1) осознание (иногда преувеличение) «фактора конструктивизма»;
- 2) осознание уже узаконенной множественности мировоззрений и методологий, акцентированное как констатация и генерализация историко-культурного опыта постмодернизмом и им же ценностно релятивизированное: все равны, все могут быть одинаково интересны, полезны, втянуты в игры разума и воображения, даже самые экстравагантные, курьезные или патологические;
- 3) самая очевидная и простая констатация множественности субъективностей (в частности, эстетических), достаточно свободных и свободно выбирающих «способы существования», жизненно-поведенческие стили, дискурсы и, наконец, идентичности (тут и сама глобализирующаяся жизнь помогает).

Одним из важнейших методологических следствий такой контаминации идей, взглядов и мотивов, закрепляемых ценностно-релятивной парадигмой

постмодерна, становятся доминирование идеи конвенционализма и связанная с ней методология антиэссенциализма — фактически отказ от признания объективной сущности вещей. С таким отказом и вытекающим из него падением/утратой познавательной ценности «общего», особенно масштабно обобщающего «общего», связана другая, все более влиятельная черта/доминанта сегодняшней социогуманитарной картины мира: радикальный эмпиризм. На мой взгляд, при всех различиях, *антиэссенциализм и радикальный эмпиризм — две стороны одной медали.*

Надо прямо признать, что эта методология (антиэссенциализм) не только фундирована уже названными интеллектуальными и практически-поведенческими культурными контекстами, но и прагматически, конъюнктурно выгодна тем или иным субъектам. Она легитимирует их интересы, первенство этих частных «начал»-оснований практики и познания.

Если оценивать этот подход только с имманентно научной или философской точек зрения, то я бы метафорически выразил свою оценку формулой: *антиэссенциализм и радикальный эмпиризм за деревьями не видят леса.*

Говоря подробнее, это значит, что гипертрофия роли единичного и субъективности, преувеличение фактора различий и «свободного выбора», конструктивных возможностей субъекта фактически игнорирует серьезные идеи философии, подтвержденные культурно-историческим опытом и его обобщением современными гуманитарными науками. Речь, уточню, не столько о сущности объектов как таковых, сколько об объективных основаниях субъективности и общности(-тей). Исток этих, отвергаемых безосновательно, идей — философия Канта (еще более древний их источник — философия Платона и Аристотеля), потом неокантианцев (интересно, что молодой Пастернак, выражая их общую мировоззренческую позицию, писал об «объективной субъективности»). В науке это достижения культурно-исторической психологии (Выготский, Пиаже, Коул — не говоря о логически близких идеях Юнга), структурно-генеративной лингвистики (Сепир, Уорф, Якобсон, Хомский), культурантропологии, фольклористики, обобщенных структурализмом Леви-Стросса, Якобсона, Р. Барта и Фуко и никем в существе своем не опровергнутых. Разумеется, идея объективных оснований субъективности коррелирует с идеей ее объективной детерминации.

Сегодня такое видение, в частности на почве эстетики, выражает себя в идеях «коллективной чувственности» (см. книгу И. Чубарова [12]), в новейшей французской эстетике (Ж.-Ф. Лиотар, А. Бадью, Ж. Рансьер).

Суть вопроса: множественность и различия не означают отсутствия общих оснований и объективных сущностей. Более того, сами множественность и различия ведь также предполагают и требуют таких общих допущений — иначе они иррациональны, мистичны, необъяснимы, предстают, говоря словами системно мыслившего М. М. Бахтина, «произволом или капризом».

И когда мы фиксируем радикальные эволюционные переломы, проявляющиеся в радикальных различиях (скажем, традиционного искусства многих веков — и современных арт-практик), то наука предполагает и требует нахождения неких объективных причин такого рода сдвигов/разрывов, скачков и различий. При этом

внимательный взгляд найдет в радикально новых явлениях отдельные черты явлений очень давних. Радикально новое окажется отчасти хорошо забытым старым. А сами радикально отличающиеся обнаружат черты глубинной общности. Можно согласиться с Исайей Берлиным: «...то, что делает людей людьми, едино для них и служит мостом между ними». Это относится как к диахронии (истории), так и к синхронии (современности).

«Удобство» и «прагматичность», ситуативная конвенциональность, при всей их привлекательности, не могут быть последними целями и основаниями научного познания, критериями его истины. Иначе говоря, у любой свободы или произвола есть свои основания и пределы.

И тут уместно перейти от теории к практике — практике самой науки. Посмотрим, каковы практические следствия антиэссенциализма и радикального эмпиризма.

Берусь утверждать, что *абсолютизированная, оторванная от системного видения идея множественности как самоценного разнообразия ведет к «кошмару единичности (единичного)» с целым рядом его негативных эпистемологических следствий.*

Надо отметить, что множество единичностей — совсем иной образ, нежели образ возникающей из этих единичностей массы. Он, несомненно, демократичней и гуманней, чем то зловещее «целое», что осмыслено Ортегой-и-Гассетом, Элиасом Канетти, Бодрийяром и психологами толпы. (Показателен образный чувственно-эмоциональный строй работающей с образом-концептом массы книги Бодрийяра [2]: «конец социального», всепоглощающая «воронка», «эксплозия» и т. п.) Именно представление о множестве единичностей, или даже о мн о ж е с т в е н н о с т и е д и н и ч н о с т е й, ведет нас к проблеме Другого, к благородной и практически важной идее диалога и т. п. Однако тут есть и свои «но»:

1) Здесь сложность как объект понимания утрачивает столь важную, концептуально значимую упорядоченность, заменяясь *образом хаоса* — своего рода «социальным броуновским движением» индивидов. Чтобы мировоззренчески справиться с ним, нужны непопулярные сегодня обобщающе-структурирующие концепты (для чего у нас есть уже упоминавшаяся социальная синергетика и, главное, философия).

2) Крайне обостряется (методологически, но и теоретически, и практически) проблема общности, социального единства, а вместе с ней и вопрос коммуникации.

3) Проблематизируется и — я сознательно заостряю — ставится под вопрос также и само существование *социального общего* — в разных его бытийных ипостасях.

На этом и хочется кратко остановиться. Хотим мы этого или нет, но идея мира (в том числе идея «социального мира», «мира культуры») как целого, как единого «универсума», предполагает наличие общего — того, что как раз и соединяет, интегрирует, обеспечивает его единство.

Постмодернизм высмеял и «отменил» ряд важнейших ценностных выразителей (= символов) разоблаченного историей и, будто бы, уцененного, даже

обесцененного общего: Истину, ценностные Абсолюты, Святыни. Но социум и индивиды не могут без «общего». Поэтому тут же начался поиск общего «в новых условиях», приведший, как представляется, как раз к «хорошо забытому старому».

В моей родной эстетике это выразилось в определенной трактовке вышедшей на первый план эстетической чувственности. По определению, известному со времен Канта, она индивидуальна, личностна и неповторима, что реализуется ее духовно-психическим «органом» и «силой»: эстетическим вкусом. Но именно в этой индивидуальности стали искать... общее (!) (коллективная чувственность, идущая от кантовских оснований вкуса [1]). Что позволило увидеть в эстетике этический и политический (в самом широком смысле) ресурс (см. работы Бадью и Рансьера). А как иначе можно (было бы) строить теорию и практику коммуникации?! Как иначе можно стремиться и рассчитывать понимать друг друга и влиять друг на друга?! (Еще раз можно вспомнить мысль И. Берлина.)

4) «Культ» и «кошмар» самоценного единичного и связанный с ними образ общества как множества единичностей породили не только *онтологический дефицит общего* — дефицит его присутствия в реальном мире, но и очередной (для истории) *всплеск эпистемологической ориентации на единичность*, оборотной стороной которой стал *эпистемологический скепсис в отношении общего*. Все это и есть уже названный «радикальный эмпиризм».

(Одностороннюю) ориентацию на единичное и познавательный скепсис по отношению к общему мы и видим в практике современных социогуманитарных наук.

1) Эти науки сегодня, можно сказать, *заиклены на единичном*, в их исследованиях доминирующем и ставшим самодовлеющим, что и есть современный (надо признать, весьма изощренный и хорошо оснащенный) э м п и р и з м. Здесь, я убежден, наука наступает на горло собственной природе. Ситуация, безусловно, парадоксальная, поскольку в самом историческом, или культурном, «генотипе» науки закодировано стремление к обобщению: нахождению, выделению/абстрагированию и объяснению общего. Что относится также и к гуманитарным наукам, чье познание, по Риккерт, есть «индивидуализированное обобщение».

Мы видим поток исследований, где или кажимость, иллюзия добывания общего, или, чаще, просто отказ от его поиска. Сегодня в социогуманитарном знании доминирует исследование отдельных явлений, или, реже, изучение класса явлений, на деле тоже сводящееся к анализу и интерпретации конкретных реалий: фактов, событий, структур. Идет «охота за единичным», подобная охоте энтомолога за бабочкой. А потом это единичное «препарируется» и «архивируется» — как бабочка, занимающая свое место в коллекции энтомолога, или цветок в гербарии ботаника. Все это называется одним словом: *Studies*. *Sport Studies*, *Media Studies*, *Commerce Studies*, *Cultural Studies*, наконец.

Казалось бы, надо радоваться такому повороту, кажется, преодолевшему старые жесткие разграничения между науками, утвердившему столь долго чаемую междисциплинарность. Признаюсь, я достаточно долго верил, что целью и итогом *Cultural Studies* станет обозначенный в качестве идеала французскими историками «Анналов» и А. Я. Гуревичем «исторический синтез», что (наконец-то) обещало получение целостной картины культуры (конкретных культур) в ее (их) реальном

историческом существовании. Что, правда, предполагало, по моему разумению, теснейший союз «культуральных исследований» со всем комплексом наук о культуре и прежде всего с культурологией как с их теоретической (концептуальной) основой². Но это, увы, был «обман зрения».

Самым вопиющим примером радикального эмпиризма и его издержек оказались именно Cultural Studies. Дело в том, что нет более обобщающего, системного, универсального явления в человеческой реальности, чем культура. А это (т. е. ее научная модель) и предполагает (требует, диктует!) синтез социогуманитарного знания, дающий не только описание и трактовку, но и объяснение сложнейшей социокультурной реальности, основой, сущностью, *способом бытия* (самоосуществления) которой в пространстве и времени и выступает культура. Я верил и надеялся, что Cultural Studies и осуществят этот искомый плодотворный синтез разных наук «в горизонте культуры», т. е. на базе интегрирующей интенции ее сущности, специфики и сложнейшей универсальной целостности.

Ничего подобного не случилось. Поскольку формальное соединение и смешение разных социогуманитарных подходов не дает главного: выхода к системно-сущностному видению явлений, что невозможно без объединяющей их фундаментальной цели-концепта, без глубинных обобщений и систематизаций. Поэтому сегодня для меня очевидно: так называемые Cultural Studies, поскольку они и в самом деле оказались (и ограничились!) «областью эмпирического знания», «интересом к микроуровню отдельных культурных событий, авторов и текстов в их отношении друг к другу» [13, 15], не являются *исследованием культуры* в точном смысле этого слова. Потому что не всякое осмысление бесчисленных *конкретных явлений культуры* и даже их множеств/классов ведет к постижению культуры в ее целом, *культуры как системы* и общества (обществ), *фундаментальным системно-атрибутивным «механизмом»* которого (которых) является культура (культуры).

Сотни, тысячи исследований и публикаций, касающихся неисчислимого множества социокультурных явлений прошлого и настоящего, — какую они преследуют цель? Об аналогии такого рода исследований с ботаникой и зоологией уже сказано. В гуманитарном же ряду это, в сущности, работа, мало отличимая от деятельности историка (особенно если вспомнить определение Отто Ранком цели науки истории — «установить, как было на самом деле»). Выше я цитировал А. М. Эткинду, сформулировавшего свое видение особенностей Cultural Studies (культуральных исследований). Так вот, сразу после слов об «интересе к микроуровню отдельных культурных событий, авторов и текстов» Эткинд добавляет в скобках: «что сочетается с интересом к теории» [Там же].

Увы, практика Cultural Studies в своей основной массе говорит о самодовлеющем эмпиризме и отсутствии интереса к теории, отсутствии потребности

---

² В свете такого понимания в свое время насторожило, как мне показалось, откровенно критичное размежевание культурологии и культуральных исследований адептом и практиком последних А. М. Эткиндо [13]. Впрочем, вина за это в большой степени лежит на самой культурологии, точнее — культурологах, никак не могущих внятно и непротиворечиво сформулировать познавательную специфику своей науки: ее объект, предмет и соотношение с другими науками о культуре (об этом см.: [9]).

в теоретическом осмыслении-объяснении-обобщении изучаемой эмпирии, в ее видении в контексте общекультурных (культурно-типологических, как минимум) свойств и закономерностей и как выражения-реализации этих свойств и закономерностей, что позволило бы «за деревьями увидеть лес», связать частное, единичное, случайное с целым, общим и закономерным. На мой взгляд, сегодня есть основания констатировать: информация, добываемая в Cultural Studies, редко в своей обобщающей силе выходит за границы исследуемых единичных объектов. Сегодняшние культуральные исследователи — это именно историки конкретных объектов (феноменов, событий, процессов, состояний), воссоздающие/реконструирующие именно (и только) для этих объектов-событий характерные сцепления причин и следствий, вертикальных и горизонтальных, текстуальных, интертекстуальных и контекстуальных связей, а также, иногда, ценностно-смысловое наполнение всей этой конкретики. Только объекты эти, в отличие от традиционной истории, отыскиваются во всех без исключения сферах социокультурной жизни (хотя более всего тяготеют к специализированным институтам культуры).

При этом работа «исследователей культуры» сродни азарту игроков — она и в самом деле давно стала игрой, бесконечной как сам спектр социокультурных явлений (игрой стало и восприятие/потребление культуральной информации; сужу по собственному опыту многолетнего читателя журнала «НЛО»: с бескорыстным удовольствием читаю его, давно не связывая это занятие с получением какой-то научной или социально-практической пользы, а просто удовлетворяя собственное любопытство и соучаствуя в игре редакции по подбору тематики, авторов и расположению материала). Но что нам делать с этим знанием? Профессионально, граждански, мировоззренчески — зачем нам оно? Ведь его «разрешающая возможность», повторю, фактически совпадает с границами его локальной предметности — предметности конкретно-единичного объекта. И за их пределы может выйти только при существенном информационном расширении (приращении): наличии типологизации, систематизации, выявлении его возможных и действительных влияний на настоящее и будущее, его ориентационных и технологических следствий-ресурсов и других значимых социокультурных функций. Не окажется ли, в конце концов, все это множество сейчас с интересом (а иногда даже ажиотажно) создаваемых и поглощаемых статей разновидностью информационного «трэша», который в будущем сменится другим, более почему-либо «актуальным», модным, да и просто более свежим?

2) Описанная выше практика (как и конструктивизм, как и абсолютизируемая до безбрежности и безосновности множественность социокультурных миров и явлений) находит продолжение в общей мировоззренческой и методологической концепции *антиссенциализма*. Он вырастает из реальности «неоэмпиризма» и оправдывает/обосновывает ее: ведь если нет общих «сущностей» или они не имеют существенной познавательной и практической ценности, то зачем заниматься их познанием? Необходимо и достаточно только знание неповторимого единичного. Конкретика *явления*, его «ситуативные» (в том числе, весьма вероятно, случайные либо факультативные) предикаты и отношения, его

становящаяся самодовлеющей функциональная «оснастка» становятся альфой и омегой познания.

Крайности сходятся: «отвлеченное» от системы, оторванное от своих фундаментальных оснований, абсолютизированное единичное ничуть не лучше самодовлеющих абстракций, «реализма» понятий и общих свойств. Одна из «вывесок» отказа от масштабных и глубоких теоретических обобщений — так называемый «прагматический поворот», представленный, в частности, в различных вариантах «теории практик». Практика «теории практик» (при кажущейся серьезной теоретической фундированности, обширных историко-философских предпосылках этого подхода³) являет нам «блеск и нищету», «нехитрую», местами любительски наивную методологию. На деле представляющую поверхностную и прагматически-позитивистски ориентированную рефлексию и коррекцию обыденно-практического сознания на основе упрощенного, «сокращенного» понимания его на самом деле сложного социокультурно-практического контекста и современных научных подходов к нему. А главное — весьма скромные познавательные результаты радикального эмпиризма⁴.

О «простоте» = поверхностности и «обыденности» прагматического подхода — не только ставящего в центр своих исследований реальность *повседневности* (что не может вызывать никаких возражений), но и, по сути, предлагающего смотреть на последнюю ее же «глазами»: с ее же «высоты» и «глубины», — говорит хотя бы «обобщающее» определение практик адептом «теории практик» В. В. Волковым: «...практики — это все, что мы делаем» [3, 11–12]. Впрочем, В. В. Волков и сам признает отмеченные мной «особенности» прагматической методологии: «В отличие от сущностно-ориентированных подходов в социальных науках, предполагающих “глубокие”, “скрытые”, недоступные глазу “структуры” или “сущности”, исследования практик(и) обычно представляют собой определенные техники “поверхностного” анализа, сводящие априорные конструкции к минимуму» [Там же, 18]. Наиболее рельефно и последовательно такой подход, по мнению В. В. Волкова, представлен в этнометодологии (см., например, [5]). Он предполагает, «во-первых, необходимость замены объяснения детальным этнографическим описанием, не привносящим теоретических или идеологических категорий в исследуемые явления, и, во-вторых, обращение к так называемой “повседневности”, то есть

³ Этому посвящена действительно очень интересная и весьма теоретически солидная книга В. В. Волкова и О. В. Хархордина [4].

⁴ Правда, сторонникам теории практик, воспринимающим эти подходы и результаты по контрасту с высокого уровня абстракциями, с будто сошедшими с небес априорными универсалистскими матрицами структурализма, оторванными от исторической конкретики реальной жизни, первые кажутся верхом научной адекватности, точности и историзма. Тут — как не раз бывало и бывает в истории науки — ощущение свежести и продуктивности подхода рождает свои методологические мифы, иллюзии, превращенные формы видения и мотивации, ложные эпистемологические уверенности, т. е. всякого рода теоретико-методологические предрассудки. А они, в свою очередь, питают и поддерживают методологический оптимизм и даже энтузиазм апологетов, мешающий им видеть упрощенность собственного видения, поверхностность и, простите, банальность его «открытий». Парадоксальным образом простота и обыденность прагматически ориентированного сознания субъективно «оглядывается», опирается на образцы эпистемологической сложности, а сам прагматизм — на варианты высокой, «кастальской» неутилитарности и философичности (последователи теории практик называют в качестве источников своего подхода столь разные, но в равной мере сложные и непрагматические мировоззрения Хайдеггера и Витгенштейна [3]).

к типичным рутинным, непроблематичным и поэтому незамечаемым действиям, составляющим основную часть социальной жизни» [3, 13]. И, как одобрительно констатирует Волков, «последовательный, можно сказать, радикальный эмпиризм этнометодологии состоит в как можно более детальном описании всей совокупности действий, приемов, фраз, методов, разговоров, демонстрационных жестов и т. д., характерных для специфических институциональных контекстов: больниц, административных учреждений, научных лабораторий, судебных органов и любых других учреждений и сообществ» [Там же, 12].

Без эмпирического уровня нет научного познания любой реальности, спору нет. Внимательность к эмпирии и ее особенностям, выявление прежде незамеченного и/или остранение привычного, «примелькавшегося» тоже, несомненно, вещь полезная. Но необходимо первый уровень познания у неоэмпириков-прагматиков, похоже, превращается в последний и окончательный. Эмпирия у них сама себе становится теорией, и с этим трудно согласиться.

Кроме совершенно утопического намерения обойтись без общих понятий и структур, без по-настоящему теоретической = устремленной к всеохватному объяснению осмысляемой реальности концепции, у теоретиков практик видится еще ряд дискуссионных (а на мой взгляд, просто ошибочных) моментов. Так, они, по-моему совершенно безосновательно, отождествляют, ссылаясь на Витгенштейна, «скрытое из-за своей простоты и повседневности» и существенное/сущностное. Существенным ведь может быть и бывает как скрытое/неявное, так и вполне зримое, видимое. Тут, замечу, и авторитет Витгенштейна использован некорректно: великий философ всегда предельно точен в своих нетривиальных и глубоких выводах. Он-то явно различает (что видно из приведенной Волковым цитаты из «Философских исследований») «наиболее важные для нас аспекты вещей» и их «подлинные основания», т. е. причины [Там же, 13]. Когда же Волков интерпретирует Джона Сёрля, то он (возможно, сам того не замечая) фактически отходит от хвалимого им чистого эмпиризма, признавая глубокие теоретические основания понимания любой конкретики: «...понимание любого, даже самого элементарного высказывания всегда предполагает неявную отсылку к общедоступному массиву знаний о том, как устроена природа вещей и как “работает” данная культура» (курсив мой. — Л. З.) [Там же, 14].

В целом же истинное научное познание подразумевает логическое допущение, предположение и воссоздание сложного «набора» и взаимосвязей, т. е. *системы* всех существенных факторов реальности, какой бы степенью «прозрачности»/явленности они ни обладали. А вот с системным-то мышлением у радикальных эмпириков как раз явно не все в порядке, что подтверждает оценку их методологии как упрощения/редукции реальной сложности социокультурных явлений. Так, всегда сложная (многосоставная и многоаспектная) система различных бытийных отношений при познании конкретных явлений у «теоретиков практик» сводится к заимствованному у психологов и у сильно упрощенного контекстуального подхода отношению «фигуры и фона» (= идея так называемых «фоновых практик»). Другой, не менее характерный пример «постсистемного» (на деле, несистемного, досистемного) мышления «неоэмпириков-прагматиков». Отказываясь

от структуралистско-семиотических теорий, утверждавших доминирующую роль знаковых систем и/или воплощаемых ими идеологий, они противопоставляют семиотическому подходу (скорее, интуитивную, никак особо не доказываемую) идею доминирующей (в том числе определяющей понимание знаковых систем) роли культурных практик.

Аналогичным образом в выделенной паре «институты — практики» на первый план (в контрверзе с институционалистским подходом) выходят именно последние как определяющие характер институтов [3, 16]. Понятно, что ровно так же будут интерпретированы отношения практик с другими устойчивыми компонентами социокультурных систем: нормами, формами поведения, ментальностями, идентичностями, ценностями и т. п. На деле же (и это обстоятельство предполагает системный подход, требует его и учитывается им) все эти компоненты — часть целостной системы, называемой социокультурной. И это значит, что каждый из них: а) вносит свой вклад в существование, воспроизводство и развитие системы; б) взаимодействует с другими, влияя на них и испытывая их влияние; в) подчиняется — наряду с другими, включая практики, — системным закономерностям целого. И только постижение описанной системы (ансамбля элементов и отношений между ними, включая конкретную роль каждого) дает действительную картину реальной жизни системы, в том числе входящих в нее практик.

Сформулированное так очевидно и настолько, кажется, укоренено в общественном научном сознании, что даже напоминать об этом (о системности объекта и вытекающем из нее требовании системного подхода) неловко. Однако же, как и в случае теоретических оснований и конечных целей познания, теоретики практик в своей аналитической практике от всего этого отказываются, настаивая на своем самодовлеющем эмпиризме. В результате дерева изучаемого леса сосчитаны и описаны — лес как сложный системный объект остался непонятым (а вместе с ним и сами деревья).

Каково отношение к описанным явлениям и тенденциям в научном сообществе? Кто-то испытывает растерянность, переживая утрату общего, единства целей и смыслов. Кто-то пытается рефлексировать: разобраться, понять, в том числе критиковать. Но в целом этот «броуновский», он же «историко-архивный», мир бесконечных эмпирических Studies сам себя ценностно воспроизводит: утверждая как практически-поведенческую ментальную норму собственную самооценку и соответствующее ей самодовольство субъектов — как творцов, так и потребителей-игроков — с неизбежно присущей ему атрофией критической рефлексии. Для этой, последней, как и бывает в истории науки и культуры в целом, нужен и появится взгляд со стороны, извне. Взгляд иного генезиса. Возможная, необходимая и естественная платформа такого взгляда — теоретическая культурология и теоретическая социология с их базовыми философскими составляющими: философией культуры и социальной философией как методологической рефлексивной основой и идеальной программой системно-сущностного постижения важнейших измерений человеческого бытия. Только в интеллектуально-концептуальном, мировоззренчески-методологическом единстве с ними получают подлинное познавательное и понимающее завершение и оправдание любые социогуманитарные

эмпирические исследования: Cultural Studies и все прочие Studies, социологические опросы, методология «социальных практик», «социология вещей», как и всякая другая конкретная социогуманитарная наука.

Теоретическая культурология и теоретическая социология должны помочь конкретным социогуманитарным наукам «выправить курс», выведя штурвал нашего общего корабля из крайнего (и тем невыгодного, если не опасного) положения. В сложном мире для успеха в познании и практике нужна тонкая и мудрая культура навигации и кораблевождения — культура лавирования между крайностями и обхода рифов — методологических соблазнов любого рода, культура, говоря словами Ломоносова, «сопряжения далековатых идей».

-
1. *Артемченко Т. Ю.* Проблема оснований эстетической чувственности в современной французской философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014.
  2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
  3. *Волков В. В.* О концепции практик(и) в социальных науках [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/1217/002.volkov.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
  4. *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб., 2008.
  5. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
  6. *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011.
  7. *Дмитриев Т. А.* Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
  8. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013.
  9. *Закс Л. А.* К самоопределению культурологии и нашим дискуссиям о ней // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. ст., посвящен. 80-летию Э. С. Маркаряна. СПб., 2010.
  10. *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры : в 2 кн. СПб., 2000.
  11. *Ло Дж.* После метода: Беспорядок и социальная наука. М., 2015.
  12. *Чубаров И. М.* Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М., 2014.
  13. *Эткинд А. М.* Введение // Культуральные исследования : сб. науч. работ. СПб., 2006.
  14. *Ямпольский М.* «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М., 2010.
  15. *Giddens A.* The Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives. N. Y., 1999.
  16. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

Рукопись поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

УДК 128 + 141.131 + 27-18

С. П. Пургин

ДУША В ПЛАТОНИЗМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ, ИЛИ О ЧЕМ ГОВОРИТ ОДНО ТРУДНОЕ МЕСТО У ПЛАТОНА («ФЕДР», 246b6-c7)

Статья посвящена разбору и интерпретации фрагмента 246b6-c7 диалога Платона «Федр». Автор стремится показать, что за неясностью словоупотребления в данном фрагменте стоят важные особенности понимания души в античном платонизме. Эти особенности позволяют усомниться в близости платонических и христианских («атомистических», согласно Ницше) представлений о душе.

Ключевые слова: душа, платонизм и неоплатонизм, христианское понимание души, единая душа, единичная душа.

Разбор «трудного места» в одном из самых известных платоновских диалогов требует, пожалуй, некоторого вступительного слова или пояснения. «Пояснением» нам послужит решительное высказывание Ницше в первом отделе его книги «По ту сторону Добра и Зла». Ницше борется в нем (что видно из названия!) с «предрассудками философов», европейских философов. Один из таких «предрассудков», по Ницше, — атомистическое представление о реальности или, точнее говоря, претензия представить реальность в виде совокупности отдельных сущностей, «атомов». Но наряду с уже преодоленным в естествознании атомизмом материи еще существует, считает Ницше, иной атомизм, «атомизм душ». Тот атомизм, которому *«успешнее и дольше всего учило христианство* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — С. П.): «Да позволено будет назвать этим словом веру, считающую душу за нечто непреходящее, вечное, неделимое, за монаду, за *atomon*: эту веру надо изгнать из науки! Между нами говоря, при этом вовсе нет надобности освобождаться от самой “души” и отрекаться от одной из старейших и достойнейших уважения гипотез, к чему обыкновенно приводит неискренность натуралистов, которые, как только прикоснутся к “душе”, так сейчас же и теряют ее» [3, 26–27].

Ницше, как известно, связывает эту веру в ее истоках с философией Платона. Он даже прямо заявляет в той же самой книге, что христианство есть не что иное,

как «платонизм для “толпы”» [3, 3]. Задача, стало быть, для Ницше — именно в борьбе с платонизмом... Взгляды Ницше в данной статье вовсе не являются предметом нашего непосредственного интереса. Отождествление Ницше платоновского и христианского представления о душе служит введением к рассмотрению нашей собственной проблемы. Мы вправе усомниться, действительно ли христианское представление о душе столь близко платоновскому или неоплатоническому представлению. Мы говорим, конечно, не о христианском платонизме или неоплатонизме, но о самом древнем, исконном, «языческом», который стоял у истоков всей многовековой платоновской традиции в европейской и мировой философии.

Но как надо, собственно, понимать «атомизм душ», о котором говорит Ницше? Латинский перевод греческого слова *ἄτομος* — *individuum*, «неделимое», «неделимая частица», «неделимое тело». «Атомизм душ» есть не что иное, как представление о том, что душа — «*индивидуальна*». Это значит, что она принадлежит исключительно данному единичному и телесному существу, «*индивиду*». Эта душа, источник моей жизни и моей внутренней жизни, принадлежит именно мне. Это *моя душа*. Между моей душой и душой другого человека («твоей») нет общей онтологической границы. У души, как у лейбницевской монады, нет окон. Мы общаемся друг с другом через пропасть нашей экзистенциальной разъединенности. В сущности (как в монадологии Лейбница), только благодаря чудесному присутствию Бога. Вот что прочитывается в решительной и жесткой ницшевской квалификации христианских представлений о душе именно как «атомистических».

По христианским представлениям, душа творится Богом в тот самый момент, когда творится (рождается) сам человек. Душа, таким образом, принадлежит исключительно данному человеку, данному индивиду. Предсуществование души, ее существование и ее история до рождения отрицаются. Появление представлений о предсуществовании у авторов, исповедующих христианские взгляды, объясняется влиянием платонизма или иных мистических учений, чуждых христианской доктрине. Так, о предсуществовании часто пишут поэты, которым тесно в рамках известной церковной доктрины. Можно вспомнить бодлеровский сонет «*La vie antérieure*» («Предшествующая жизнь») или поэтический цикл Вячеслава Иванова «Песни из лабиринта»... Все это давно уже утверждено и закреплено учителями веры в сочинениях, признанных авторитетными в обеих Церквях. Так, в знаменитом христианском катехизисе «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина (VIII в.) говорится: «...тело и душа сотворены в одно время; а не так, как пустословил Ориген, что одна прежде, а другое после» [2, 151–152]. Ориген упоминается автором как богослов, который, будучи христианином, но находясь под влиянием Платона, учил о предсуществовании душ...

Вернемся к нашей проблеме. Разве философия античного платонизма или неоплатонизма (начиная с Плотина) не связывает душу с отдельным человеком — так же, как связывает душу с телом и человеком доктрина христианства? Разве, несмотря на существование у Платона мировой души (см. диалог «Тимей»),

отдельные души здесь не принадлежат, по крайней мере в течение каждого жизненного цикла, живым существам, отдельным людям? Разве каждый индивид не вправе сказать об источнике жизни в нем, что это *его* душа?

Вопрос при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не таким простым. Оговоримся сразу: речь не пойдет здесь о неоплатонической диалектике единой души и единичных частных душ. Этот сложный вопрос потребовал бы совсем иного объема усилий и времени. К тому же он не раз уже становился предметом анализа в мировой и отечественной литературе по неоплатонизму (см., к примеру, старую книгу П. П. Блонского «Философия Плотина», в особенности главу 2, 5 «Душа», не утратившую значения по сей день [1, 146–178]). Наша задача более простая: обращаясь не к позднему платонизму, а к самому Платону, показать, что у него (в первую очередь у него!) эта «индивидуальная» душа в гораздо большей степени относится к миру, чем к отдельному человеку. Собственно говоря, задачи, которые мы перед собою ставим, еще проще. Нам хотелось бы показать, что некоторые известные трудные места платоновских диалогов можно было бы понять из тех особенностей древнего платонизма (в первую очередь тех, что касаются души), которые отделяют его от общехристианских представлений.

В платоновском «Федре», во «второй речи Сократа», есть примечательное место, в котором Сократ, только что доказав бессмертие души, представляет, как душа эта существует в мире. Вряд ли читатель, который знакомится с платоновским творением только по переводу, догадывается, что это место — камень преткновения для переводчиков и интерпретаторов Платона. Читатель внимательный, впрочем, не может не заметить противоречия — внутреннего парадокса — именно в той картине, которая здесь нарисована Сократом. Приведем это место (246b6–c7) по единственному в своем роде изданию «Федра» (издательство «Прогресс»), где перевод А. Н. Егунова дан в редакции Ю. А. Шичалина: «Надо попытаться сказать и о том, в каком смысле живое существо называется смертным и бессмертным. Душа — вся — опекает все то, что неодушевленно, распространяется же она по всему небу, принимая всякий раз разные виды. Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром в целом; если же она теряет крылья, то носится, пока не соприкоснется с чем-нибудь твердым, — тогда она вселяется туда и получает земное тело, которое вследствие ее силы кажется движущимся само собой. Живым существом и была названа такая совокупность — сплоченные вместе душа и тело, и оно получило прозвание смертного» [4, 26].

Начнем со смыслового или концептуального противоречия, о котором сказано выше. Невозможно не натолкнуться на него, не заметить. О *какой* душе идет речь в приведенном выше фрагменте «Федра»? О единичной, той, служба и дело которой — давать жизнь телу, отдельному существу? О душе «индивидуальной»? Очевидно, что при таком предположении мы сталкиваемся с трудностью. Разве может отдельная душа «распространяться по всему небу» (πάντα... οὐρανὸν περιπολεῖ), «править всем миром (или: устраивать весь мир)» (πάντα τὸν κόσμον διοικεῖ)? Тогда речь идет о «мировой» или «вселенской душе»? Но при этом предположении невозможно объяснить, как душа может терять крылья и вселяться

в «земное тело». Очевидно, единичное живое существо, «смертное», не может вмещать в себя душу всего мира?

Быть может, дать правильный перевод и правильно понять это место можно, просто разобравшись в языке, в словоупотреблении? Увы, нормы и правила греческого языка не позволяют дать определенный и окончательный ответ, понять это место тем или другим образом. Ключевым выражением, конечно, является сочетание слов *ψυχή πάσα*. Важно понять значение *πάσα*. Это прилагательное может означать «всякая, любая». Но оно может значить и «вся целиком, целая». Последнее значение в контексте всего высказывания означало бы, что речь идет о «всецелой», «вселенской» душе (так понял это место, как будет сказано ниже, переводчик А. Н. Егунов). В древнегреческом языке существуют известные правила, сообразуясь с которыми мы могли бы решить, какое значение *πάσα* следует предпочесть. Важно наличие или, напротив, отсутствие артикля при определяемом существительном (в данном случае это существительное — «душа», *ψυχή*). В случае наличия артикля при существительном следовало бы переводить «целая душа», «вся (вселенская) душа» — единая. В случае его отсутствия: «всякая» — единичная. Беда в том, что в греческом при наличии твердых правил, немало и исключений, а в этом случае было бы точнее сказать — нюансов... Артикль может и опускаться, говорят руководства, в особенности тогда, когда подразумевается значение «совершенно весь», «совершенный». Таким образом, мы вновь оказываемся наедине с мыслью как таковой — языковые правила сами по себе не помогают.

А. Н. Егунов, как мы знаем из комментария редактора и издателя «Федра» Ю. А. Шичалина, перевел *ψυχή πάσα* как «Вселенская душа». С этим переводом не согласны редакторы четырехтомного собрания сочинений Платона А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи. В этом, основном на сегодняшний день, отечественном издании текстов Платона «Вселенская душа» Егунова исправлена на «всякую душу». Но поскольку разъяснения к данному месту комментаторы не дают, то читатель и не знает, как быть с указанным выше бросающимся в глаза противоречием... На наш взгляд, более удачно решение Ю. А. Шичалина, редактора издания «Федра» в издательстве «Прогресс» (1989). Он заменил «Вселенскую душу» Егунова на «*Душа — вся — ...*», выделив с помощью тире слово «вся». Если мы правильно понимаем замысел редактора-переводчика, идея состоит в том, чтобы воспроизвести в переводе ту неясность, в первую очередь языковую, а затем и смысловую, которая есть в оригинальном тексте. Действительно, неясность и как бы размытость смысла у Платона повторена в переводе с большой точностью. Ведь «душа — вся — » может пониматься по-разному. Она может означать и «вселенскую душу», а может и «всякую». Но «всякую», единичную, постольку поскольку эта последняя берется *целиком, вся*, т. е. рассматривается в своем совершенном качестве...

Редактор перевода Ю. А. Шичалин так комментирует свою «поправку»: «Решаюсь исправить “Вселенская душа” А. Н. Егунова на “Душа — вся — ...”, то есть во всех своих проявлениях, какова бы она ни была, — опираясь на Плотина, согласно которому все души суть проявления единой, и с оглядкой на перевод Л. Бриссона (“*Tout ce qui est âme*”)» [4, 84]. У основателя неоплатонизма Плотина

(Зв. н. э.) в «Эннеадах» есть место, где он комментирует интересующую нас «апорию». Он объясняет ее так: «...поэтому он (Платон. — С. П.) говорит, что также и наша душа, если окажется вместе с той совершенной, то и сама, приобретя совершенство, “парит в вышине и управляет всем миром”...» [5, 233]. Итак, согласно Плотину в трактате IV 8, «О схождении душ в тела», Платон имеет в виду единичную душу, но в совершенном ее состоянии, тогда, когда она связывает себя с единой общей душой.

В первую очередь нам представляется принципиально важным отметить у Платона *неясность*. Нельзя просто отмахнуться от нее, сразу, с ходу предложив решение «апории». Ибо неясность эта не случайная. Она не результат внезапной неумелости или ошибки. За ней что-то кроется. Это «что-то» напрямую касается особенностей понимания души в самых истоках традиции — у Платона. Подчас бывает, что некоторые нюансы в словоупотреблении, недоговоренности, обмолвки говорят более глубокое, нежели иные округленные определения или продуманные построения. «Неясности» говорят яснее? Это может показаться сомнительным парадоксом, но ведь часто бывает так! Любое понятийное определение или дискурсивное развертывание вопроса в нашем случае предполагало бы рассмотрение связи единой и единичной души. Оно, следовательно, предполагало бы их «диалектику». Но диалектика, если позволено здесь будет перефразировать Достоевского, зачастую оказывается «палкой о двух концах»...

(Стремясь учесть все случаи, нельзя не заметить, что точно такое же выражение — $\psi\upsilon\chi\eta\ \pi\acute{\alpha}\sigma\alpha$ — появляется в диалоге во фрагменте, который идет непосредственно перед интересующим нас, тем, где описывается судьба души и ее «страсти»: утрата крыльев, падение, вселение в тело. Ранее же Сократ доказывал бессмертие души. Выражение $\psi\upsilon\chi\eta\ \pi\acute{\alpha}\sigma\alpha$ составляет основу тезиса, подлежащего доказательству: $\Psi\upsilon\chi\eta\ \pi\acute{\alpha}\sigma\alpha\ \acute{\alpha}\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$, «Всякая душа бессмертна» (4, 25). Но здесь уже ничто не препятствует нам перевести $\pi\acute{\alpha}\sigma\alpha$ как «всякая», ибо тезис о бессмертии равным образом может быть отнесен как к общей душе, «вселенской», так и к единичной. Бессмертна действительно «всякая» — не только единая («вселенская»), но и единичная душа. Здесь обе редакции перевода А. Н. Егунова — редакция Ю. А. Шичалина и редакторов собрания сочинений Платона — совпадают.)

Итак, о чем же говорит нам указанная выше неясность — «размытость смысла» — во фрагменте 246b6-c7 платоновского «Федра»? Представим себе не атомистическое (согласно приведенному выше слову Ницше), но *иное* представление о душе — такое, в котором сразу, с самого начала, предполагалась бы связь данной души со всякой другой душой, с *миром* душ. Это такое представление о душе, которое бы совершенно исключило ее изолированность, ее экзистенциальное одиночество. Такое, при котором, каждая единичная душа, находясь еще в своих собственных пределах, касалась бы другой души. Если душа — это вовсе не полюс индивидуального, единичного, а полюс общего... Она сама по себе и даже до всякого «переселения» сразу принадлежит миру. (Метемпсихоз — следствие, вторичное выражение «мирности» души.) Поскольку это так, то очень легко представить себе *такое высказывание* о душе, в котором вовсе не различается или отчетливо не выделяется, о какой душе идет речь: единичной или единой. Автор может

говорить о душе вообще, обо всем том, что есть душа, не разделяя, принадлежит ли это частной душе или вселенской (см. выше в комментарии Ю. А. Шичалина к редакции перевода Егунова французский перевод того же места из «Федра» Люка Бриссона: «все то, что есть душа»). Действительно, если все души суть одна душа (Плотин), то тогда есть такая точка или такой момент этой связи, когда я не в силах сказать, какая душа подразумевается — единая или единичная, когда происходит превращение или переход одной — в другую, и наоборот...

Выше уже говорилось о том, как именно разрешает вольную или невольную «апорию» платоновского «Федра» Плотин, мыслитель, с которым обычно связывают начало неоплатонической традиции в Античности. Толкование Плотин, философом, которого мы с большим правом могли бы назвать главным наследником Платона в Античности, принципиального для понимания учения о душе места, разумеется, очень важно и не может не быть принято во внимание. Но не менее важно и то, что у него самого в одном из самых веских по содержанию трактатов «Эннеад» встречается почти буквальное воспроизведение той же самой смысловой и языковой «апории»! Речь идет о начале второй главы трактата V, 1, «О трех изначальных субстанциях». Приводим это место в нашем собственном переводе: «Пусть поймет всякая душа, во-первых, то, что это она сама создала все живые существа, вдохнув в них жизнь, — те, что кормит земля, и те, что (кормит) море, и те, что в воздухе, и те, что в небе, божественные светила. Она сама и солнце и огромное это небо и создала и обходит по порядку, будучи сама иной сущностью по отношению к тому, чему дает жизнь, что устраивает и движет. Следовательно, она по необходимости более достойна, чем (все) это — то, что рождается и умирает, когда она дает (ему) жизнь или (напротив) оставляет его. Она же сама существует вечно, поскольку никогда не оставляет саму себя...»

Место это также было камнем преткновения для переводчиков и интерпретаторов. Причина — очевидное противоречие, схожее по смыслу (и по языку!) с тем, которое выше разбиралось нами у Платона. К какой душе обращается философ в данном пассаже: «Ἐνθυμείσθω τοῖνυν πρῶτον ἐκεῖνο πᾶσα ψυχή...» [7, 186] («Пусть поймет всякая душа, во-первых, то...»)? Чья душа должна именно «понять» или «припомнить» то, что следует ей припомнить? Разумеется, душа единичная, душа *этого* конкретного человека, *моя душа*. Это следует из всего контекста сочинения: в первой главе говорилось о том, как души забывают своего отца (то есть Ум), и о том, что необходимо сделать, чтобы они вернулись к нему, вспомнили его. Вторая глава продолжает развивать эту мысль: чтобы вернуться, душа (*каждая* душа!) должна вспомнить собственное величие, «понять», «осознать» (ἐνθυμείσθαι), что это она сама (αὐτή) создала (ἐποίησε) космос... и т. д. Получается, что это индивидуальная душа, душа отдельного человека, творит и оживляет весь видимый мир?

Первый русский переводчик данного трактата Г. В. Малеванский (перевод был выполнен в 1898–1900 гг.) не решается последовать такой вытекающей из всей логики мысли (и верной буквальному значению местоимения αὐτή — «сама») интерпретации. В его переводе мы читаем: «Вот что прежде всего да будет известно всякой душе: душа универсальная, или мировая, произвела все живые существа, вдохнув в них жизнь, — и тех животных, которые питает земля, и тех, которые

живут в море и в воздухе, она же произвела божественные звезды и солнце, да и всю красоту форм необъятного неба (! — *С. П.*), она же установила и поддерживает во всем закономерный порядок; но сама она совсем иной, несравненно высшей природы, чем все то, что она производит, благоустраивает, чему сообщает движение и жизнь, ибо, между тем как все это то нарождается, то умирает, смотря по тому, дает ли она жизнь или отнимает, сама она существует вечно, не умаляясь в своей жизни» [6, 54]. Оставим в стороне характер перевода Г. В. Малеванского (в нем едва ли не вполнину больше слов, чем в оригинальном тексте; стиль его, решительно литературный, изящный, коренным образом различается со стилем Плотина). Переводчик, произвольно добавляя «душа универсальная, или мировая» и, наоборот, исключая местоимение αὐτή, «сама», различает душу, которая «осознает» себя и свое достоинство, и душу, которая «творит». Первая — душа индивидуальная, единичная, вторая — душа вселенская, единая. Он и дальше в своем переводе всюду вставляет от себя необходимое, чтобы «развести» единую («универсальную») и единичную душу. Ясно, что логическая нить, связывающая первую и вторую главы трактата, оказывается оборванной. Мы понимаем, почему это происходит. Действительно, очень трудно отважиться и честно признать наличие принципиального парадокса: как может единичная душа, душа смертного человека, «творить весь космос»? Очевидно также, что Г. В. Малеванский не связывает то место из трактата IV, 8 «О схождении души в тело», о котором упоминалось выше, где Плотин дает свое решение «апории» Платона, с трактатом V, 1, который он переводит сам.

Нет сомнения, что то, что Плотин предлагает в качестве решения «апории» Платона, в полной мере относится к логике его собственных рассуждений. Под *πάσα ψυχή* (прилагательное здесь предшествует определяемому существительному, что дела не меняет) Плотин понимает единичную душу, единичную, но лишь постольку, поскольку она «вспоминает свою родину», возвращается к единой, мировой душе и богу-Уму. Она — единичная душа — творит, устраивает, оживляет космос, но лишь тогда, когда находится в совершенном состоянии, т. е. тогда, когда она связана и действует вместе с душой всего мира.

Заметим, однако, что решение и само использование Платином «апории» Федре носит вполне отчетливый, осознанный, рациональный характер. Чего вовсе нельзя сказать о Платоне. Платон нигде не дает рационального объяснения тому парадоксальному сведению в общей картине существования души, как она нарисована Сократом, образа единой души с образом души единичной. Знаменитая диалектика «Тимея» в счет, разумеется, не идет. Напрашивается вывод, что для самого Платона это нечто само собой разумеющееся, и, как всякое «само собой разумеющееся», оно лишь отчасти подлежит рефлексии и рационализации.

В становлении философского учения следовало бы различать исходный его момент, скрытую иногда от внешнего взгляда, а иногда отчасти и от самого автора, не всегда отчетливо сознаваемую интуицию — и то, что раскрывается и развертывается в самом учении. То, что выговаривается в этом трудном для перевода и отчасти темном по смыслу месте диалога «Федр», относится, несомненно, именно к этим исходным интуициям, отправным точкам учения Платона и всей древней

платоновской традиции. Мы по-своему пытались описать это выше как мирность души, ее онтологическую связь с иными сущностями-душами... Душа — индивидуальная — оказывается в своей индивидуальности принадлежащей миру. Если это и можно сравнить с человеческим состоянием, как его описывает христианская доктрина, то разве только с тем состоянием, которое имело место до грехопадения (о котором — по понятным причинам — мы почти ничего не можем сказать)... Очевидно, что в этих отправных точках античный платонизм и неоплатонизм как нельзя более далек от тех представлений, которые Ницше квалифицировал как «атомизм душ».

1. *Блонский П. П.* Философия Плотина. М., 2009.
2. *Дамаскин И.* Точное изложение православной веры. М. ; Ростов н/Д, 1992.
3. *Ницше Ф.* По ту сторону Добра и Зла: Прелюдии к философии будущего. СПб, 1905.
4. *Платон.* Федр. М., 1989.
5. *Плотин.* Трактаты 1–11. М., 2007.
6. *Плотин.* Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995.
7. *Plotini Opera. Enneades IV–V.* P. ; Bruxelles, 1951.

Рукопись поступила в редакцию 20 марта 2015 г.

УДК 81:1 + 141 + 81'06

В. А. Сухарева

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ СТРУКТУРНОГО ЕДИНООБРАЗИЯ ЯЗЫКА, РЕАЛЬНОСТИ И СОЗНАНИЯ ПОСЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Статья посвящена возникшей после лингвистического поворота проблеме структурного единообразия языка, реальности и сознания. Показано, как язык в рамках структуралистской и аналитической традиций постепенно занимает место предельного онтологического основания корреляции и структурного единообразия бытия и мышления. Критика данной позиции представлена с опорой на аргументы философа-постмодерниста Ж. Деррида, основной тезис которого можно сформулировать так: структурное единообразие языка, реальности и сознания либо отсутствует, либо случайно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: структурное единообразие языка, реальности и сознания, язык, реальность, сознание, лингвистический поворот, структурализм, аналитическая философия.

Завершился XX в., который вывел на философскую сцену философию языка, структурализм и постмодернизм. Именно эти течения можно считать основными вехами в развитии философии после лингвистического поворота.

Термин «лингвистический поворот» описывает ситуацию, сложившуюся в философии в начале XX в. В широком смысле ее можно рассматривать как

переход от традиционной метафизики к неклассической философии, которая в классический спор между материей и духом вводит новый аргумент — язык.

В рамках лингвистического поворота философами была сделана попытка дать принципиально новое решение проблемы корреляции между бытием и мышлением с помощью введения опосредующего термина — языка, который занял место нового предельного онтологического основания их структурного единообразия. Однако, несмотря на видимость успеха предложенного решения, оно, как мы стараемся показать в нашей статье, оказалось неудачным. Проблема корреляции между бытием и мышлением с введением третьего термина трансформировалась в более сложную и фундаментальную проблему оснований корреляции (или структурного единообразия) между бытием, мышлением и языком. Эту проблему можно сформулировать иначе: почему мы можем говорить о единообразии структур языка, мышления (сознания) и бытия (реальности) и почему именно язык необходимо рассматривать в качестве предельного онтологического основания? Данная проблема стала очевидной только в конце XX в., и, как представляется, именно она легла в основу такого философского направления, как постмодернизм (постструктурализм).

Язык и реальное

Искать ответ на вопрос «Что первично: бытие или сознание?» в сфере языка в ретроспективе начал еще Кант. Здесь в первую очередь необходимо упомянуть кантовское положение о том, что существование не есть общее свойство всех существующих вещей и что поэтому сущее не есть общий род, определяемый этим свойством. Здесь философы-аналитики видят принципиальный момент в развитии онтологии, поскольку это кантовское положение постулирует разрыв с традиционной онтологией как наукой о «сущем как таковом» и провоцирует вопрос о самом содержании слов «быть» и «существовать»: являются ли они настоящими дескриптивными предикатами? Ответ: определенно нет, поскольку, по Канту, существование вещи ничего не прибавляет к ее определенности. Следовательно, «логически невозможно построить содержательное понятие сущего как такового» [3, 208].

Также интересно в данном ключе кантовское понимание категорий: категории — это «суть понятия о предмете вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как определенное с точки зрения одной из логических функций суждения» [8, 189], т. е. категории суть наиболее общие функциональные классификации элементов *суждения*. Именно на эти положения философии Канта делают основной упор представители аналитической традиции, которые в начало координат философии ставят именно логику, решая с ее помощью в том числе и онтологические проблемы. Современный аналитик вообще ничего не утверждает о действительности, скорее он утверждает что-то об утверждениях о действительности. Соответственно, в плане методологии, основополагающей дисциплиной для него будет философия языка, или формальная семантика. Таким образом, «онтология, как учение о сущем вообще и о категориях как

наиболее общих определенностях сущего, полностью транспонируется в формальную семантику» [3, 215]. Мы видим, как язык, будучи конститутивным по отношению к тем категориям и понятиям, с которыми мы подходим к описанию действительности, становится «априорным условием возможного опыта» [Там же, 206]. Таковы основные методологические установки аналитической философии, которые кратко выражены в известном афоризме У. Куайна «Онтология повторяет филологию».

Похожие процессы «переворачивания с ног на голову» происходили во Франции в рамках уже совсем других традиций: традиций структурализма и, частично, постмодернизма. Фундаментальной переоценке подвергались категории языка и реальности в целом ряде работ французских философов XX в., и можно выявить определенную эволюцию этих концептов. Известно, что облик французской философии XX в. сформировался под значительным влиянием лингвистики; и здесь мы имеем в виду в первую очередь *структурализм*, который опирался на методы структурной лингвистики, разработанной известным лингвистом Ф. де Соссюром. (Можно даже сказать, что структурализм есть не более чем весьма плодотворный метод, который успешно выдают за «некую философию, видение мира, онтологию» [11, 9].) В общем смысле структурализм можно определить как поиск единого глубинного кода реальности, который иначе обозначается термином «структура». Успех данного метода в гуманитарных науках, таких как сравнительная этнология, антропология, лингвистика, искусствоведение и др., стал основанием для естественного стремления построить с его помощью строго научную философию. Структура, описываемая как последняя и наиболее глубинная, является таковой только как временный рубеж, которого достигло познание; и соответственно регресс от кода к метакоду, от менее глубинной структуры к более глубинной оборачивается постулированием некоего ядра всех уровней поверхностных структур, «зародыша всех возможных кодов, Кода Кодов, Пра-Кода или, лучше, Пра-Системы... некоего потаенного начала» [Там же, 16]. Такой Пра-Системой, представляющей собой истинную Структуру реального, у структуралистов становится Язык.

Легче всего это будет показать, если вернуться к эволюции представлений о языке и реальности в рамках структурализма.

1. Сначала структурная лингвистика становится методологическим основанием структурализма, что уже требует признания некоего изначального, принципиального подобия языка и всех тех явлений, которые становятся объектами структуралистских теорий, признания того, что между структурой языка и структурами реальности есть некое сходство. Говоря иначе, допускается, что язык и реальность могут быть описаны одним и тем же способом.

2. Затем, постепенно, язык перестает служить структуралистам в качестве источника методологических схем и становится «метафорой для обозначения некоего общего принципа упорядочения, сорасчленения и взаимосоизмерения тех продуктов культуры, которые в готовом виде кажутся несоизмеримыми» [1, 11], что мы особенно хорошо можем наблюдать у Р. Барта и М. Фуко. Они рассматривают язык и языковую деятельность как условие познавательного отношения

к реальности. Таким образом, между языком и реальностью выстраиваются отношения иерархии, и на вершине этой иерархии оказывается язык.

3. В конечном счете методологическая установка окончательно трансформируется в онтологическое допущение: оказывается, что всякая реальность — это не что иное, как эффект языка. Об этом, например, говорит Ж. Бодрийяр в своей ранней концепции знаков: языковой знак создает «мираж референта» [2, 210]. В этом смысле само понятие реальности теряет свой смысл, поскольку обозначает пустой искусственный конструкт.

Таким образом, мы видим, что Сущность, или Истина, реальности в обеих представленных традициях выносятся за ее пределы — а именно в язык.

Язык и сознание

Лингвистический поворот отразился и на современных философских теориях сознания, в которых, начиная с психоанализа, осуществлялся кардинальный пересмотр оснований и методов исследования. Представители психоанализа, и вслед за ними структурализма, инспирируют так называемую «смерть субъекта». Данный термин вошел в философский оборот после работ Фуко его «археологического периода» и впоследствии получил свое развитие у других философов-структуралистов, в частности, у Р. Барта (у которого он трансформировался в термин «смерть автора»). Данный термин обобщает тенденции постепенного и последовательного расшатывания монолитности субъекта, деформации понимания субъекта как стабильного и однозначно централизованного носителя чистой когнитивной рациональности.

Проблематизация феномена субъекта, в рамках структуралистского метода поиска изначального (или конечного) Кода Кодов, оборачивается поиском глубинной структуры сознания, опосредующей любые его проявления. В концепции структурного психоанализа, одним из главных создателей которой является Ж. Лакан, такой структурой становится структура бессознательного. Исследуя способы манифестации бессознательного, Лакан сводит структуры бессознательного к структурам языка, и тем самым сознание, как функция бессознательного, становится функцией языка (дискурса): «Означающее доминирует над субъектом», — пишет Лакан [11, 419]. Показывая, что бессознательное структурировано как язык и что именно оно (бессознательное) представляет собой действительный центр, вокруг которого структурируется рациональный субъект с его сознанием, Лакан онтологизирует язык, наделяет его статусом той самой Последней Структуры или Первопринципа.

Англо-американская философия также предлагает свой вариант философии сознания, который во многом носит классический характер, продолжая традиции Декарта и Гуссерля. В рамках этой философии сознания решаются психофизическая проблема (проблема соотношения физического и феноменального миров), проблема квалиа, проблема искусственного интеллекта и т. п. Из перечисленных проблем именно для решения проблемы искусственного интеллекта используются символические системы. Попытка создать модель сознания, представленного

в качестве компьютерной программы, т. е. некоторой символической системы, имеет в основании допущение, согласно которому между языковыми (здесь мы намеренно расширяем понятие языка) структурами и структурами сознания есть некоторые отношения причинности или обусловленности. Здесь интересно было бы обратиться к Сёрлю и его программной работе «Сознание, мозг, наука». Его позиция носит весьма умеренный, взвешенный характер. Так, он воздерживается от крайнего взгляда, согласно которому «мозг является цифровым компьютером, а сознание — программой» [9, 17]. С точки зрения Сёрля, программа не может стать сознанием, если она носит только формальный или синтаксический характер. Иными словами, согласно Сёрлю, сознание «семанлично», т. е. обладает неким ментальным содержанием или неким смыслом.

Однако можно показать, что в принципе возможно такое оперирование языком, при котором семантика в конечном счете полностью растворяется в синтаксисе, в бесконечном растягивании дискурса, что и происходит у Пола и Патриции Черчленд в их статье «Может ли машина мыслить?». Они, на примере мысленного эксперимента светящейся комнаты, демонстрируют несостоятельность используемого Сёрлем в качестве исходной аксиомы утверждения, что синтаксис сам по себе не составляет семантику и его недостаточно для существования семантики: «Колебания электромагнитных сил представляют собой свет, хотя магнит, который перемещает человек, не производит никакого свечения. Аналогично манипулирование символами в соответствии с определенными правилами может представлять собой разум... Хотя китайская комната Сёрля и может показаться “в семантическом смысле темной”, у него нет достаточных оснований настаивать, что совершаемое по определенным правилам манипулирование символами никогда не сможет породить семантических явлений» [10]. Кроме того, отсутствие строгой границы между синтаксисом и семантикой проявляется уже и в так называемом парадоксе Фреге: «для каждого из своих имен язык должен содержать некоторое имя для смысла этого имени» (формулировка Ж. Делеза, см. [4, 45]).

Истина сознания, таким образом, тоже выносится за пределы самого сознания — в язык.

Различение и новая философия

Так выглядят основные итоги лингвистического поворота, произошедшего в XX в. И кажется, что наконец в философии установилось какое-то подобие согласия. Однако насколько правомерно выстраивать онтологию и психологию именно вокруг языка как условия их возможности? Можем ли мы осмысленно утверждать, что и сознание, и реальность структурированы, как язык, который в этом случае приобретает характер некоей абсолютной непрерывной тотальности?

Интересный ответ на этот вопрос дает один «смутьян» по имени Жак Деррида. Начиная с критики структурализма и вскрывая его внутренние противоречия, он приводит его к логическому завершению. Он показывает, что регресс от структуры к метаструктуре становится бесконечным и что Пра-Структура, или Код Кодов, всегда остается недостижимым, бесконечно удаляющимся, всегда изначально

отсутствующим. Исследуя язык и его структуру, он приходит к выводу, что и сущность самого языка лежит где-то «по ту сторону», вне его самого, в некоей области «по ту сторону», которую Деррида называет «различием (архи-письмом)».

В качестве рабочего определения различия можно взять следующее: «то, что пишется “различие”, будет, следовательно, движением *игры*, которая “производит”, не являясь просто деятельностью, эти различия, эти следствия различия» [6, 181]. Различие — это то движение, благодаря которому всякий код, в том числе и язык, «конституируется как ткань различий» [Там же, 182]. Различие делает возможным движение значения. Но кто, спрашивает Ж. Деррида, является субъектом различия, «что различает? кто различает?» [Там же, 186]. Стоит ли за различием вещь или некий «безмолвный субъект» [7, 220]? Является ли различие онтологическим или психологическим принципом? Ответ на эти вопросы должен быть отрицательным: нет никого, кто бы различал, и нет ничего, что было бы основанием для различия. Различие должно рассматриваться как исходящее из того, что никогда не присутствовало. Различие отмежевывается от онтологии. «Различие не есть. ... Оно ничем не управляет, ни над чем не царствует, нигде не употребляет никакой власти» [6, 196]. Более того, всякая онтологическая проблематика, включая представление о смысле и об истине бытия, должна рассматриваться как эффект, производимый движением различия. «Различие, некоторым и очень странным образом, (есть) нечто более «старое», чем онтологическое различие или истина бытия», — пишет Деррида [Там же, 197].

Различие — это *доонтологическое, внелогическое и внепсихологическое*, всегда уже стертное условие возможности всякого различия, всякой определенности, всякой структуры, и в том числе, конечно, структур языка, реальности и сознания.

Различие, понимаемое как момент неопределенности всякой структуры, есть вместе с тем и точка пересечения всех структур. Именно в эту точку проецируется воображаемое «начало» всякой структуры. Иначе можно сказать, что различие есть не только условие возможности той или иной структуры, но и условие связанности всех структур или, говоря точнее, условие единообразия всех структур.

Несмотря на заявление об отсутствии центра всех структур (или структуры всех структур), Ж. Деррида допускает сохранение *функции* центра в отсутствие самого центра: «надлежало прийти к мысли, что центра просто нет, что центр не может быть помыслен в форме некоего присутствующего сущего, что центру нет естественного места, что он является не определенным местом, а *функцией*, в своем роде неуместностью, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков» [5, 354]. Иными словами, снятие онтологической связи между структурами не влечет за собой снятия функциональной связи между ними. Деконструкция одновременно осуществляется и не осуществляется.

Рассмотрим, в каком смысле деконструкция оказалось необратимой и в каком смысле мы можем постулировать отсутствие связи и структурного единообразия между языком, реальностью и сознанием. Связь между этими структурами отсутствует только в онтологическом смысле, причем двояко: с одной стороны, больше нет фундирующего принципа или первоначала и на его месте зияет Отсутствие; с другой стороны, нет и самих структур, они распадаются и растворяются в хаосе

игры. Так, Ж. Деррида пишет: «Игра означивания не имеет впрямь никаких пределов, и следовало бы — но сделать это невозможно — отказаться уже и от понятия и самого слова “знак”... Но мы не можем избавиться от понятия знака, мы не можем отказаться от этого метафизического пособничества, не отказываясь тем самым от критической работы, которую против него ведем... И то, что мы говорим здесь о знаке, можно распространить на все понятия и положения метафизики» [5, 355].

Как мы видим, отказ от терминологии метафизики не представляется возможным. Ж. Деррида вынужден ограничиться пересмотром значений базовых концептов метафизики. Так, используя понятие структуры, необходимо делать оговорку, что структура — это всего лишь эффект (игры различий). И уже в этом смысле можно снова говорить о наличии связи между различными структурами: структуры связаны постольку, поскольку они все являются эффектами одного и того же, а именно различия (архиписьма).

Мы здесь как будто сталкиваемся с парадоксом. Налицо два противоречащих друг другу положения: «связь между структурами отсутствует» и «структуры связаны друг с другом». Однако, при более детальном рассмотрении природы связи, о которой говорится в первом случае, и природы связи, о которой говорится во втором случае, станет понятно, что никакого противоречия здесь нет. Если в первом случае отрицается наличие жесткой *необходимой* связи между структурами, то во втором случае акцент делается на том, что структура — это эффект. Эффект определяется как случайное следствие. И в этом смысле структура, как эффект игры различий, должна пониматься как *случайное* единство. Тогда и связь между структурами нужно понимать как связь случайную.

Итак, согласно Ж. Деррида, структурное единообразие языка, реальности и сознания либо отсутствует, либо случайно.

Последний тезис снимает возможность отношений иерархии между языком, реальностью и сознанием. И одновременно вновь возникает проблема оснований структурного единообразия между языком, реальностью и сознанием, но уже на новом, более высоком уровне (или метауровне) — на уровне устранения негативных следствий и выводов, вытекающих из предложенного Ж. Деррида решения.

Среди таких негативных следствий мы находим и вопрос о возможности и природе истины в условиях отсутствия *необходимой* связи между сознанием и реальностью (в условиях невозможности истины в классическом аристотелевском понимании), и вопрос о возможности и природе науки и философии (онтологии, философии языка и психологии) в условиях отсутствия связи между языком и реальностью, а также вопрос о том, до какого предела возможно доверие самому Ж. Деррида, которому едва ли удастся избежать парадокса лжеца.

Устранить эти негативные следствия — значит обосновать, во-первых, возможность нового понимания истины и, во-вторых, возможность построения новой философии, основаниям которой не будет противоречить постулирование отсутствия или случайности связи между языком, реальностью и сознанием.

Итак, мы показали, что неклассическая (и даже постнеклассическая) парадигма мышления больше не оставляет места для классической метафизики

с безраздельно властвующими в ней категориями необходимости и единства. Не случайно принципы множественности (Множественное А. Бадью) и случайности (Гиперхаос К. Мейясу) ложатся в основу новой философии, в рамках которой осуществляется поиск оснований, принципиально отличных от традиционных. В этом смысле новейшие тенденции и направления в философии вовсе не являются проявлениями нового нигилизма, хотя их пафос и состоит в отрицании основополагающих принципов традиционной философии. Их можно и нужно рассматривать как грандиозный эксперимент, попытку доказать или опровергнуть методом от противного первоначальное, высказанное еще Парменидом, допущение о единстве мышления и бытия, попытку создать философию, свободную от противоречий классической метафизики.

-
1. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.
  2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007.
  3. Дегутис А. Ю. Онтологическая проблематика в современной аналитической философии // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988.
  4. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011.
  5. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
  6. Деррида Ж. Различение // Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.
  7. Дьяков А. В. Философия постструктурализма во Франции. Нью-Йорк, 2008.
  8. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
  9. Сёрль Дж. Сознание, мозг, наука // Путь. М., 1993. № 4.
  10. Черчленд П. М., Черчленд П. С. Может ли машина мыслить? // В мире науки. 1990. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etheroneph.com/gnosis/330-mozhet-li-mashina-myslit.html> (дата обращения: 15.06.2015).
  11. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 2006.

Рукопись поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

УДК 101.1:316 + 316.42 + 327.3

О. Ю. Герасимова

СЕТЕВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена вопросам самоорганизации социального пространства посредством построения сетевого гражданского общества. Сетевая социальная морфология является современной формой организации социального бытия, где каждый индивид вступает в динамику общественных взаимодействий. Социальные взаимодействия, а также их организацию целесообразно оценивать и анализировать с помощью диалектико-синергетического подхода. Данный подход позволяет учитывать ведущую роль общественно-политических движений в процессе самоорганизации социального пространства, а также вовлеченность людей в общественную деятельность для более эффективной координации их социального бытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданское общество, сетевая структура, децентрализация, самоорганизация, личность, общественно-политические движения.

Обладая биосоциальной сущностью, человек удовлетворяет свои разнообразные потребности с помощью многочисленных и многогранных связей и взаимодействий с другими людьми. Данные взаимодействия отражают суть общественного бытия. В обществе всегда есть зоны свободного гражданского взаимодействия. Это сферы, где люди, объединяясь, решают проблемы сами и где им не требуется внешнее вмешательство со стороны государства. Данная зона жизнедеятельности — это область гражданского общества и гражданских инициатив. Современное гражданское общество представлено в виде сетевой социальной морфологии, отражающей процессы децентрализации и самоорганизации социального бытия, что дает больше свободы для реализации творческого потенциала личности.

Гражданское общество — это плоскость самореализации свободных граждан, объединяющихся в определенные ассоциации, организации и структуры, которые обладают независимостью от прямого вмешательства со стороны государственной власти [3, 45]. По своей сути гражданское общество имманентно противоречиво, но в то же время оно существует вместе с государством, которое создает правовое

поле социальных взаимодействий. Гражданское общество базируется на достаточно высоком уровне развития гражданской культуры, которая утверждает ценности свободы, равенства, справедливости, демократии и толерантности. Культура гражданского общества требует от каждой личности проявления активной жизненной позиции, высокого уровня самосознания и гражданской ответственности.

Гражданское общество — это пространство неполитических взаимодействий вне влияния формальных властных структур, но функционирующих в контексте государственного влияния. Необходимо соблюдать определенный разумный баланс при взаимодействии государства и гражданского общества, так как они составляют диалектическое единство нормативно-регулятивной формы и функционального содержания. Современное гражданское общество в силу сложившихся обстоятельств и объективных причин является самоорганизующимся сетевым образованием. Самоорганизация в неустойчивых пограничных состояниях социального бытия порождает не только новые гражданские ассоциации, но и особый способ отношения людей к происходящим событиям.

В рамках сетевого гражданского общества формируется сетевая гражданская культура, которая обладает многовариантностью и плюрализмом. Она выступает осознанием и осмыслением социально-политического процесса людьми. Гражданская культура является одним из элементов общей культуры и одновременно служит показателем опыта самоорганизации общества. В контексте гражданской культуры формируются образцы поведения и функционирования социально зрелых личностей, а также способы их социального взаимодействия и интеграции.

Гражданская культура представляет собой комплекс ориентаций и установок относительно социально-политической системы и ее элементов, кроме того, она включает в себя модели и образцы политического поведения и социализации [1]. Это своеобразный индикатор состояния конкретной социокультурной среды, выраженный в духовном контексте, т. е. в символах и атрибутах, способствующих процессам интеграции и стабилизации. Уровень сформированности гражданской культуры проявляется через деятельность и активность конкретного представителя социума.

Роль личности в социальном пространстве гражданского общества, а также государства является ключевой. Она представлена на всех уровнях государственной и общественной иерархии — от верхних до нижних структурных образований. Реальные социальные взаимодействия, в том числе и властные, формируются и регулируются на основе определенных процедур, которые представляют собой продолжение некоторых традиций вне рамок правового контроля. Такие традиции формируют определенный авторитарный тип личности — аттрактора, что способствует процессам децентрализации социального пространства [4, 55].

Процессы децентрализации морфологически представлены в форме сети, что обусловлено ростом количества социальной массы и ее трансформации. Классическая централизованная вертикаль или пирамида властных взаимодействий децентрализуется в сетевую горизонталь, которая определяется и оформляется энергетическими узлами или точками пересечения максимальной энергичности индивидов.

Сеть — это множество взаимосвязанных точек пересечения потоков разнонаправленных социальных энергий. Люди объединяют свои энергии на базе сходных интересов, ценностей и устремлений. Современная сетевая социальная морфология усиливается информационными технологиями. Сети имеют ряд преимуществ по сравнению с традиционной социальной иерархией. Они подвижны и достаточно легко адаптируются к изменяющимся внешним условиям, но вместе с тем имеют некоторые недостатки: затруднения в координации функциональности, а также энтропию ресурсов при разрешении сложных задач за рамками сетевой структуры. Но в то же время сетевые технологии управления незаменимы при координации сложных интерактивных систем, которые обладают гибкостью и подвижностью. Сеть включается или выключается исходя из конкретных обстоятельств — такова ее логика. Если узел сети становится нефункциональным, то он исключается и сеть реорганизуется. Значимость узла определяется его информационной наполненностью и способностью информацию распределять. Таким образом, главные узлы — это не центральные узлы, а узлы переключения, подчиняющиеся собственной сетевой, а не командной логике.

Сетевая социальная организация есть результат самоорганизации социального пространства. Сеть формирует сетевую личность-аттрактор: это человек с высоким уровнем концентрации внутренней имманентной энергии, способный к активности и деятельности. Личность-аттрактор является активным социокультурным субъектом, способным влиять на вектор социального развития как локально, так и глобально. Роль личности-аттрактора становится особенно заметной в самоорганизующемся сетевом социальном пространстве в ситуации нестабильности системы. Сетевое самоорганизующееся социальное пространство — это децентрализованное пространство, в котором каждая личность может стать определенным локальным центром, узлом, точкой или сгустком энергии, способным оказывать влияние на других. Данное влияние может иметь локальное пространственное положение, но с глобальными масштабными последствиями. Сетевая личность — это личность, существующая и проявляющая себя в пространстве сети. Она обладает большими степенями свободы по сравнению с обычной личностью [5, 81].

Свобода личности порождает состояние конфликта с социумом, который репрессирует разрушительные для общества инстинктивные побуждения человека. Но в то же время свободная личность способствует организации порядка нового уровня. С точки зрения синергетики порядок формируется из хаоса, а значит, мы можем говорить о личностной диалектике деструктивного и конструктивного социального начала. Данные амбивалентные социальные начала энергичности и деятельности представлены в гражданском обществе различными общественно-политическими движениями. Широкий спектр объединений индивидов гражданского общества демонстрирует разнообразие волеизъявлений индивидов, что составляет определенную сложность при определении типов общественных движений, анализе причин их возникновения, идейно-политической позиции, социальной базы, взаимоотношений с властью.

Современный социум наполнен многообразием формирующихся общественно-политических движений, иницирующих вовлечение достаточно большого

количества людей в политику. Плюрализм организаций выступает моделью сетевой децентрализации, аккумуляции и циркуляции социально-политической энергии. Общественно-политические движения являются привлекательными социальными институтами для большинства людей в силу определенных обстоятельств.

Во-первых, политические партии утратили авторитет у значительной массы людей, особенно у молодежи. Это связано с популизмом и политическими манипуляциями партийных лидеров, использующих рядовых членов партии в целях получения властных полномочий. Данное обстоятельство формирует отчуждение людей от партий.

Во-вторых, пребывание в политической партии накладывает обязательство выдвигать только своего кандидата на выборах. Это существенно сужает широкие демократические возможности для конкретного индивида, которые, как альтернативу более свободному волеизъявлению, предоставляют общественные организации.

В-третьих, общественные движения не придерживаются какой-либо идеологии, следовательно, дают больше свободы для граждан.

В-четвертых, общественно-политические движения быстрее реагируют на изменения в социально-политической обстановке и адекватнее откликаются на повседневные, сиюминутные нужды населения.

Сеть общественно-политических движений формируется в контексте особой политической культуры современной России, характеризующейся следующими процессами:

- *технологизацией* — большой вес в составе социального бытия набирают технические средства адаптации человека к природной среде;
- *институционализацией* — роль субъектов действия все больше переходит к социальным институтам;
- *глобализацией* — растет взаимозависимость различных регионов мира;
- *виртуализацией* — структуру социальной реальности начинают определять символические ресурсы и информационные потоки;
- *информатизацией* — в структуре социального бытия увеличилась доля нематериальных компонентов [2, 75].

Таким образом, мы приходим к выводу, что формирование современного гражданского общества происходит в режиме сети. Данное обстоятельство является следствием объективных социальных процессов и отражает явление самоорганизации материи. В то же время не следует забывать, что на смену процессу самоорганизации должен прийти этап управления, координации и контроля, иначе есть риск погружения общества в перманентный хаос.

В силу исторического опыта и определенного типа ментальности Россия испытывала и всегда будет испытывать потребность в сильном, эффективном государстве, и это вполне логично, так как без организации единого пространства, без унификации культурного контекста, ценностных и жизненных ориентаций невозможно организовать упорядоченную и предсказуемую жизнь в обществе [1].

Процесс самоорганизации и самоуправления может вырождаться в деструктивную сущность, при этом элементы, участвующие в самоструктурировании, могут

быть весьма достойными и качественными. Например, очень сложно представить конструктивное саморазвитие школьного класса, даже состоящего из одних отличников, без деятельности учителя; деятельность педагогического коллектива — без установок, определенных директив и т. д. Но в то же время не следует забывать, что современное сложное социальное пространство не может обеспечить свое существование в трансформирующемся мире, не вовлекая в процесс диалога широкие круги людей. Это связано с процессами циркуляции энергии социальной материи, выраженной в деятельности конкретных индивидов, объединяющихся на основании определенных идеологических установок.

Необходимы некоторый разумный баланс и конструктивные взаимодействия между государством и гражданским обществом, а также их обратная связь. Данное взаимодействие даст возможность по-новому оценить реалии современного мира, выдвинуть альтернативные существующим идеи и концепции, позволяющие разрешить глобальные проблемы современности. Комплекс данных проблем был порожден социально-экономическими и политическими предпосылками, поэтому важно преобразовать направленность социальных отношений, вывести на новый уровень применения энергию гражданской инициативы, представить интересы всех слоев населения, а не только собственные автономные цели и задачи правящей элиты.

---

1. *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму *civiculture* // *Pro et Contra*. 2002. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2002/3/ProEtContra_2002_3_00.pdf (дата обращения: 15.02.2015).

2. *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации : учеб. пособие. М., 2004.

3. *Мелешкина Е. Ю.* Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001.

4. *Пивоваров Ю. С.* Политическая культура : методол. очерк. М., 1996.

5. *Пикалов Г. А.* Теория политической культуры : учеб. пособие. СПб., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 25 мая 2015 г.

УДК 314.532 + 347.62

**Н. Л. Антонова
М. В. Щербакова****БРАЧНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В статье представлены теоретические основы анализа брачного выбора. Опираясь на материалы социологического исследования, в работе определены особенности брачного выбора молодежи, выделены его модели и факторы, а также построен образ идеальной модели семейно-брачных отношений. Молодое поколение планирует вступить в официальный брак в возрасте 24–26 лет, основой брачного выбора выступает чувство любви между партнерами и равноправное (эгалитарное) распределение семейных ролей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: брак, брачный выбор, факторы, молодежь.

В современных условиях подготовка молодежи к браку выступает одной из актуальных социальных проблем. Кризис сопровождает брачно-семейные отношения вот уже на протяжении нескольких десятилетий и выражается в увеличении числа разводов, снижении рождаемости, трансформации семейных ролей. Вместе с тем общество заинтересовано в стабильности создаваемых семей и их социальной эффективности. Значимыми становятся вопрос брачного выбора молодежи и анализ факторов, его определяющих.

Междисциплинарный характер изучения проблемы брачного выбора очевиден: психологи, экономисты, социологи активно включаются в поле исследовательских практик. Базисом для исследований служат теории потребностей: брачный выбор рассматривается как форма/способ/условие реализации потребностей индивида (Р. Кумбс, Р. Сентера, Р. Ф. Уинч и др.). Одной из широко тиражируемых концепций брачного выбора выступает социально-психологическая теория комплементарных потребностей Р. Ф. Уинча [20, 552–555]. В ней утверждается, что индивид предпочтет осуществить брачный выбор среди тех, чьи психологические особенности дополняют его собственные. Так, согласно автору, робкий и зависимый индивид будет искать более сильного партнера по браку.

При этом получила свое развитие теория «фильтрации» (К. Дэвис, Р. Зидер, А. Керкгофф и др.), в соответствии с которой брачный выбор предстает как много-стадийный процесс. Речь идет о том, что при выборе индивид «фильтрует» и постепенно отсеивает из всей совокупности возможных брачных партнеров тех, кто не соответствует определенным характеристикам и условиям. На первом этапе отсев может идти по принципу территориальной удаленности (исключаются из брачного круга те партнеры, с которыми индивид никогда не встретится) [18, 295–303]; далее отсеиваются представители социальных групп и слоев, социальная дистанция с которыми слишком велика; на последних этапах индивид ориентируется на привлекательность потенциального партнера, сходство интересов, установок, ценностей, а также на систему представлений о социальных ролях. Б. Мурстейн [19] отмечает, что близость ценностей — необходимое, но недостаточное условие для выбора. Для большинства индивидов ролевая совместимость

выступает решающим условием в процессе брачного выбора. Этой позиции придерживается и К. Коч [2, 88–93], утверждая, что взаимное согласие исполнения определенных социальных ролей в брачном союзе выступает главным принципом брачного отбора.

Особый интерес в исследовании брачного выбора представляют теоретические концепции, имеющие экономические основания. В данном случае брак рассматривается как особый вид социального партнерства, целью которого становится совместное производство и потребление. По мнению Г. Беккера, заключение брачного союза аналогично созданию некой партнерской фирмы: индивиды вступают в брак, если ожидаемый объем выпуска совместно производимых ими потребительских благ превышает арифметическую сумму выпусков, которые они могут производить отдельно друг от друга. Брачный выбор связан с ожидаемым выигрышем: чем он больше, тем выше вероятность брачного союза [1, 12; 5].

Близкой к позиции Г. Беккера можно считать концепцию Р. Поллака [10, 56–60], для которого брачный союз — это контракт, который служит залогом создания долгосрочных семейных отношений. Одним из важнейших выводов теорий Р. Поллака и Г. Беккера является следующий принцип: «чем больше семейный капитал¹, включающий общие предпочтения, привычки, детей, тем больше выгода от брака и его прочность» [11, 12].

В теории социального обмена Дж. Хоманса [14, 82–91] также речь идет о взаимной полезности и выгоде, однако брачный выбор основывается на обмене ценностей, а также индивидуальных свойств и качеств. Так, например, привлекательную внешность можно «обменять» на финансовое благополучие, благосостояние — на высокий социальный статус. Обмен сопровождается «равнозначными» ценностями с точки зрения потенциальных брачных партнеров.

Нельзя обойти вниманием принцип гомогенности как фактор брачного выбора, поскольку наблюдается тенденция заключения браков между людьми, обладающими схожими социальными и иными характеристиками, среди которых — возраст, уровень образования, этническая принадлежность, социальный статус и др. Например, в 2013 г. в Российской Федерации было заключено 1 225 501 браков, при этом в 55 % брачных союзов возраст жениха и невесты находился в одном и том же пятилетнем возрастном интервале; браки, в которых невеста была старше жениха, составили 3 %, жених старше невесты — 42 % [4].

Проблема брачного выбора и факторов, на него влияющих, стала предметом нашего исследования, проведенного в конце 2014 г. Объектом выступила молодежь Екатеринбурга ($N = 220$), которая представлена в равных долях студенческой общностью и работающими. Основным методом сбора информации стал анкетный опрос.

По мнению почти половины опрошенных молодых людей (49 %), наиболее подходящий возраст для вступления в брак для мужчин, равно как и для женщин, 24–26 лет. Как правило, в этом возрасте уже пройдена ступень получения

---

¹ Семейный капитал — специфическая форма человеческого капитала, которая создается в ходе брака (Г. Беккер).

высшего образования, выпускники вузов трудоустроились, стали экономически независимыми и самостоятельными. Сегодня возраст вступления в брак является важным условием стабильности и устойчивости брачных отношений. Что касается успешности супружеской жизни², то «в группе успешных семей только 43 % женщин вступили в брак до 21 года, в неуспешных — 69 %» [9, 135].

Каждый десятый респондент в нашем исследовании вообще не планирует вступать в брачный союз. Данный факт свидетельствует о том, что в последние десятилетия получила широкое распространение такая форма брачных отношений, как сожительство. Снижение числа зарегистрированных браков подтверждают данные официальной статистики. Например, в 2012 г. произошел резкий спад числа официально заключенных брачных союзов (на 7,8 %) по сравнению с предшествующим годом. Кроме того, данные Росстата за 2014 г. демонстрируют снижение годового числа заключенных браков на 1,5 % [15].

По результатам исследования «Семья и рождаемость», проведенного в 2009 г., 15 % населения не регистрирует свои брачные отношения. Самая большая доля состоящих в первом, «пробном», браке приходится на возрастную группу до 25 лет: 25,5 % женщин и 32,2 % мужчин [7].

Статистические данные стали основанием обращения к вопросу об отношении респондентов к незарегистрированным брачным союзам. Значительная доля молодых людей в нашем опросе выразили позитивное к ним отношение: «*Незарегистрированный брак сегодня становится нормой, и нет ничего предосудительного в том, что люди желают жить вместе, не оформляя отношения*» (78,5 %). При такой форме брака, в отличие от зарегистрированных брачных отношений, отсутствуют серьезные обязательства перед партнером, и это обстоятельство как преимущество отмечает каждый пятый респондент. Более глубоко данный вопрос был рассмотрен исследователем Л. Л. Шпаковской, которая изучала пары, живущие в незарегистрированном брачном союзе. Брачные отношения в незарегистрированном браке являются результатом постоянных переговоров и соглашений, которые основаны на сознательно выбранных ограничениях при условии взаимной привязанности и любви. Сожительство подразумевает возможность свободного разрыва отношений и подбора более оптимального партнера, что служит неким гарантом качества отношений [17, 8].

Опрос молодежи позволил выделить некоторые модели брачного выбора. В основе первой модели — чувства партнеров: 78 % опрошенных считают, что решение о вступлении в брак будет принято на основании испытываемого чувства любви к будущему супругу/супруге. Поскольку объектом исследования выступает молодежь, то вполне объяснимо ее желание руководствоваться в брачно-семейной сфере эмоциями и чувствами. Чувства к потенциальному брачному партнеру имеют и сексуальную основу. Так, гармония в сексуальных отношениях, по мнению работающей молодежи (42 %), влияет на принятие решения о вступлении в брак.

---

² К успешным бракам исследователи относят те, где оба супруга удовлетворены отношениями и считают свой брак прочным.

Вторая модель основана на максимизации выгоды, а именно выбор будет сделан, опираясь на совокупность «желаемых качеств» будущего супруга/супруги (73 %). Результаты опроса показали, что самыми желательными качествами как у мужчин, так и у женщин являются морально-нравственные — доброта и ответственность. В исследовании, проведенном в начале 2015 г. «Левада-центром», респонденты отметили иные качества: мужчина должен быть умным, порядочным и верным, а также уметь зарабатывать. Качества, которыми должна обладать женщина, по мнению опрошенных, это хозяйственность, хорошая внешность, заботливость и верность [6]. Представленные в исследовании «Левада-центра» качества потенциальных супругов вполне соответствуют традиционным представлениям о женских и мужских ролях в семье. В нашем исследовании молодежь склоняется скорее к эгалитарному типу распределения «домашних дел», за исключением материального обеспечения, которое отводится мужчине.

Базисом третьей модели стала схожесть жизненных целей и планов (46 %). Это свидетельствует об ориентации респондентов на длительные отношения в брачном союзе, поскольку общность жизненных планов потенциальных брачных партнеров как фактор брачного выбора может стать объединяющим началом и вектором развития семьи. Кроме того, наличие жизненной цели у индивида свидетельствует о потенциале, который можно расценивать как значимый в ситуации выбора.

Обратившись к анализу объективных факторов, влияющих на выбор брачного партнера, отметим, что уровень образования, материального положения партнера, а также социальный статус родителей потенциального супруга теряют свое значение при брачном выборе.

Образование партнера является важным лишь для четверти опрошенных, при этом оно более значимо для студентов, нежели для работающей молодежи.

Значение уровня материального положения будущего супруга/супруги во многом зависит от гендерных особенностей опрошенных: важным этот фактор считает каждая третья девушка и каждый шестой юноша. Традиционно заботы о финансовом благосостоянии семьи ложатся на плечи мужчины. Как отмечает Т. А. Гурко, молодые женщины часто не уверены в стабильности своего заработка в связи с планируемым рождением ребенка, поэтому хотят видеть материальную опору именно в будущем супруге [3, 374]. Отсюда для молодых девушек фактор финансово-материального благополучия брачного партнера выше, нежели для юношей.

Важным выступает тот факт, что социальный статус родительской семьи потенциального брачного партнера также не является значимым в процедуре выбора. Брачный выбор опрошенные планируют осуществить, опираясь на статус самого партнера, тем самым отдаляясь от родительской семьи и ориентируясь исключительно на собственные ресурсы.

В этой связи следует остановиться на вопросе влияния родительской семьи на брачный выбор молодого поколения. Результаты исследования показали, что согласие родителей на брак теряет свою значимость. Только каждый десятый опрошенный готов прислушаться к мнению родителей. Стремление к независимости и самостоятельности, зачастую самонадеянность и неуравновешенность

молодежи, препятствуют укреплению межпоколенческих связей в семье. Родительская семья теряет свои контролирующие функции и отстраняется от личной жизни повзрослевших детей. По результатам исследований, проведенных А. В. Меренковым, роль семьи снижется уже в подростковом возрасте: только 33 % подростков отмечают влияние семьи на формирование их повседневного поведения, жизненных ориентаций [8, 109].

Еще один аспект, на который, по нашему мнению, следует обратить внимание, это отношение молодых людей к межэтническим бракам. По результатам нашего исследования, нейтральное отношение к ним высказали 41,5 % респондентов. В то же время треть опрошенных готовы «примерить» такую форму брака на себя. Результаты исследования, проведенного Институтом общей генетики им. Вавилова, показывают, что каждый четвертый брак является межнациональным [13]. Среди населения России негативное отношение к межнациональным брачным союзам высказывает совсем незначительная часть респондентов (менее четверти опрошенных) [12, 117–118]. Эти факты убедительно демонстрируют развитие этнической толерантности в системе брачно-семейных отношений, готовности молодежи к принятию представителей иной культуры.

Необходимо отметить, что развитие толерантности происходит также в сфере межконфессиональных отношений. По результатам исследования, нейтральное отношение к межрелигиозным бракам высказал каждый второй респондент, однако только 16 % молодых людей выразили готовность к заключению такого союза.

Результаты опроса показали: большая часть молодых людей в ситуации брачного выбора будет опираться только на собственное мнение (64,5 %). С начала XX в. произошли культурные и социальные изменения, которые привели к ослаблению функции семьи; произошел переход к свободному выбору, который теперь основывается на добровольном согласии партнеров при вступлении в брак. Самостоятельность молодежи в таких вопросах, как проведение досуга, отдых и знакомства, привела к самостоятельности в поисках партнера по браку. Роль родителей и родственников существенно изменилась: сегодня выбор остается за самим индивидом, а родители могут лишь выразить свое отношение к нему (одобрение/осуждение). Так, по результатам исследования, проведенного Т. С. Чистяковой, выяснилось, что 63 % молодых людей самостоятельно нашли партнера, 6 % приняли во внимание совет родственников и лишь 3 % — родителей [16, 138]. Таким образом, брачный выбор — это зона свободного выбора, однако советы и поддержка со стороны старшего поколения остаются значимыми для некоторой части молодежи (8 %), которая, в силу отсутствия опыта, готова к взаимодействию с родительской общностью.

В целом трансформация брачно-семейных отношений в современной России ставит перед исследователем целый комплекс новых проблемных зон, которые требуют постановки специальных исследовательских задач, от решения которых зависит успешность функционирования института семьи и брака.

2. Гурко Т. А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Социол. исслед. 1982. № 2.
3. Гурко Т. А., Карпушова А. П. Тенденции брачности и брачный выбор в России. М., 2002.
4. Демографический ежегодник России. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 10.06.2015).
5. Капелюшников Р. И. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию [Электронный ресурс]. URL: <http://seinst.ru/page293/> (дата обращения 25.06.2015).
6. Качества, которые мужчины и женщины ценят друг в друге. Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. URL: <http://d7154.agava.net/13-02-2015/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshchiny-tsenyat-drug-v-druge> (дата обращения: 07.05.2015).
7. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». Росстат [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 19.05.2015).
8. Меренков А. В Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе // Социол. исслед. 2013. № 2.
9. Молодая семья: проблемы и перспективы социальной поддержки : моногр. Красноярск, 2005.
10. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // Thesis. 1994. Вып. 6.
11. Рощина Я. М., Рощин С. Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. М., 2006.
12. Степанов В. В., Тишков В. А. Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестн. рос. нации. 2010. № 3.
13. Уралов А. Газеты пишут об этнических смешанных браках в Москве. Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/gazeta026.php> (дата обращения: 14.07.2015).
14. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. М., 1984.
15. Число зарегистрированных браков начало снижаться? Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema01.php> (дата обращения: 26.03.2015).
16. Чистякова Т. С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 3 (8).
17. Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса. СПб., 2012.
18. Kerckhoff A., Davis K. Value Consensus and Need Complementary in Mate Selection // American Sociological Review. 1962. Vol. 27.
19. Murstein B. J. Who will marry Whom? Theories & Research in Marital Choice. N. Y., 1976.
20. Winch R. F. The theory of complementary needs in mate selection // American Sociological Review. 1955. Vol. 20.

Рукопись поступила в редакцию 17 июля 2015 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 94(430):930.23

В. П. Любин

ИСТОРИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЙХА И ЕГО КРАХА. ВОСПРИЯТИЕ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННЫМИ НЕМЦАМИ

Историографический обзор

Буханов В. А. «Новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 466 с.

Борозняк А. И. Жестокая память: Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. — М. : РОССПЭН, 2014. — 342 с.

Исследования по истории нацистского режима в Германии появлялись и продолжают появляться в большом количестве в разных странах, а не только в самой Германии. Связанные с этой историей разнообразные проблемы вызывают неподдельный интерес историков и читающей публики. В предлагаемой подборке мы знакомим наших читателей с двумя недавно опубликованными оригинальными трудами российских историков по истории и историографии германского нацизма и его преступных деяний.

Издание монографии германиста доктора исторических наук, профессора Уральского государственного университета В. А. Буханова (1948–1995), подготовленное после его кончины его коллегами, было приурочено к 65-летию автора и 100-летию со дня рождения его учителя, основателя уральской школы международных профессора И. Н. Чемпалова. Монография состоит из двух частей (книг): «Европейская стратегия германского фашизма (1933–1939)» и «Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах (1939–1945): идейно-политические проблемы» [1].

Предисловие к монографии написал профессор УрФУ В. И. Михайленко, послесловие — профессор Липецкого государственного педагогического университета А. И. Борозняк. Оба они работали в УрГУ вместе с талантливым исследователем истории Германии В. А. Бухановым, к сожалению, рано ушедшим из жизни. И все

же В. А. Буханов успел завершить свой «главный научный труд, обращенный к идеологии и практике германского национал-социализма» [Там же, 5].

На эту тему «написаны монбланы книг в отечественной и зарубежной историографии», пишет В. И. Михайленко, задаваясь вопросом: «В чем же заключается особенный, “бухановский” подход в интерпретации» данных исторических фактов? «В отличие от многих исследователей В. А. Буханов рассматривал национал-социалистический¹ феномен в контексте европейского и мирового цивилизационных процессов, как специфически германскую реакцию на вызов массовизации общества. Во взаимоотношениях между властью и обществом он пытался понять истинные причины установления консенсуса между нацистской властью и большинством общества. ...Его понимание тоталитарного общества выходило за рамки известного противопоставления тоталитаризма и демократии» [1, 5].

В. А. Буханов пытался постичь «притягательную силу нацизма», выступал «против карикатурных штампов в оценке национал-социалистической идеологии», которая, по его мнению, требовала серьезного научного анализа. Он считал, что «национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений»: «консерватизма, либерализма, даже социализма». Проблема социальной справедливости «была поставлена очень остро именно национал-социалистами». «В результате получилась не эклектика, а очень любопытная тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому под лозунгом нового порядка, реорганизации» [Там же, 6]. «Многим в XX веке, и не только нацистам, казалось, что представительное парламентское правление вступало в противоречие с выражением всеобщей народной воли» [Там же].

Уходящий XX в. войдет в историю как век разработки и попыток реализации масштабных проектов мирового переустройства: это Коммунистический интернационал, либеральный глобализм и национал-социалистический порядок, продолжает В. И. Михайленко. В. А. Буханов, пожалуй, единственный российский историк, попытавшийся заглянуть в научную лабораторию нацистских идеологов. В центре его внимания оказалось одно из самых влиятельных подразделений национал-социализма — так называемая «служба Розенберга». Как отмечал сам В. А. Буханов, его интересовали процесс принятия решений, истоки, содержание и последствия разногласий в нацистском руководстве по вопросам осуществления «европейской политики». «В центре исследований В. А. Буханова оказалась эволюция европейской политической стратегии германского нацизма в 1933–1945 гг.» [Там же, 7].

Первая книга (хронологически охватывающая 1933–1939 гг.) изданной под общим заглавием монографии В. А. Буханова о гитлеровском «новом порядке» в Европе и его крахе состоит из следующих глав: «Идеологические и внешнеполитические основания нацистского европеизма», «Формирование европейской

---

¹ Именно так обозначается в изданной монографии то, что прежде в отечественной литературе по традиции советских времен квалифицировалось как «национал-социалистский».

концепции “империи” Розенберга», «Переход розенберговской “империи” к политике “сознательного европеизма”». Книгу заканчивает авторское заключение. Вторая книга (1939–1945) подразделена на две большие главы: «На пути к “новому европейскому порядку” (сентябрь 1939 — ноябрь 1942)» и «Провал нацистских планов преобразования Европы (ноябрь 1942 — май 1945)», в ней помещено также авторское заключение. Имеются разделы: «Библиографические ссылки и примечания» [1, 401–456], «Основные даты жизни и деятельности В. А. Буханова» [Там же, 457], «Список основных научных трудов В. А. Буханова» [Там же, 458–459], Послесловие А. И. Борозняка под заглавием «Книги, опередившие время» [Там же, 460–465].

Как замечает А. И. Борозняк, автор монографии, убежденный в неполноте и односторонности привычной для советской историографии жесткой идеологизированной схемы, трактовавшей фашистскую диктатуру исключительно как результат деятельности «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала», «различал важнейшие теоретические проблемы истории тоталитарной диктатуры» и «в их постановке и решении ученый находился на уровне мировой историографии германского фашизма, а нередко и опережал этот уровень» [Там же, 461].

Когда заходит речь об истории нацистской Германии и о Второй мировой войне, то в исследованиях по истории войны предпочтение отдается оккупационной политике нацистского рейха, ходу военных действий на фронтах, дипломатии агрессора, его отношениям с союзниками, прежде всего с фашистской Италией и милитаристской Японией, пишет В. А. Буханов [Там же, 15]. Менее изучены проблемы, связанные с так называемым новым порядком, который нацизм пытался навязать народам Европы. Взятое в гносеологическом и историко-генетическом плане нацистское мировоззрение предстает как продолжение крайне реакционных антигуманистических тенденций предшествующих философских теорий и социальных утопий: мальтузианства, социал-дарвинизма, расизма, географического детерминизма, вошедших в моду в последние десятилетия XIX в. Взаимопроникновение и слияние этих антигуманистических направлений означало культивирование благоприятной мировоззренческой почвы, на которой было выращено ядовитое семя национал-социализма [Там же, 15, 20–21].

В. А. Буханов анализирует далее идеи, выдвигавшиеся А. Гитлером, А. Розенбергом, В. Дайцем. Так, Розенберг в книге «Миф XX столетия» пытался убедить читателя, что «белая раса» не может удержать своего господствующего положения в мире, предварительно не преобразовав Европу [Там же, 29]. Ратуя за «чистоту нордической расы», призванной управлять миром, Гитлер «надеялся на поддержку природы, которая не допустит смешения нордических людей с представителями низших рас — «негром либо славянином», а также с “ферментом декомпозиции” — евреем» [Там же, 41].

Лишь достаточно крупное пространство обеспечит немецкому народу «свободу существования», теоретизировал Гитлер. Поставив в прямую зависимость свободу от пространства, он подал идею, которая нашла прямое выражение в концепции «органической свободы» у Розенберга и Дайца. Хотя из рассуждений фюрера

явствовало, что германская раса почувствует себя свободной, только подчинив себе весь мир, он отчетливо сознавал трудности на этом пути: в таком случае против Германии объединились бы все. Поэтому в качестве промежуточной и более реальной цели Гитлер наметил превращение Третьего рейха в мировую державу, по мощи и размерам сопоставимую с Британской империей, США, СССР или Францией с колониями. Но для этого Германия должна была расширяться по крайней мере до пределов Европейского континента [1, 43].

Выход виделся в политике захвата новых земель. «Динамичному немецкому народу» следовало проводить политику «германизации земель, пространства». Это означало не просто завоевание чужих территорий, а уничтожение или изгнание местного населения как обязательное условие немецкой колонизации и достижения «органической свободы».

1 апреля 1933 г. газета «Фёлькишер беобахтер», главным редактором которой был Розенберг, сообщила о создании внешнеполитического бюро НСДАП, которое должно было проводить в жизнь намеченные цели. Его возглавил Розенберг, которому Гитлер после прихода к власти поручил мировоззренческое обучение и воспитание членов партии с целью «прекращения идеологического хаоса» в ее рядах [Там же, 70].

Розенберг обратил внимание на два крупных комплекса, отделявших Западную и Центральную Европу от СССР. Овладеть ими, считал он, задача Германии. Первый комплекс — это образовавшиеся на обломках бывшей Российской империи Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Благодаря своей антисоветской и антикоммунистической позиции «все они вовлечены судьбой в организацию... европейского континента» [Там же, 127]. Второй комплекс — Дунайское пространство, на нем после крушения Австро-Венгрии образовались небольшие самостоятельные государства. «Как и в первом случае, у них тоже существует предопределенная судьбой органическая связь с Германией» [Там же].

Поначалу Розенберг и Гитлер предполагали ориентироваться в осуществлении этих планов на создание оси Берлин — Лондон, взамен рейх на первых порах гарантировал бы целостность британской колониальной империи. По мере того как обстановка на Европейском континенте в результате перевооружения Германии и ее агрессивной внешней политики менялась, Гитлер склонялся больше к другому варианту европейской стратегии, инициатором которой был, возможно, он сам, но формулировка которого была осуществлена Риббентропом и стоявшей за ним группой. Не случайно именно Риббентроп подписал антикоминтерновский пакт и соединил его с осью Берлин — Рим. В такой ситуации европейская концепция «империи» Розенберга была переориентирована еще больше, чем прежде, на Восток [Там же, 134].

В июне — августе 1939 г. Розенберг провел ряд важных встреч и переговоров с зарубежными политиками, а также владельцем «Санди таймс» и других влиятельных английских газет лордом Кемсли, на которых «рассматривался вопрос о том, как не допустить англо-германской войны» [Там же, 197]. В отличие от других секретных англо-германских контактов лета 1939 г., в которых с немецкой стороны принимали участие представители Геринга и Риббентропа, переговоры

Розенберга с эмиссарами английских консервативных кругов велись с позиций «сознательного европеизма».

16 августа 1939 г. барон фон Ропп посетил Розенберга и заверил его, что Министерство авиации Англии и Генеральный штаб военно-воздушных сил считают «бессмыслицей, чтобы Англия и Германия оказались ввергнуты из-за Польши в борьбу не на жизнь, а насмерть». Результатом было бы лишь «взаимное уничтожение авиации обеих сторон, а в конце такой войны — гибель всей европейской цивилизации, причем плоды этого пожала бы Россия, так и не применив оружия» [1, 198]. Но в сложившейся ситуации, добавил он, в случае германо-польского вооруженного конфликта, «выступление Англии и Франции последует автоматически».

Однако ни в коем случае нельзя позволить превратиться вспыхнувшей таким образом войне во взаимное уничтожение [Там же]. На случай быстрого завершения конфликта, подчеркивал барон, имелась бы возможность закончить войну, поскольку «из-за государства, прекратившего существование в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование» [Там же]. Как видно, заключает В. А. Буханов, ссылаясь на опубликованные советские документы [4], барон фон Ропп предлагал по сути план подготовки «второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши» [1].

В конце концов, как пишет автор в конце третьей главы, Гитлер принял концепцию «преобразования Европы», сформулированную не Розенбергом, а в «империи» Риббентропа. В соответствии с этой концепцией главными союзниками рейха объявлялись Италия и Япония, а главными противниками — Великобритания, Франция и СССР. По сценарию Гитлера — Риббентропа был осуществлен аншлюс Австрии, подписано Мюнхенское соглашение, оккупированы сначала Судетская область, а затем «остальная часть Чехословакии».

Первый удар было решено нанести на западе, второй — на востоке Европы, против СССР. Чтобы воспрепятствовать успешному завершению переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом и изолировать их друг от друга, весной — летом 1939 г. нацистская Германия (через Геринга, Риббентропа, Розенберга и др.) поддерживала секретные контакты в столицах западных держав, а 23 августа подписала договор о ненападении с СССР. «Тем самым завершилась эволюция европейской стратегии германского фашизма предвоенных лет» [Там же, 201]. По мнению Розенберга, отмечает автор в заключении первой книги, «не состоявшийся в 1930-е гг. англо-германский союз, с одной стороны, и пакт Риббентропа — Молотова — с другой могли иметь для национал-социализма роковые губительные последствия» [Там же, 204].

В книге второй представленной монографии В. А. Буханов исследует устремления Германии по насаждению гитлеровского «нового порядка» в Европе в 1939–1945 гг. в условиях оккупации немецкими войсками многих европейских стран. Попытки нацистов в конце войны заключить сепаратный мир «закончились провалом, сокрушительный удар по ним нанесли решения Крымской конференции руководителей Великобритании, США и СССР» [1, 396]. Великая победа антигитлеровской коалиции спасла европейские народы от ужасов гитлеровского «нового порядка», от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если

бы нацистские представления о «новой Европе» воплотились в жизнь, заключает автор [Там же, 398].

***

Новая монография известного германиста доктора исторических наук, профессора Липецкого государственного педагогического университета, члена Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений А. И. Борозняка (р. 1939) посвящена давно исследуемой им теме — вкладу германской исторической науки в дело преодоления нацистского прошлого. Автор рассматривает этапы эволюции исторического сознания в ГДР и ФРГ. Он фиксирует меняющиеся формы, в которых немецкое общество воспроизводит и оценивает образ гитлеровского тоталитарного режима. Автор посвящает книгу памяти своего отца, погибшего в боях под Киевом в августе 1941 г.

А. И. Борозняк пытается раскрыть смысл и результаты историографических дискуссий в ФРГ о преодолении нацистского прошлого — *Bewältigung der Vergangenheit*². Данный термин, отмечает автор, прочно вошел в немецкий политический и научный лексикон. «И хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком “прошлом”, но о кровоточащем времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое “не зарастает травой”. Речь идет не о пассивном отражении “прошлого”, но о факторах, активно воздействующих на настоящее, о степени укорененности этих факторов в социальной психологии, менталитете, политической культуре современных немцев» [2, 7].

«Формула “преодоление прошлого” была порождена нравственными чувствами стыда, вины и ответственности за преступления гитлеризма — в одном ряду с понятиями-символами “тоталитарная диктатура”, “агрессия”, “Холокост”, “Освенцим”. Постулат о преодолении прошлого стал для нескольких поколений немцев знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма. Преодоление прошлого — категория, имеющая прямое отношение к настоящему и будущему немецкого народа» [Там же, 7–8].

Автор ставит прямой вопрос: «Нужен ли России германский опыт извлечения уроков из нацистского прошлого?». И отвечает: «Безусловно, да». «Потому что гитлеровцы развязали мировую войну, которая разрубила нашу историю на “до” и “после”. Наши потери в этой войне неисчислимы, как неисчислим и наш вклад в дело Великой Победы цивилизации над варварством. Германский опыт необходим России, мучительно преодолевающей наследие сталинского тоталитаризма» [Там же, 8]. Германский опыт поучителен для России, потому что переход наших

² В этом отношении данная монография является продолжением предыдущего исследования автора [3].

стран от тоталитарных режимов к демократическому устройству — это незаконченные, разорванные в историческом времени и историческом пространстве акты единой планетарной драмы.

Но «уроки Германии пока не запрошены в нашей стране». Достигнутая ценой неисчислимых жертв победа над нацизмом «не стала гарантией генетически приобретенного иммунитета к фашистской инфекции» [2, 342]. «Еще не произошла встреча немецкого и российского духовных опытов, связанных с войной и тоталитаризмом» [Там же]. Поэтому, по словам автора, актуально звучат слова Ханны Арендт: «Истина состоит в том, что цена тоталитарного правления была столь высока, что ни Германия, ни Россия еще не оплатили ее в полной мере» [Там же].

Монография состоит из введения, озаглавленного «Непрошедшее время» (с. 7–14), восьми глав («Память или забвение?», «Зубы дракона», «Сломлено глухое, но долгое молчание», «Правда о Холокосте, правда о войне», «“Спор историков”: причины и последствия», «Германия: quo vadis?», «Я хочу знать всю правду», «В начале нового столетия») и заключения «От “преодоления прошлого” к “культуре памяти”». Книга снабжена указателем имен [Там же, 345–351].

Касаясь немецкой историографии, трактующей нацистский период истории Германии, автор напоминает, что уже в 1946 г. вышел труд классика и патриарха немецкой исторической науки Фридриха Майнеке (1862–1954) «Германская катастрофа». Он выступил как бескомпромиссный противник и обвинитель нацистского режима. В годы правления нацистов Майнеке был отстранен гитлеровцами от преподавательской и редакторской деятельности. Третий рейх, по его оценке, явился «величайшим несчастьем для Германии». Он нес в себе «угрозу вырождения немцев». Майнеке, пишет Борозняк, дал предельно трезвые, реалистические оценки социальной сущности гитлеровской диктатуры. По мнению немецкого историка, именно крупные промышленники и финансисты содействовали становлению Третьего рейха и были воплощением «зловонного пруссачества и милитаризма». Виноваты, по его мнению, были и прусско-германская милитаристская каста, и «экстремистские политики крупной буржуазии» [Там же, 25].

Обращаясь к Нюрнбергскому процессу и последующим судам, проведенным американцами, автор замечает, что денацификация была попыткой одним ударом покончить с нацизмом. В советской оккупационной зоне военных преступников достаточно быстро арестовали и предали суду, но в 1948 г. меры по денацификации были поспешно объявлены завершенными. В западных зонах процедуры нацистской чистки нередко превращались в фарс, многие преступники уходили от возмездия. Канцлер К. Аденауэр однажды назвал антифашистскую чистку источником «множества бед и несчастий». «Процессы против нацистских военных преступников» в ФРГ «прекратились, так, по существу, и не начавшись» [Там же, 37].

В 1950-е гг. в ФРГ в широкий научный оборот вошла теоретическая концепция тоталитаризма. Были переведены с английского книги Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». Когда мы сегодня постоянно сталкиваемся со словосочетаниями

«тоталитарный режим» и «тоталитарная система», для нас приобретает особую значимость опыт западногерманских исследователей, которые применительно к тематике Третьего рейха, использовали этот инструментарий более пяти десятилетий. Сначала теоретическая конструкция тоталитаризма сыграла позитивную роль. Но явилась ли для западногерманских исследователей модель тоталитаризма всеобъемлющей научной парадигмой или же идеологизированной схемой, вызванной к жизни холодной войной? Насколько результативной оказалась предложенная модель? [2, 49].

Хотя теоретическая конструкция тоталитаризма сыграла поначалу относительно позитивную роль в исследовании проблематики Третьего рейха, однако после выхода в свет в 1955 г. фундаментального труда К. Д. Брахера «Распад Веймарской республики», вызвавшего острую полемику среди историков, стало очевидным, подчеркивает Борозняк, что концепция тоталитаризма не может претендовать на всеобъемлющее объяснение тоталитарного феномена [Там же, 50].

Автор обращается далее к развитию историографической дискуссии в ФРГ в 1960-е гг. и подробно повествует о травле западногерманскими коллегами по историческому цеху историка Фрица Фишера. Он издал в 1962 г. свою нашумевшую книгу «Рывок к мировому господству». В ней признавалась вина Германии за развязывание Первой мировой войны. Как следствие, в западногерманском обществе вспыхнула острейшая полемика, хотя и, как писал сам Фишер, проблема взаимосвязи агрессивности политики вильгельмовской империи и нацистского режима «была обозначена лишь в одной фразе предисловия и в одном пассаже в конце книги» [Там же, 78]. Под прямым воздействием «контroversы Фишера» в историографии ФРГ стал активно обсуждаться вопрос о месте нацистской диктатуры в преемственности германской истории [Там же, 81].

Против течения пошли и такие философы, как К. Ясперс и Т. Адорно. Книга Ясперса 1966 г. «Куда движется Федеративная республика?» вызвала много противоречивых откликов. В ней осуждались «ложь и самообман», забвение прошлого, страх перед полной правдой о времени гитлеровской диктатуры. Все это, по мнению Ясперса, представляло собой большую опасность. Адорно, вынужденный провести период жизни с 1934 по 1949 г. в эмиграции, видный представитель Франкфуртской философской школы, также видел опасность того, что в ФРГ существует тенденция «защиты от чувства вины» [Там же, 94]. Горькая правда о национал-социализме звучала в произведениях талантливых писателей Г. Бёлля, Р. Хоххута, В. Кёппена, А. Андерша, Э. Ленца, Г. Грасса, П. Вайса.

В 1960-е гг. в западногерманской историографии резко возрос уровень теоретического осмысления феномена Третьего рейха, пишет далее автор, упоминая в связи с этим труды историков К. Д. Брахера и М. Брошата. «Эрнсту Нольте принадлежала первая в ФРГ научная монография, посвященная сравнительной истории фашистских движений и диктатур в странах Европы», — «Фашизм в его эпоху» [Там же, 98]. И все же, как констатирует современный немецкий историк Г. Фрай, трактовки нацистской диктатуры были ограничены и касались прежде всего происхождения и функционирования политических механизмов [Там же]. В 1970-е гг. развернулась дискуссия, в ней выдвигались и оспаривались тезисы

о применимости к истории таких категорий, как «монархия» и «поликратия», «модернизм» и «антимодернизм» [Там же, 125].

В 1979 г. после трансляции по западногерманскому телевидению американского сериала «Холокост» («Всесожжение»), рассказавшего потрясенным немцам о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» в нацистской Германии и оккупированных странах Европы, пробудилась «коллективная совесть западных немцев». Едва ли не впервые, по словам Х. Моммзена, граждане ФРГ начали понимать, что «груз национал-социалистического прошлого не сброшен, а исторические последствия “тысячелетнего рейха” не преодолены» [2, 133].

Иными путями шло развитие исторической науки в ГДР. «Здесь упорно продолжали не замечать» труды К. Д. Брахера, М. Брошата, Г.-А. Якобсена, Г. Моммзена, их считали «псевдолибералами», прибегающими к фальсификации. Партийные кураторы исторической науки ГДР опасались ассоциаций с политическим режимом Третьего рейха [Там же, 143].

Далее автор обращается к нашумевшему и оставившему глубокий след в немецком обществе «спору историков», вспыхнувшему в 1986–1987 гг. Одну из сторон (правой ориентации) изначально представлял выступивший с не принятыми другими историкам опубликованными во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» тезисами Э. Нольте. Другую (левой ориентации), представлял изначально философ Ю. Хабермас, ответивший Нольте статьей «Апологетические концепции в германской историографии новейшего времени» в газете «Цайт» [Там же, 161]. Нольте утверждал, что Гитлер был всего лишь копией Сталина, а Освенцим — копией ГУЛАГа, Третий рейх был всего лишь чужеродным вкраплением в германскую историю. Хабермас дал «предельно точную и яркую характеристику концепции Нольте», которая «позволяет лишить нацистские преступления их исключительности, представив их всего лишь как ответ на угрозу уничтожения (сохраняющуюся и по сей день) со стороны большевиков. «Освенцим утрачивает теперь свое значение зловещего символа преступлений германского фашизма и превращается всего лишь в техническое новшество, внедрение которого объясняется “азиатской” угрозой со стороны врага, все еще находящегося у наших ворот» [Там же, 161–162]. Ссылаясь на Карла Ясперса, поставившего сорок лет назад вопрос о том, какие уроки извлечет общественное сознание из периода нацистской диктатуры, Хабермас предупреждал об опасности утраты памяти о Третьем рейхе — «памяти, отягощенной войной» [Там же, 162].

У «спора историков» был заключительный аккорд — выход в свет осенью 1987 г. монографии Э. Нольте «Европейская гражданская война». Если год назад он «признавал вину нацистского режима (хотя и именовал ее “вторичной”), то теперь эта проблематика переносилась в плоскость “континентальной гражданской войны”, ответственность за которую раскладывалась (и далеко не поровну) на всех ее участников» [Там же, 163].

Опубликованная в августе 1996 г. в Германии монография американского социолога Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера», в которой обычные немцы, служившие в армии, бывшие охранниками в концлагерях, полицейскими и т.п., а таких были миллионы, показывались как люди, поддерживавшие

нацистский режим и выполнявшие преступные приказы, вызвала «настоящий интеллектуальный шок» и новую широкую дискуссию. Консервативные идеологи, будучи не в силах опровергнуть новые факты об истреблении еврейского населения, провозгласили, что от труда Гольдхагена исходит опасность распространения в ФРГ настроений «скепсиса и страха», «самообвинений и самоуничтожения» [2, 228].

Обращаясь далее уже к XXI в., А. И. Борозняк пишет, что «в наши дни проблематика Третьего рейха остается главной в структуре исторической науки и исторического сознания ФРГ» [Там же, 286]. На заключительных страницах книги автор рассказывает, что в немецких городах в мостовые уложены таблички с именами проживавших здесь и погибших в нацистских застенках, в основном это отправленные в концлагеря евреи и цыгане (в немецком языке их обозначают как «синти» и «рома». — В. Л.). Он повествует о деятельности организаций гражданского общества, поставивших целью собрать и отправить денежные средства оказавшимся в годы нацизма на территории Германии и остающимся сейчас в живых советским военнопленным и угнанным на принудительные работы советским людям.

Решительный прогресс в преодолении нацистского прошлого в ФРГ был достигнут, пишет автор в заключении, в пограничной зоне между историческим знанием и массовым историческим сознанием [Там же, 337]. Но в нынешнее время «существует зримая опасность отторжения элементов тоталитарного опыта прошлого» [Там же, 340]. Исчерпывающее описание объекта познания «нацистская тоталитарная диктатура» остается насущной задачей мировой науки, заключает А. И. Борозняк.

-
1. Буханов В. А. «Новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). Екатеринбург, 2013.
  2. Борозняк А. И. Жестокая память: Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.
  3. Борозняк А. И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.
  4. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 461.

Рукопись поступила в редакцию 29 июля 2015 г.

УДК 141.78:141.82

П. Н. Кондрашов

НОВАЯ КНИГА О ФИЛОСОФЕ-МАРКСИСТЕ ЛУИ АЛЬТЮССЕРЕ

Гобозов И. А. Луи Альтюсер — выдающийся философ-марксист XX века: Аутентичное прочтение Маркса. — М. : ЛЕЛАНД, 2015. — 120 с. (Размышляя о марксизме. № 109.)

В последние годы в связи с резко изменившимися условиями существования капиталистической мир-системы (распад Советского Союза и социалистического блока, радикальная диверсификация капиталистического способа производства, глобализация, мировой структурный экономический кризис последних лет) во всем мире вновь возрождается интерес к антикапиталистическим теориям и практикам, но в первую очередь — к наследию Карла Маркса, а также к самым различным марксистским школам и направлениям, только одно перечисление которых заняло бы целую статью.

Но вместе с тем, как и в начале XX в. и в 50–60-х гг. того же столетия, снова ставится вопрос об *аутентичном прочтении философии Маркса*. Речь идет именно о философии Маркса, ибо в творческом наследии немецкого мыслителя есть еще и политэкономия, и социология, и политическая теория, даже математика и поэтические опыты. Обо всех этих частях Марксова наследия спорят, но больше всего копий ломается именно относительно философии. Впрочем, это понятно: дело в том, что автор такого фундаментального и внутренне системно выстроенного научного произведения, каковым, несомненно, является «Капитал», почти ничего не написал по философской проблематике. Однако при этом говорят о философии Маркса (здесь речь не идет о философии марксизма).

Поэтому проблема состояла (и до сих пор состоит) в том, чтобы самыми разными методами выявить все философское в текстах Маркса и привести в систему. Но вот тут-то и возникают самые главные трудности: если тексты уже и выявлены, то встает серьезный вопрос: какие из них считать аутентичными? Ведь мысль Маркса прошла несколько стадий развития, и тогда спрашивается: какое философское наследие соответствует мысли самого Маркса: то, с которого он начинал (фихтеанство, гегельянство, фейербахианство), или то, к которому он пришел в конце жизни (материалистическая диалектика)? А может, между ними нет никакого серьезного разрыва?

На этой почве марксисты примкнули к трем лагерям. Согласно первому, *сциентистскому* (или *позитивистскому*), аутентичной мысли Маркса соответствует только *научная* сторона его исследований, представленная в анализе диалектики производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, классовой борьбы, обнаруживающей себя в объективных законах социально-исторического развития, согласно которым имеет место детерминация общественного сознания структурами общественного материального бытия. Стало быть, заключают сторонники этого прочтения Маркса (Л. Альтюссер, аналитический марксизм, сталинская версия марксизма-ленинизма, гносеологическое

направление в российском марксизме), надо полностью элиминировать эмоционально и идеологически окрашенные понятия и развивать только систему строго научных категорий, которые можно эмпирически верифицировать.

Другая интерпретация, *гуманистическая*, отвергая «безжизненность» генерализующих методов и категориальных схем научного марксизма, большей частью сводимого к политико-экономическому и гносеологическому исследованию, напротив, в качестве *подлинного* марксизма Маркса рассматривает его культурологические и социально-политические экскурсы, в которых Маркс показывает обратное влияние элементов общественного сознания на базисные структуры и процессы, протекающие в общественном бытии. Отсюда делается вывод, что душа философии Маркса сосредоточена не в экономической, политической и социологической теории, а схвачена в эстетических, этических, психологических и тому подобных концепциях, восходящих к философии романтиков, Г. Гейне, молодым И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегелю (представители этого направления: Р. Гароди, Э. Блох, В. Беньямин, Г. Маркузе, М. А. Лифшиц, Э. Фромм, Г. М. Преображенский).

Наконец, третья интерпретация (К. Н. Любутин, А. А. Коряковцев, П. Н. Кондрашов, В. Д. Жукоцкий), которую можно назвать *синтетической*, рассматривает философию Маркса как единое целое, в котором имеет место и научный анализ объективного процесса социального воспроизводства, и экзистенциальный анализ, фиксирующий то, каким образом объективное протекание социально-исторического бытия отражается, репрезентируется и внутренне, эмоционально переживается индивидами в конкретных исторических условиях, ибо именно они, взятые *в своем материальном и духовном единстве*, являются вообще «исходным пунктом»¹. В силу этого имманентного единства Марксовой мысли необходимо системно и систематически изучать и развивать все виды терминологии, используемой Марксом.

Если традиция гуманистического прочтения философии Маркса достаточно хорошо исследована в российской науке, изданы основные труды представителей этого направления — Э. Фромма, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Р. Гароди, Ж. П. Сартра, то вот со сциентистской традицией дело обстоит не так хорошо.

Поэтому выход книги известного российского философа-марксиста И. А. Гобозова об одном из основателей этого направления в марксизме Луи Альтюссере не может не порадовать любого марксиста и вообще человека, интересующегося историей философской мысли в XX в. К тому же сам И. А. Гобозов был лично знаком и дружен с Луи Альтюссером.

Эта небольшая по объему книга написана простым и понятным языком: чувствуется, что ее писал автор с многолетним педагогическим стажем, который привык сложные философские теории — а теории Альтюссера совсем непросты — объяснять своим студентам доступным языком.

Структурно книга состоит из введения, семи глав, заключения, списка новых понятий, введенных Альтюссером в марксистский философский дискурс, и списка

¹ «Индивиды, производящие в обществе... таков, естественно, исходный пункт» [3, 17].

основных сочинений французского философа. Здесь нет надобности подробно излагать все содержание книги (читатель сам ее прочтет) мы обратим внимание только на наиболее существенные места.

Глава I посвящена жизни философа. Очень страстно И. А. Гобозов защищает Альтюссера и марксизм в целом в связи с трагедией французского философа: в момент обострения психического заболевания он задушил свою жену... А недоброжелатели марксизма, коих всегда было много, обвинили весь марксизм в безумии [1, 9–10]. «Вот он буржуазный гуманизм!» — справедливо восклицает автор (с. 10). Очень прочувственно автор пишет и о своей дружбе с Альтюссером [Там же, 11–12], чувствуется, что эта дружба живет до сих пор в его сердце, хотя Луи Альтюссер умер в 1990 г.

Глава II посвящена Альтюссеровой интерпретации формирования философии Маркса, в которой тот выдвинул свою знаменитую теорию *эпистемологического разрыва*, согласно которой Маркс в работах начиная с 1845 г. радикально порвал со всеми прежними традициями и создал совершенно новую науку — историю [Там же, 21]. Действительно, Маркс создал совершенно новый метод и совершенно новую науку, но при этом в его философии сохранилась основная пружина всех его ранних работ — стремление к освобождению человечества от отчуждения. И в этом плане трудно согласиться с тем, что разрыв этот был радикальнейшим. Изменились только акценты: с философского анализа отчуждения Маркс перешел к анализу социологическому и экономическому.

Здесь же заслуживает внимания анализ метода прочтения «Капитала», предложенный Альтюссером и его учеником Э. Балибаром в фундаментальной книге «Читать “Капитал”» [Там же, 15].

В главе III обсуждается природа философского знания («Философия есть классовая борьба народа в теории» [Там же, 28]), а также приводится интересное интервью с Альтюссером.

Глава IV посвящена альтюссеровской теории детерминации и сверхдетерминации, и в этой главе А. И. Гобозов совершенно обоснованно не соглашается «с альтюссеровской интерпретацией переворачивания гегелевской диалектики [у Маркса]» [Там же, 42]. А. И. Гобозов прав, когда пишет: «Маркс не просто изменил форму (поставил на ноги), но и содержание диалектики Гегеля» [Там же, 44]. К сожалению, эта важнейшая идея в интерпретации Марксовой мысли до сих пор совершенно не развита.

В главе V «Кто творит историю?» анализируется альтюссеровская философско-историческая концепция «истории без субъекта», которая горячо поддерживается автором книги. Конечно, подчеркивает И. А. Гобозов, «Альтюссер вовсе не исключает конкретных, реальных людей из истории» (с. 46), однако тезис о том, что именно «человек делает историю», не имеет смысла в рамках аутентичного марксизма. Не вступая в полемику ни с Альтюссером, ни с И. А. Гобозовым², приведем всего лишь одно место из Маркса, которое расставляет все на свои места в этом вопросе: «История не делает ничего, она “не обладает никаким необъятным

² Отсылаем читателя к нашей книге, которая вышла в той же серии, что и рецензируемая [2].

богатством», она «не сражается *ни в каких битвах*!» Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» (курсив наш. — П. К.) [4, 102].

Впрочем, в этой главе И. А. Гобозов большей частью излагает *свое* видение субъекта истории: по его мнению, *народ творит историю* [1, 51]. Позиция же Альтюссера все же структуралистская: *история есть процесс без субъекта*. Называть это «структурализмом» или нет — дело вкуса, хотя в последней главе И. А. Гобозов довольно резко критикует Р. Арона за то, что тот назвал Альтюссера «структуралистом» [Там же, 84–88]. Но при этом забывает, что друзья-враги Л. Альтюссера из совершенно различных областей науки — Ж. Лакан и К. Леви-Строс — сошлись с ним именно в пункте структурализма, а Леви-Строс не без влияния Альтюссера даже называл себя «неомарксистом».

В главе VI рассматривается самое, наверное, скандальное в философии Альтюссера — его так называемый *теоретический антигуманизм*. Самое интересное в этой главе, на наш взгляд, — воспоминания автора о личных беседах с французским мыслителем [Там же, 70–71]. Кстати заметить, подобного рода реминисценции, написанные с огромной теплотой, делают книгу очень живой и личной. Вспоминая одну из бесед с Л. Альтюссером, И. А. Гобозов пишет, что Альтюссер «для себя» различал *практический гуманизм* и *теоретический антигуманизм* в марксизме, но не делал этого в своих работах (например, в книге «За Маркса»). И это различие вносит очень серьезные коррективы в наше понимание философии Альтюссера, которого зачастую воспринимают как некоего марксистского мракобеса и мизантропа.

Тем не менее, защищая альтюссеровский теоретический антигуманизм, сам И. А. Гобозов, говоря, что Э. Фромм в своей работе «Концепция человека у Маркса» «фальсифицирует Маркса» [Там же, 66], не понял ни Фромма, ни Маркса. Маркс во многих местах прямо говорит, что историю делает человек, в других, не менее многочисленных местах — что историю делают люди, живые конкретные индивиды. Но сущностно в рамках философии Маркса между этими категориями (а не просто «словами» и тем более не одним и тем же словом, употребляемым Марксом то в единственном, то во множественном числе: *der Mensch* и *der Menschen*) нет никакой разницы. Почему? Да потому что, в отличие от многочисленных «общественников» и «индивидуалистов» от марксизма Маркс под «человеком» а priori понимает *общественного человека*. Нет человека без общества, как и нет общества без человека. Социальные группы и структуры существуют и функционируют только благодаря конкретным людям («человекам»). С другой стороны, человек, с точки зрения Маркса, всегда «носит» общество в себе в форме различных интериоризированных форм и практик (общественного сознания, поведения и т. д.). И все эти моменты связываются *совместной практической деятельностью*. Это и есть *диалектика Маркса*. И весь спор между гуманистами и сциентистами, коммунитаристами и индивидуалистами в рамках марксизма, по

сути дела, был продуктом непонимания именно этой диалектической тотализации общественного и индивидуального в человеке.

Поэтому просто странно наблюдать споры между сциентистами, гносеологами, гуманистами, структуралистами, экзистенциалистами в марксизме. Ведь если, согласно аутентичному прочтению Маркса, человек, человеческое общество, история и т. д. — это *структурированная целостность*, то их и надо понимать как целостность, а не как некоторые автономные фрагменты социального универсума: с одной стороны производственные структуры, с другой — социальная жизнь, с третьей — жизнь эмоциональная и т. д. В философии Маркса нет этих «с одной» и «с другой» стороны, для него *социальное бытие человека — реальная тотальность*. Если изменяются формы производства, то изменяются и люди, изменяются и их отношения, изменяется и их внутренний мир, мир переживаний, их экзистенция. Для Маркса синхронная диалектическая взаимосвязь всех этих моментов до того очевидна, что он о ней даже не говорит эксплицитно! Действительно, всем нашим марксистам стоит последовать совету, который красноречиво высказал Луи Альтюссер в названии, наверное, самой важной своей книги: «Читать “Капитал”»!

Наконец, в главе VII — самой большой — автор исследует то, как теория Альтюссера критиковалась в философской общественности справа и слева. Читатель найдет в ней много интересного и даже в своем роде забавного об отношениях в философской богеме. Однако и здесь И. А. Гобозов, защищая Альтюссера, во многих случаях безосновательно нападает как на марксистов-гуманистов, так и на своего другого французского учителя — Рэймона Арона.

В целом монография И. А. Гобозова представляет собой опыт скрупулезной целостной реконструкции философской концепции Л. Альтюссера, осуществленный на основе весьма широкого круга источников.

Однако следует заметить, что в рецензируемой книге отсутствует анализ таких важнейших понятий философии Альтюссера, как *«интерпелляция»* и *«идеологические аппараты государства»* (это понятие как бы случайно упомянуто только на с. 44). А ведь концепция идеологии Альтюссера весьма существенно повлияла на философию второй половины XX в., и особенно на становление неомарксистских теорий идеологии (наряду с известной теорией А. Грамши), а в купе с идеями Ж. Лакана дала интереснейший синтез структурализма, психоанализа и марксизма. С другой стороны, теория Альтюссера о доминанте и детерминанте [1, 40] была синтезирована с постмодернизмом в философии Ф. Джеймисона.

Другой, правда несущественный, недостаток книги состоит в том, что И. А. Гобозов, специально перечислив понятия, введенные Альтюссером в марксистский дискурс, не дал при этом их определений. И это выглядит тем более странно, что на протяжении всей книги он постоянно стремится излагать мысли Л. Альтюссера прозрачно.

Думается, что эти недостатки будут исправлены автором в следующем издании этой замечательной монографии об одном из самых влиятельных марксистских философов XX в.

В целом же книгу И. А. Гобозова можно оценить как существенный вклад в отечественную историю марксистской философии. Она дает общее представление об идеях Луи Альюссера, заставляет задуматься над перипетиями философской мысли и подвигает спорить как с французским классиком марксизма Л. Альюссером, так и с автором книги — его другом и последователем.

---

1. *Гобозов И. А.* Луи Альюссер — выдающийся философ-марксист XX века: Аутентичное прочтение Маркса. М., 2015. (Размышляя о марксизме. № 109.)

2. *Кондрашов П. Н.* Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / под ред. К. Н. Любутина. М., 2014. (Размышляя о марксизме. № 96.)

3. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 3–508.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 3–230.

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2015 г.

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

УДК 94(479.25:560) + 94(100)“1915”

А. В. Атанесян
В. Д. Камынин
А. В. Лямзин

УРОКИ ИСТОРИИ XX В.: 100-ЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

20 апреля 2015 г. в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина прошла научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 100-летию геноцида армян в Османской империи. Конференция была проведена силами кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО) департамента международных отношений Института социальных и политических наук УрФУ, Центра арменоведения ИСПН при участии кафедры прикладной социологии Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). Большое содействие проведению конференции оказала армянская диаспора Екатеринбурга, а именно общество «Ани-Армения». На конференции были обсуждены история Армении и армянского народа, роль армянского народа в судьбах России, «армянский вопрос» в Первой мировой войне, трагедия армянского народа в 1915 г., историческая память о геноциде армян.

С приветственным словом к участникам конференции обратился директор департамента международных отношений доктор исторических наук, профессор В. И. Михайленко. Он сказал о том, что последствия геноцида оказали глубокое воздействие на историю Европы в XX столетии, а уроки, которые мы извлекаем из этого опыта, сохраняют свою актуальность и в новом, XXI в. Также В. И. Михайленко огласил содержание приветственного письма, поступившего в адрес конференции от министра диаспоры Армении Г. Г. Акопян.

С приветственным словом к собравшимся также обратился сотрудник библиотечно-просветительского центра Екатеринбургской епархии священник отец Сергей. Следует отметить, что в работе конференции принял участие и священник Армянской апостольской церкви, настоятель екатеринбургского храма Сурб Хованес Карапет, отец Аристакес.

В центре внимания выступивших на пленарном заседании конференции оказались три группы вопросов. Во-первых, обсуждались предыстория, предпосылки и сам процесс развернувшейся трагедии. Пленарное заседание открылось докладом ассистента кафедры ТИМО А. В. Кочнева о геноциде армян в эпоху Амира Тимура, в котором автор, рассказывая о трагических страницах древней истории армян, отметил, что в эпоху Средневековья жестокость завоевателей к покоренным народам была массовым явлением. Амир Тимур не щадил никого, даже своих единоверцев.

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений А. В. Антошин охарактеризовал политическую элиту Восточной Армении в годы Первой мировой войны и ее судьбу. Автор выделил несколько характерных черт армянской интеллигенции, представители которой стояли у истоков независимой Армении. Многие из них родились, выросли и получили образование за пределами исторической Армении и по своим политическим взглядам были близки различным левым революционным партиям и движениям. Судьба их тоже оказалось очень схожей. Под давлением Турции и Советской России они сначала лишились власти, а затем почти все исчезли в жерновах политических репрессий.

Ассистент кафедры востоковедения С. В. Дингилиши рассказал о рассмотрении «армянского вопроса» на Парижской мирной конференции. В докладе нашли отражение хитросплетения дипломатической борьбы великих держав, их планы по разделу Турции, осуществлению которых помешали разнообразные причины, среди которых — колебания во внешней политике США и приход кемалистов к власти в Турции.

Во-вторых, была поднята проблема исторической памяти в целом и отражения геноцида армян в историографии и источниковедении. В сообщении профессора кафедры социологии Ереванского государственного университета А. В. Атанесяна «Культура памяти и некоторые модели памяти о геноциде в современном армянском обществе» проведен сравнительный анализ моделей сохранения исторической памяти о геноциде в Израиле и Армении. Со ссылкой на израильских исследователей автор доклада описал три основные модели переосмысления сложных и травматичных эпизодов исторического прошлого.

Первую можно назвать «Забывание в диалоге». Усилия должны быть направлены на обсуждение, проговаривание, диалог противоборствующих сторон, на которые когда-то в прошлом разделились страна или общество (как Россия в годы Гражданской войны).

Вторая модель — «Помнить, чтобы защитить от забвения» — в значительной степени характерна для памяти о холокосте в Израиле и геноциде в Армении. В ее основе лежит лозунг «Никогда больше», который во многом определяет внешнюю политику этих двух стран.

Третья модель — «Вспоминать, чтобы забыть» — нацелена на вытеснение того или иного конфликта из памяти общества.

Заведующий кафедрой востоковедения профессор, доктор исторических наук В. А. Кузьмин рассказал об отражении геноцида армян в филателистических

материалах. Эта тема присутствует в почтовых марках многих стран мира. Тем удивительнее, что в наиболее дружественной Армении стране — России, богатой филателистическими традициями, никогда не выходили марки, посвященные геноциду армян.

Доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений В. Д. Камынин и кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Е. В. Лазарева охарактеризовали отклики российских и зарубежных общественных деятелей и деятелей культуры на геноцид армян. Особое внимание было привлечено к оценке геноцида армян, данной представителями российской исторической науки.

В-третьих, была рассмотрена роль армянского народа в судьбах России.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений А. В. Лямзин сделал сообщение об освещении роли России в судьбе Армении в современных учебниках по истории. Учебники были изучены при помощи метода контент-анализа. За единицу анализа была принята иллюстрация, помещенная в учебнике. В ходе изучения армянских учебников и сравнения их с учебниками других стран СНГ выяснилось, что армянские учебники истории трактуют образ России наиболее положительно. Это относится прежде всего к дореволюционной истории Российской империи. Советский отрезок истории России, отягощенный гражданской войной и массовыми репрессиями, уже не имеет столь позитивного облика.

В докладе доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств В. В. Запария и доктора исторических наук, профессора кафедры теории и истории международных отношений В. Д. Камынина «С. Д. Нариньяни на Урале» была рассмотрена судьба в Советском Союзе одного из представителей армянского народа, чьи предки вынуждены были покинуть Османскую империю в начале XX столетия, спасаясь от преследования. С. Д. Нариньяни, работая корреспондентом «Комсомольской правды» в 1930–1932 гг., правдиво осветил начало строительства Магнитогорского металлургического комбината.

Обсуждение проблемы исторической памяти, начатое выступлением А. В. Атанесяна, продолжилось в рамках круглого стола «Историческая память: позиция современной молодежи». Активное участие в нем приняли преподаватели и студенты УрФУ и других вузов Екатеринбурга.

Открыл студенческую секцию Н. Сараджян докладом «Армянский вопрос на Берлинском конгрессе 1878 г.». В своем выступлении автор осветил хитросплетения дипломатической борьбы, в ходе которой армянское население Османской империи не получило ни защиты, ни прав на независимость.

Э. Шашвердян выступила с рассказом о причинах геноцида армян, остановившись на политике османского правительства начиная с XIX в. и его планомерной стратегии на уничтожение армянского народа. Э. Агаханян рассмотрел реализацию планов по истреблению армян и их последствия, что явилось своеобразным продолжением предыдущего доклада.

И. Даминов исследовал позицию Германии, отношение ее представителей к геноциду армян 1915 г. Автор попытался понять, кем они были — «свидетелями или сообщниками». В ходе исследования удалось выяснить, что правительство и официальные лица Германской империи занимались пассивным потворством геноциду. Простые же немцы — врачи, миссионеры, дипломаты, солдаты — пытались помочь жертвам резни и привлечь к этой проблеме внимание мировой общественности.

С. Джавршян остановилась на характеристике одной из самых темных страниц истории геноцида армян — уничтожении армянских детей. Она рассказала о фактах (формах) убийства детей, их использовании в медицинских экспериментах, об изменениях в их культурной идентичности.

С. Захаров сделал доклад о специфике отношения государства Израиль к геноциду армян. Несмотря на то что еврейский народ также пережил в своей истории массовое уничтожение, еврейское государство не признает геноцид армян на официальном уровне. Докладчик объясняет это внешнеполитическими факторами, которые требуют от Израиля осторожности, поскольку официальное признание способно серьезно испортить отношения Израиля с Турцией и Азербайджаном. Еще одна причина — опасение, что признание геноцида армян может подорвать представления мирового сообщества об уникальности холокоста.

Р. Элоян рассказал об операции «Немезис», организованной активистами партии Дашнакцутюн, в ходе которой были убиты 80 организаторов массового истребления армян.

В рамках круглого стола было заслушано несколько докладов о недавнем прошлом Закавказья и его современности. П. Снегирев исследовал фактор России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. С. Агаджанян рассмотрел в ходе выступления геополитические вызовы и угрозы, с которыми сталкивается современная Республика Армения. Н. Нерсисян проанализировала проблему признания Турцией геноцида армян и в заключение привела справедливое утверждение журналиста В. Марьяна о том, что «ненаказанное зло, как и непрощенная вина, хранят в себе семена, способные перейти в новые беды, отравляя человечеству будущее» [1].

По итогам конференции были приняты следующие рекомендации:

— поддержать требование Республики Армения о признании геноцида армян всем международным сообществом;

— скоординировать деятельность Центра арменоведения ИСПН и Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения) в плане проведения дальнейших научных исследований по истории Армении;

— усилить обмен студентами между Уральским федеральным университетом имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и Ереванским государственным университетом;

— усилить роль армянской диаспоры Екатеринбурга, в том числе общества «Ани-Армения», в обмене студентами;

— создать условия в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина для проведения встреч с представителями армянской диаспоры Екатеринбурга, организации научных конференций по арменоведческой проблематике, создания библиотеки и учебного центра для оказания помощи студентам из Армении.

По итогам конференции предполагается издание сборника статей.

---

1. *Марьян В.* Неуместное потворство [Электронный ресурс]. URL: <http://old.lgz.ru/article/12407/> (дата обращения: 16.06.2015).

Рукопись поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

УДК 316.334.56:008

И. М. Лисовец

**«ГОРОД КАК СЦЕНА. ПРОШЛОЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. БУДУЩЕЕ» —
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
АЛЬМАНАХ И СЕМИНАР**

Обзор участника

В статье представлен обзор интернационального научно-исследовательского проекта культурологического исследования города, инициированного и проведенного Самарским государственным медицинским университетом и российско-немецким объединением культурологов «Globalia» г. Дюссельдорфа. Сделан акцент на последнем событии проекта — конференции в мае этого года в Театральном музее Дюссельдорфа и предшествовавшем ей издании альманаха. Это событие проекта значимо теоретическим анализом культурной хронологии российских городов-миллионеров и мировых столиц, визуальной яркой презентацией пространства российских и европейских городов в изданном альманахе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурологическая урбанистика, хронотоп города, городская повседневность, город как сцена культуры.

12–14 мая 2015 г. в здании Театрального музея Дюссельдорфа прошел международный семинар «Город как сцена. Прошлое. Повседневность. Будущее». Под руководством директора Театрального музея доктора Винриха Майсциеса и профессора Самарского государственного медицинского университета, председателя ученого совета российско-немецкого объединения культурологов «Globalia» Елены Бурлиной состоялся анализ города международным коллективом авторов — культурологов, эстетиков, социологов, историков искусства. На семинаре были представлены доклады российских и немецких ученых, занимающихся анализом новых смыслов, образов и перспектив развития городов. Город в качестве сцены

культуры рассматривали свыше 50 исследователей — доктора и кандидаты наук, а также бакалавры, аспиранты, которые представили свое видение истории, актуальной повседневности и будущего городов. Авторы статей в альманахе и участники семинара, главным образом из российских городов-миллионников, но также и мировых столиц — Москвы, Берлина, Лиссабона, Киева, Еревана, исторических городов ближнего и дальнего зарубежья, анализировали пространство и время города современной и будущей культуры.

Проведению семинара предшествовало издание интернационального научно-исследовательского альманаха. В этом двухтомном издании, осуществленном в Самаре с участием российских и зарубежных авторов (*Город как сцена. Прошлое. Повседневность. Будущее* : интернацион. научно-исследоват. альм. : в 2 т. Самара : Медиа-книга, 2015. Т. 1. 388 с.; Т. 2. 88 с.), представлено многообразие подходов к анализу современного города и городских культурных практик. Региональные научные школы культурологической урбанистики в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Самаре, Саранске, Ярославле в третий раз объединились по инициативе организаторов альманаха и конференции для междисциплинарного исследования городов и создания культурологического портрета современного города.

Тема города в современной гуманитаристике — одна из самых востребованных междисциплинарных тем. Активное культурологическое исследование города и городской жизни началось в последние 20 лет. В настоящее время в союз с философией и культурологией в анализе города вступает социология. Общая концепция междисциплинарных исследований — миссия города, трансформации современных, особенно больших, российских городов, их современный статус и место в культуре. В российском общественном сознании сложилась культурологическая урбанистика, открывшая возможности изучения города во взаимодействии со всем комплексом знания. Объединение исторической и теоретической культурологии с урбанистикой необходимо и закономерно, ибо и урбанистика, и культурология рассматривают городской образ жизни как определяемый характером человеческой деятельности в сложившихся природных и исторических условиях. Кроме того, социокультурная реальность конца XX — начала XXI в. радикально изменилась: именно в городах происходят системные изменения, город и его жители играют в современной культуре решающую роль. Культурологическая урбанистика пытается понять происходящие трансформации с точки зрения анализа сложившегося и актуального социокультурного статуса каждого города: столица-провинция, город-завод, город-музей, университетский город и т. д. Определение перспектив развития города невозможен вне определения его социокультурного хронотопа: времени — пространства городской жизни, складывающегося по-разному исторически и актуально. Наконец, развитие города зависит от изменений его символического капитала, представленного прежде всего городской архитектурой и развивающимися в настоящее время арт-практиками (стрит-арт, паблик-арт, стрит инсталляции и перформансы). Современное искусство, таким образом, становится действующим участником урбанистических трансформаций.

Региональные российские научные школы многоаспектно ведут исследования городов. Свое место в этом ряду занимают конференции и издания,

инициированные группой авторов из Самары под руководством профессора Елены Бурлиной. Издательская работа над темой «Пространственно-временная диагностика города» ведется ими с 2012 г., чему предшествовала разработка проблемы хронотопа города в диссертационных работах Е. Бурлиной и ее учеников — Л. Иливицкой, Н. Барабошиной, Ю. Кузовенковой. Начиная с 2012 г. эти исследования объединяются в интернациональном научном альманахе в рамках проекта «Города — страна — Волга. Региональная культура и имидж города» под руководством исследователей Самарского государственного медицинского университета (Е. Я. Бурлина, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова) и российско-немецкого объединения культурологов «Stadt-Land-Globalia».

В 2012 г. при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-13-63501) вышел двухтомный альманах «Город и время», представивший гуманитарные подходы к теме города, авторы которого — вузовские культурологи, социологи, архитекторы из разных российских городов (от Калининграда до Екатеринбурга и Владивостока), а также разных стран (Германия, Израиль, Франция, Швейцария). Общая цель проекта — определить темпоральные перспективы исследования городов в междисциплинарных штудиях. В этом альманахе приняли участие и преподаватели Уральского федерального университета: автор этой рецензии с анализом значения актуальных художественных практик в трансформации постсоциалистического города и Е. Г. Трубина с рассмотрением мегасобытия как части популярной городской культуры.

В 2014 г. проект был продолжен выпуском нового альманаха-двухтомника и конференцией «Полифония городских пространств», прошедшей в Театральном музее Дюссельдорфа. Более 50 авторов из университетских городов России, Германии, Израиля, Украины, Франции, Швейцарии включились в диалоги о времени городов. Новый поворот исследования городов — топос, пространство как стержень описания и исследования городских трансформаций. Здесь было введено понятие «хронотопия города» и рассмотрена гипотеза о культурной типологии российских городов — крупных индустриальных центров на Волге и на Урале, а также пространственно-временных трансформациях столиц в постсоветскую эпоху.

Наконец, последний альманах, «Город как сцена», изданный в 2015 г. в рамках гранта РГНФ 3/№ 140300036 «Пространственно-временная диагностика города», оказался самым объемным в первой, теоретической части и ярко оформленным во второй. Второй том альманаха, представивший научную концепцию «в картинках», был полностью раскуплен на конференции в Дюссельдорфе. В этом альманахе вновь опубликована статья автора этого отзыва в соавторстве с бакалавром философии Уральского федерального университета Д. Байдиной, в которой рассматриваются перформанс трансформации современного города на примере Белой Башни района Уралмаш г. Екатеринбурга. Изменение пространства крупных городов России, претендующих на роль «третьих столиц», а также городское пространство столичных городов как сцена актуальной культуры явились главной темой последнего сборника и конференции.

«Город как сцена» — популярное в Германии название разных теоретических штудий и практических проектов. Оно обозначает прежде всего вынесение «на улицу», в открытые пространства памятников, городских инсценировок, а также театральных представлений, в которых декорациями становится сам город. Наибольшую известность формулировка «Город как сцена» получила благодаря книге Кристины Вайс (Cristina Weiss) — бывшего министра культуры ФРГ, благодаря которой авангардные работы авторов, например, Никки де Сент-Фалле, Вадима Сидура, Даниэля Либескинда, стали новыми символами старых городов (Ганновер, Цюрих, Дюссельдорф, Дуйсбург и многие другие).

В проекте, возглавленном Е. Я. Бурлиной, концепт «Город как сцена» имеет различные повороты: новое искусство в городских пространствах, город и его сцены, театр и его функции в городе, пространственно-временные модусы городских инсценировок в прошлом, настоящем и видимом будущем. На этот концептуальный стержень нанизываются самые разные исследовательские идеи и разработки, дающие представление о трансформациях современных городов, например, современные и резонансные проекты Пермского дирижера Теодора Курентзиса «Театр как светлый центр города»; уже классические, но все еще малоизвестные работы по городскому дизайну Каземира Малевича, представленные в последнем альманахе молодым профессором Ю. Грибер из Смоленска; новые подходы к анализу города известных московских методологов — В. Вахштайна, М. Головановской; интерпретация сценических деталей современного Берлина, предпринятая Нижегородским профессором А. Гельфонд.

В двухтомном альманахе «Город как сцена» вновь более 50 авторов, которые, как и в прежних изданиях, объединены общей идеей. Альманахи Е. Бурлиной и ее коллег напоминают хороший спектакль с большим количеством участников, у которого имеется жесткий концептуальный каркас. Город в «исполнении» любых авторов подвижен, его пространство ярко выражает свое время.

Добавим, что презентация данного альманаха, состоявшаяся на конференции в Дюссельдорфе 12–14 мая 2015 г., вызвала широкую дискуссию авторов и убедила в европейском значении и качестве предложенной концепции «Город как сцена». В альманахе и конференции приняли участие не только исследователи со значительным опытом, молодые ученые также охотно и органично включились в предложенную концепцию.

Отметим статью и доклад на конференции доктора Винриха Майсциеса, известного немецкого социолога театра и директора театрального музея в Дюссельдорфе. Базируясь на богатейшем материале 400-летней истории театра в своем городе, он оригинально проанализировал смысл перемещений театральных зданий в городском пространстве. Придворный театр курфюрстов находился рядом с Дворцом владельцев города. Театр буржуазного города XIX и XX вв. меняют место и оказываются в кругу бульваров и офисных зданий. Театр современного интернационального города все еще ищет свое место и формирует предтеатральное пространство.

Другая докладчица, Мики Рейман, молодая художница и филолог, приехавшая из Лос-Анджелеса, выступила в качестве рецензента и интерпретатора совершенно

нового городского проекта архитектора мирового класса Даниэля Либескинда. Используя концепцию «хронотопии» (изложенную Е. Я. Бурлиной и ее коллегами по авторской группе), Рейман показала удаchi и несовершенства (с ее точки зрения) только что законченной стройки своего города. Понятно, что полифония разных пространств и времен еще ждет своего завершения.

Единство спектакля, а иначе говоря — совпадение методологий и конструктивных идей в альманахе «Город как сцена», собравшем авторов разных городов и стран, не могло быть счастливой случайностью. Это плод значительной подготовительной работы проектной группы, детально разрабатывающей возможности и границы содержательной пространственно-временной диагностики города. Статьи участников авторской группы — Л. Г. Иливицкой, Ю. А. Кузовенковой, Я. А. Голубинова, а также, разумеется, введение Е. Я. Бурлиной и ее статья о трансдисциплинарности города — немалый теоретический и методологический вклад в современную философско-культурологическую урбанистику.

Названные издания и проведенные конференции значимы, несомненно, необычным взглядом гуманитариев на проблемы города и городской жизни. При сложившейся популярности и значимости темы города и городских исследований в настоящее время были реализованы и соединились новые и неожиданные подходы к городу. Так, в последнем альманахе обсуждаются значение медиализации (присутствия медицины) на сцене города и жизнь театра и его актуальной модификации — перформанса в городе.

Интересным решением издания является публикация второго тома как иллюстрации к научным штудиям (дизайнерская разработка Е. Образцовой), где представлены привлекательные образы тех городов, о которых идет речь в научных статьях.

Значимость такого издания определяется тем, что оно представило масштаб преобразований российских городов, необходимость и новизну их культурологических исследований. Эксперименты с индустриальной культурой и перформативное переосмысление конструктивистской архитектуры в Екатеринбурге, авангард на Олимпиаде-2014 в Сочи, преобразивший город, потрясающее фестивальное пространство городов, переосмысление города через искусство в интервью и фотографиях вдохновенного философа и музыканта из Перми Теодора Курентзиса соединились в рецензируемом альманахе.

Новизне исследований соответствовало и оригинальное оформительское решение альманаха, где сошлись неизвестные городские эскизы К. Малевича и картины из театрализованного музея Феликса Нуссбаума в Оснабрюке. Статья Е. Я. Бурлиной о трансдисциплинарности городских образов аккомпанировали фотографии необычных людей и городов. Наконец, шедевр свердловского конструктивизма — уралмашевская Белая Башня — выразительно представила сцену перформансов третьей российской столицы. Можно сказать, что последнее рецензируемое издание и событие проекта показало его смысловое, визуальное, региональное расширение, которое, можно надеяться, будет продолжаться благодаря содружеству российских и европейских исследователей города.

Рукопись поступила в редакцию 3 августа 2015 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

АТАНЕСЯН Артур Владимирович — заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета (Армения), профессор, доктор политических наук. E-mail: atanesyan@yandex.ru

ГЕРАСИМОВА Ольга Юрьевна — доцент кафедры философских, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Магнитогорской государственной консерватории, кандидат философских наук. E-mail: Elitclub_aion@mail.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ЕЛИСЕЕВА Екатерина Сергеевна — аспирант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Ekaterina-elisee@bk.ru

ЗАКС Лев Абрамович — ректор Гуманитарного университета (Екатеринбург); заведующий кафедрой этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: rectorgu@r66.ru

ИЛЬДАРХАНОВА Чулпан Ильдусовна — ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Казань), кандидат социологических наук. E-mail: chulpanildusovna@gmail.com

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КОНДРАШОВ Петр Николаевич — старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат философских наук. E-mail: stif.lo@rambler.ru

КУЗЬМИН Вадим Александрович — заведующий кафедрой востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

ЛИСОВЕЦ Ирина Митрофановна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: irlisovec@yandex.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛЮБИН Валерий Петрович — ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва), профессор, доктор исторических наук. E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ЛЯМЗИН Андрей Валерьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: lyamzin@mail.ru

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующий кафедрой прикладной социологии, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

МУСТАЕВА Флора Альтафовна — профессор кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета, доктор социологических наук. E-mail: fmust35@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ПОГОСЯН Размик Арамович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: r.a.poghosyan@gmail.com

ПОЛЯКОВА Виктория Владимировна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: vika.polyakova@urfu.ru

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

СУХАРЕВА Виктория Алексеевна — магистрант кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

ТОМИЛЬЦЕВА Дарья Алексеевна — ассистент кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Tomiltceva_d@mail.ru

ЧЕСНОКОВ Алексей Сергеевич — профессор кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, второй секретарь Посольства Российской Федерации в Республике Кении, доктор политических наук. E-mail: alexright@mail.ru

ЩЕРБАКОВА Марина Владимировна — аспирант кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: cherbakova_marina@mail.ru

SUMMARY

ANNIVERSARIES

Poetry of Vitold Zvirevich	5
----------------------------------	---

EPISTEMOLOGY AND LOGIC

<i>Lobovikov V. O.</i> A Discrete Mathematical Model of Kant's Doctrine of Necessary Inconsistency of Thinking about Non-cognizable Being of Things-in-Themselves	9
---	---

A formal-axiological interpretation of Kant's doctrine of thing's-being-in-them-selves is submitted. The paper demonstrates that in the submitted unusual interpretation, all Kant's statements relevant to the theme are true; consequently, a model of the doctrine under discussion exists; consequently, in spite of the widespread opinion, the doctrine in question is logically consistent. For constructing an adequate discrete mathematical model of Kant's doctrine of impossibility of cognition of "thing's-being-in-itself", an evaluation-function "being-of-s-in-w" is introduced and precisely defined in algebra of metaphysics as formal axiology. In that algebra the notion "metaphysical law (=law of metaphysics)" is defined by means of the notion "identically-good evaluation-function". In this meaning of the term the metaphysical law of necessity of inconsistency in thinking about non-cognizable being-of-things-in-them-selves is demonstrated by accurate "computing" relevant evaluation tables.

Key words: thing-in-itself; formal-axiological law; antinomy; formal-axiological contradiction; algebra-of-metaphysics-as-formal-axiology.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

<i>Tomiltseva D. A.</i> Phenomenon of Historical Responsibility: Aspects of Problematization	23
--	----

The article focuses on three interrelated aspects of the problematisation of historical responsibility: relating to the past, identifying the subjects of history, selecting the witnessing and testimony. Each of these aspects describes the specific ways of constructing the relations towards the past and/or the future from within the community and between communities. The dissimilarity and asynchrony of the interplay with the past are depicted. The main approaches to identifying the subjects of history are elucidated and the main factors that constitute the collective subjectification are described. The ways witnessing and testimony affect the determination of the subject of historical responsibility and constructing of the image of the past are demonstrated.

Key words: historical responsibility, collective responsibility, witness and testimony, traumas of the past, guilt, victim, subject.

<i>Merenkov A. V., Mustaeva F. A., Polyakova V. V.</i> Self-determination of a Family as Socio-cultural Phenomenon	35
--	----

The key characteristics of such social phenomenon as the "self-determination of the family" are studied in the article. The article explores the factors that increase family's demand for self-determination in its everyday

functioning in the modern dynamic society. Certain skills are required in interactions with the government or public authorities as well as in communication among spouses, parents, and children. The distinctive features of modern family self-determination within larger economic, domestic, and familial matters are analyzed in this article.

K e y w o r d s: family, self-determination, modern family, self-determination in family life.

Grunt E. V., Eliseeva E. S. Image of Profession and Young Instructors' Image: Aspects of Interaction.....43

The article presents theoretical analysis of the notions "image" and "professional image". The authors suggest the notion "image of profession". The problems of professional image of young instructors and image of profession in contemporary Russia are discussed. The authors conducted sociological research in universities of Ekaterinburg and concluded that young instructors had negative image in the common opinion. The outflow of young lecturers from universities to other sectors of the economy after completing their PhD degrees is observed. The authors argue that for solving this problem the improvement of the image of the higher school and of the instructors' status in contemporary Russia is advisable.

K e y w o r d s: image, professional image, socio-professional group, young instructor, high education, student.

Ildarkhanova Ch. I. Living Environment in the Villages of the Republic of Tatarstan: Topical Social Problems.....51

The state of the living environment of rural people is analyzed through the concepts of extent and justifiability of distribution of various forms of capital. The article provides the findings of the sociological survey that studied the degree of satisfaction the rural inhabitants of Tatarstan demonstrated with their life and circumstance. Unemployment, high prices and tax rates, federal large-scale projects are discussed with a view to social activity of rural population.

K e y w o r d s: living space, social environment, rural society, rural territory, the Republic of Tatarstan, Family and Demography Center of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Chesnokov A. S. Paradoxes of Democratization in Political Theory and Practice.....59

The article analyzes democratic processes in contemporary world through theoretical prism. There are many cases of the convergence of democratic and authoritarian ways of governance in global politics, which are mentioned in the article. The author supposes that political theory of democracy needs to be revised to become more heuristic.

K e y w o r d s: political theory, democracy, democratization, authoritarianism, liberalism.

Muhametov R. S. Political Competition during the Election of the Head of Ekaterinburg 68

The article explores the degree of political competition in the election of the mayor of Ekaterinburg. The author analyzes in detail the methods of measuring electoral competition and focuses on the methodology of Tatu Vanhanen and the formula Herfindahl-Hirschman. The author concludes that the level of competitiveness in the elections of Ekaterinburg mayor is above average. The author argues that the main reason for such a degree of competition is the struggle among the candidates from different groups of city elite.

K e y w o r d s: Ekaterinburg, A. Chernetsky, political competition, elections, regional authorities, urban elite.

INTERNATIONAL RELATIONS

Kuzmin V. A. Japanese Political Elite's Reaction to the Second Front in Europe.....75

Based on archival documents of the British political intelligence, the author discusses the question of what was the reaction in Japan to the launching of the Second Front in Europe by the Anglo-American Allies in the summer of 1944.

K e y w o r d s: the Second World War, the Allies, the Second Front, the Government of Japan.

<i>Pogosyan R. A.</i> Re-interpreting the Arab Spring: Western Analysts on the European Union's Policy in the Southern Mediterranean	78
--	----

The article discusses the policy of the European Union (EU) in the Mediterranean region, which has a long history and is shaped by diverse interests. It is based on the Barcelona process built on principles of interstate cooperation. Focusing on why the EU has failed to react correctly to the first events of the Arab spring (wave of demonstrations and coups that began in the Arab world on 18 December 2010 in Tunisia), and seeking to evaluate the potential effects of these events such as spreading of popular unrest, riots (which in some cases escalated into civil war and regime change) throughout the entire Mediterranean region, the author examines the Western experts' reinterpretation of Mediterranean policy of the EU under the impact of the events of the Arab spring, as well as their proposals for the development of important conceptual approaches to this region.

Key words: Arab Spring, European Union, the policy of the European Union in the Mediterranean.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Zaks L. A.</i> On the Features of Contemporary Social and Humanitarian World Picture and its Consequences: Against Radical Empiricism	88
--	----

The article emphasizes the non-classical features of contemporary socio-humanitarian world picture, and in particular the growing significance and important place of the uniqueness, distinctions, variety and plurality of the socio-cultural reality, the constructive role of subjectivity. All this allows to see the complex reality of the modern socio-cultural world, but also it fosters a number of challenges. The most important of them is the following: anti-essentialism and radical empiricism in contemporary social sciences and humanities. The rejection of specific phenomena's roots, the systematic view and broad theoretical generalizations is perceived as something contradicting the very nature of scientific cognition. The article states the need to integrate the empirical analysis of different 'Studies' with theoretical sociology and cuturology.

Key words: socio-humanitarian world picture; continuity; ambiguity; ambivalence; uncertainty; disorder/Chaos; metaphor; constructivism; uniqueness; distinctions; variety and plurality; anti-essentialism; radical empiricism; Cultural Studies; theories of Practice; systematic-essential view.

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Purgin S. P.</i> The Soul in Platonism and Christianity, or What is Concealed in One Paragraph of Plato's "Phaedrus" (246b6-c7)	102
--	-----

The article offers an analysis and an interpretation of the fragment 246b6-c7 from "Phaedrus" of Plato. The ambiguity of the word choice in this fragment conceals some important peculiarities of the concept of the soul in ancient Platonism. These peculiarities make one doubt the similarity between Platonic and Christian ("atomistic" according to Nietzsche) concepts of the soul.

Key words: soul, Platonism and Neo-Platonism, Word-Soul, individual soul, Christian concept of the soul.

<i>Sukhareva V. A.</i> Structural Uniformity of Language, Reality, and Consciousness after the Linguistic turn.....	109
---	-----

The article focuses on the structural uniformity of language, reality and consciousness, which appeared after the linguistic turn. The author shows how the language becomes the ultimate ontological foundation of structural uniformity and correlation between mind and being within structuralism and analytical philosophy. Criticism of this position is offered in the wake of the arguments of Jacques Derrida, whose main thesis may be formulated as follows: structural uniformity of language, reality and consciousness is either absent or accidental.

Key words: structural uniformity of language, reality and consciousness, language, reality, consciousness, Linguistic turn, Structuralism, Analytic philosophy.

SHORT NOTICES

Gerasimova O. Y. Network Social Morphology of Civil Society 117

The article focuses on the self-organization of social space, which results from constructing a network of civil society. Social network morphology is a modern form of organization of social life where each individual enters into the dynamics of social interactions. Social interaction, as well as their organization should be assessed and analyzed within the dialectical synergetic approach. This approach allows to take into account the leading role of social and political movements, and the involvement of people in community activities for more effective management of social processes.

Key words: civil society, the network structure, decentralization, self-organization, individual, social and political movements.

Antonova N. L., Shcherbakova M. V. Marriage Choice among Young People: Sociological Dimension..... 122

The article presents theoretical basis for analyzing marital choice. Sociological research allowed to identify features, models, and factors of youth marital choice. The image of ideal family relationship is reconstructed, which includes marriage officially registered at the age 24–26, based on love between partners and equitable distribution of roles.

Key words: marriage, marriage choice, factors, youth.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Lubin V. P. History of Nazi Reich and Its Demise. Modern Germans' Reaction to Nazi Regime (Historiographical survey) ..... 128*Kondrashov P. N.* Review of I. A. Gobozov Louis Althusser — Prominent Marxist Philosopher of the 20th Century: Authentic Reading of Marx. M. : Leland, 2015 138

CONFERENCE AND SEMINARS

Atanesian A. V., Kamynin V. D., Liamzin A. V. The 20th Century History Lessons: 100 Years Since Armenian Genocide in Osman Empire ..... 144*Lisovets I. M.* “City as a Stage. History. Everyday Life. Future” — International Research Seminar and Almanach 148

OBITUARY 153

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2015
№ 3 (143)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 09.10.2015. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 12,76. Усл.-печ. л. 13,13. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 338.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **филологии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.
2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.
4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

- е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);
- ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru